

**ФИЛОЛОГИЯ
И
ЧЕЛОВЕК**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 3

2011

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2011

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), М.Ю. Сидорова (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

А.А. Чувакин

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Н.В. Панченко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского государственного университета, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А.Д. Васильев. Языковое законодательство как реализация идеологических парадигм	7
Л.О. Бутакова. Лингвистическое моделирование этнических фрагментов регионального языкового сознания	26
Т.А. Ивушкина. Светский код общения в американской культуре	45
Л.С. Ефимова. <i>Алгысы</i> в системе культово-обрядовой поэзии саха (якутов) : общие черты эпитетации	55
Г.В. Кукужева, И.А. Вагнер. Подчинение как тип отношений между первичным и вторичным текстом на материале современных рассказов-анекдотов	70
Б.В. Орехов, М.С. Рыбина. Филипп Супо о «Слове о полку Игореве» : комментированный перевод	78
Е.А. Худенко. Жизнетворчество О.Э. Мандельштама 30-х годов : лестницы и кристаллы	85
Г.В. Куличкина. Коммуникативное напряжение текста в повестях для театра В.М. Шукшина	98
О.В. Мирошникова. Стихотворение и цикл в архитектонике лирической книги	108

Научные сообщения

С.Б. Черемисина. Специальность учебно-научного текста: к постановке проблемы.	117
Н.А. Грищенко. Учебные пособия по русскому языку на рубеже веков как отклик на запросы времени	124
О.Л. Арискина. Вклад В.П. Светова в развитие русской дериватологии	130
И.Н. Гридина. Пути формирования гипо-гиперонимических отношений на ранних этапах речевого онтогенеза (по материалам эксперимента)	139
Е.В. Саунина. Вопросительные предложения и их функции в речи Д.А. Медведева и В.В. Путина	146
Т.Ю. Храмова. Обоснование возможности альтернативных вариантов согласования в рамках одной структуры	153

Ю.В. Седойкина. Семантика диалектных фразеологизмов в брянских говорах (на материале наименований людей)	159
Ду Хунцзюнь. Очерк о китайских глаголах направления движения <i>lai</i> и <i>qi</i>	166
Н.Ю. Полуничева. Адъективация действительных причастий настоящего времени	174
А.О. Топоева. Ассоциативное поле прилагательных <i>weak – слабый</i>	182
В.В. Трубицына. Рецептивные трансформации стихотворения А.С. Пушкина «Вишня» в русской культуре XIX века	186
И.А. Бедарева. Билингвистический принцип мировосприятия как философско-эстетическая основа поэтики творчества Георгия Кондакова	194
П.С. Глушаков. Черты художественного мира поэзии Алексея Прасолова.....	206
Ю.И. Королева. Мотив возвращения в антиутопии XX века.....	213

Проблемы филологического образования

А.А. Чувакин. Основы филологии : примерная программа учебной дисциплины (для всех профилей подготовки)	220
---	-----

Критика и библиография

Н.В. Орлова. Язык–текст–литература: коммуникативная парадигма: сб. статей к 70-летию А.А. Чувакина / под ред. И.Ю. Качесовой и Н.В. Панченко. Барнаул : Изд-во Алт. Ун-та, 2011. 496 с.....	225
Резюме	227
Наши авторы	234

CONTENTS

Articles

A.D. Vasiliev. Language Legislation as Ideological Paradigms Realization.....	7
L.O. Butakova. Linguistic Modelling of Ethnic Fragments of Regional Language Consciousness.....	26
T.A. Ivushkina. Society Code in American Culture.....	45
L.S. Efimova. <i>Algys</i> in Traditional Yakut (Sakha) Poetry: General Features of Epithetization.....	55
G.V. Kukueva, I.A. Vagner. Subordination as a Type of the Relations Between Primary and Secondary Text on the Material of Modern Joke Stories.....	70
B.V. Orekhov, M.S. Rybina. Philippe Soupault about «The Tale of Igor's Campaign»: the Commented Translation.....	78
E.A. Khudenko. Life Creativity of O. Mandelstam of 30 th : Stairs and Crystals	85
G.V. Kulichkina. Communicative Strained Text in Stories for Theatre by V.M. Shuksin	98
O.B. Miroshnikova. Poems and Entire Cycles in Compositional Design of the Concluding Book.....	108

Scientific reports

S.B. Cheremisina. Spaciousness of Scientific-educational Text: Facing the Problem.....	117
N.A. Grishchenko. Russian Language Manuals on the Boundary of Centuries as Response to Inquiries of Time.....	124
O.L. Ariskina. V.P. Svetov's Contribution to the Development of Russian Derivatology	130
I.N. Gridina. Different Strategies of Children's Acquisition of Hyponym-hypernym Relations (based on the Experiment).....	139
E.V. Saunina. Interrogative Sentences and their Functions in D.A. Medvedev's and V.V. Putin's Speech.....	146
T.Y. Khramova. Grounds of Alternative Agreement in the Same Structure.....	153
Yu.V. Sedoykina. Semantics of Dialectal Phraseological Units in Bryansk Dialects (on the Basis of People's Names)	159

Du Hutzun. Essay about Chinese Verbs of Movement <i>lai</i> and <i>qu</i>	166
N.Y. Polunicheva. Adjectivisation of Active Participles of the Present	174
A.O. Topoeva. Associative Field of the Adjectives <i>Weak – слабый</i>	182
V.V. Trubitsyna. Receptive Transformations of «Cherry» (Russian «Vishnya») Poem by Alexander Pushkin in the Light of the 19 th Century Russian Culture	186
I.A. Bedareva. Bilingualistic Principle of Worldview as a Philosophical and Esthetical Basis of Poetics in Georgy Kondakov’s Works.....	194
P. Glushakov. Lines of Art World of Poetry by A. Prasolov.....	206
Yu.I. Koroleva. Motive of Return in Anti-utopia of XX th Century	213

Problems of philological education

A.A. Chuvakin. Philology Fundamentals : Approximate Programme of the Discipline (For All Profiles of Training).....	220
---	-----

Critics and bibliography

N.V. Orlova. Язык–текст–литература: коммуникативная парадигма : сб. статей к 70-летию А.А. Чувакина / под ред. И.Ю. Качесовой и Н.В. Панченко. Барнаул : Изд-во Алт. Ун-та, 2011. 496 с.	225
---	-----

Summary	227
----------------------	-----

Our authors	234
--------------------------	-----

СТАТЬИ

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

А.Д. Васильев

Ключевые слова: закон, идеология, русский язык.

Keywords: law, ideology, Russian language.

Цель издания законов двоякая: одни издаются для вящего народов и стран устроения, другие – для того, чтобы законодатели не коснели в праздности.

М.Е. Салтыков-Щедрин

На протяжении многих лет в трудах лингвистов выдвигаются различные (иногда – взаимно и диаметрально противопоставляемые, иногда – комплементарные) объяснения причин и движущих сил, которыми предопределяются языковые эволюции и формируется языковая ситуация.

Довольно популярны взгляды на любой конкретный язык как на совершенно автономно существующий и развивающийся объект (организм, механизм, систему), что вполне логично позволяет говорить и о ничем и никем не ограничиваемой стихийной природе самоуправляющегося языка, который если и меняется, то только сам по себе, повинувшись собственным внутренним законам. Абсолютизация стихийности и автогенности языка естественным образом позволяет говорить о его неизбежно имманентной саморегуляции и заведомой бесплодности попыток какого бы то ни было вмешательства в языковые процессы (в том числе – и на уровне формирования культуры речи: дескать, язык

сам способен отсеять ненужное и случайное, а «языковая мода», или «языковой вкус эпохи», – тоже преходящи, так что остается только отвлеченно-академично констатировать имеющуюся ситуацию и регистрировать различные ее фрагменты, не утруждаясь поисками объяснений истоков «моды» («вкуса»), а также ее причин и популяризаторов). Понятно, что такие подходы оставляют для так называемого «рядового носителя языка» (то есть нефилолога) безнадежно открытыми вопросы о целях, задачах и, собственно, социальной необходимости не только теоретической, но и прикладной лингвистики. Впрочем, ср.: «Не нашло четкого определения и понятие “внутренние законы развития языка”» [Серебренников, 1990, с. 159]. Вряд ли оно имеется и сегодня.

С другой стороны, по-видимому, вызревшее наконец осознание того непреложного факта, что язык творится человеком, для которого – в человеческом же обществе – и существует и которым используется и изучается, равно как и запоздалая реакция на структуралистски выхолощенные экзерсисы, на очередном витке лингвистической мысли породили (а точнее, наверное, – возродили в новом терминологическом облачении) антропоцентристский подход к изучению феноменов языка.

Однако, как бывает довольно часто, не обошлось без крайностей и приспособления сиюминутных политико-пропагандистских лозунгов для нужд модернизируемой в унисон перестройке и реформам лингвистики: кажется, почти синхронно с популяризацией маловнятного агитационного штампа *человеческий фактор* (то есть имеется в виду **не** человек в полном смысле слова) был внедрен и подхвачен широкими кругами отечественных специалистов столь же занятный в семантическом отношении терминоид *человеческий фактор в языке*. Конечно, он был бы весьма уместен, скажем, при условии наличия неоспоримых доказательств неземного (или вземного) происхождения человеческого языка. Однако этот терминоид и до сих пор охотно употребляют в лингвистических трудах. Кстати, надо заметить, что уже на протяжении ряда лет в дискурсе российских СМИ устойчивое словосочетание *человеческий фактор* очевидно приобрело некие негативные коннотации, выступая в качестве псевдоэвфемизма к словам и словосочетаниям вроде *халатность, недисциплинированность, разгильдяйство, нарушение правил техники безопасности, преступная небрежность, грубая ошибка, отсутствие должной квалификации, несоблюдение инструкции, невыполнение служебных обязанностей* и пр. На смутный *человеческий фактор* также зачастую списываются чрезвычайные про-

исшествия (например, так называемые техногенные катастрофы и последствия стихийных бедствий), виновных в которых не могут обнаружить или по каким-то причинам не желают персонифицировать.

Тем не менее, при всем разнообразии точек зрения, кажется, никто из лингвистов не отрицает непреложность того, что язык – явление социальное, которое, возникая и существуя в обществе, активно участвует в его становлении и развитии. Политически же общество организуется в государство, которое и способно оказывать влияние, может быть, не столько на язык как таковой, но, во всяком случае, на сложение языковой ситуации (под которой подразумевается «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Виноградов, 1990, с. 616]). Государством проводится языковая политика, которая иногда, впрочем, может именоваться и иначе (о терминах *языковая политика – языковое планирование – языковое строительство* и сопряженности обозначаемых ими понятий см., например: [Васильев, Веренич, 2005, с. 26–31]).

Понятие *языковая политика* многогранно. Оно находится в сложных и неоднородных отношениях с целым рядом других и в разных случаях может определяться как компонент либо как доминанта таких понятий, как *государственная политика, культурная политика, национальная* (то есть применительно к этносам, нациям, национальностям) *политика* и др. Нередко вопросы языковой политики рассматривают в качестве составной части проблем «Язык и право», «Язык и политика», включая их в круг интересов соответственно юрислингвистики [Голев, 1999] или политлингвистики [Чудинов, 2002]. Возможны также разные сочетания и пропорции интересов разных научных дисциплин и направлений при исследовании широкого круга вопросов, связанных с указанным феноменом.

Известны различные понимания термина *языковая политика*. Ср.: «Будучи практикой сознательного вмешательства в языковое развитие, языковая политика включает в качестве составных частей культуру языка и языковое планирование» [Никольский, 1970, с. 7]. – «...Система мер сознательного регулирующего воздействия на функциональную сторону языка, а через ее посредство в известной мере также и на его структуру...» [Аврорин, 1975, с. 28–29]. – «Языковая политика – совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве»

[Дешериев, 1990, с. 616] – и «Языковая политика представляет собой сознательное воздействие государства на функционирование языка в обществе, находящемся в пределах той или иной государственной или административной территории» [Герд, 1995, с. 22]. Нетрудно заметить, что в более поздней формулировке отсутствует прямое указание на идеологический компонент языковой политики, равно как и на некие принципы. Возможно, что и то, и другое одинаково закономерно и символично, будучи объективно предопределенным перестроечно-реформаторской российской реальностью. После успешного разрушения советского социалистического («идеологизированного») государства и демонтажа системы его ключевых этических ценностей, «поступившиеся принципами» (вспомним известную в свое время статью Н. Андреевой) поспешили уведомить о создании государства без какой бы то ни было идеологии (ср. *деидеологизация* – ‘устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (обычно коммунистической)’ [Скляревская, 2001, с. 202]). На свалку истории, естественно, заодно были отправлены и принципы, и само понятие принципиальности: их сменил маскируемый официозной фразеологией прагматизм, гармонирующий с основными векторами реформ. С течением времени, однако, стало понятно, что и в демократическом правовом государстве должно иметься хотя бы какое-то подобие идеологии – или ее имитация. Возможно, это отразилось и в следующем суждении о том, что предпринимаемые для проведения языковой политики практические меры «основаны (не обязательно осознанно) *на некоторых идеологических принципах*» [Алпатов, 2003, с. 20].

На вполне осознанных идеологических принципах базировалась советская языковая политика. Ср., например, фрагменты докладов и статей В.И. Ленина 1920, 1923 годов: «Коммунистом считать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. <...> К электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности» [Ленин, 1976, с. 416–417]. – «...На первом месте должно стоять попечение государства не об издательстве, а о том, чтобы было кому читать, чтобы было большое число способных читать. <...> На технические вопросы... мы все еще... уделяем много больше времени и сил, чем на общеполитический вопрос о народной грамотности» [Ленин, 1976, с. 448] и др. Конечно, можно сказать, что, наряду с решением задач промышленного подъема страны и необходимого для этого народного образования, преследовались и цели сугубо идеологические, а именно – так называемого политического просвещения, иначе говоря – ши-

рочайшего распространения агитационно-пропагандистских материалов, которые, при условии обретения грамотности, стали бы доступными для индивидуального восприятия всех и каждого, становившихся, таким образом, еще более зависимыми от руководящих установок, то есть – в большей степени пригодными объектами вербальных манипуляций. См. у того же автора: «Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя» [Ленин, 1976, с. 423]. – «Мало того, что наша комиссия будет стараться ликвидировать безграмотность. <...> Кроме грамоты нужны культурные, сознательные, образованные трудящиеся, нужно, чтобы большинство крестьян определенно представляло себе те задания, которые стоят перед нами. Эта программа партии [об электрификации] должна стать основной книжкой, которая должна пойти во все школы. Вы [делегаты третьего съезда комсомола] получите в ней, рядом с общим планом проведения электрификации, специальные планы, написанные для каждого района России. <...> Можно и должно на месте сравнивать, разрабатывать, проверять данные вам положения, добываясь того, чтобы в каждой школе, в каждом кружке на вопрос, что такое коммунизм, отвечали не только то, что написано в программе партии, а также говорили о том, как выйти из состояния темноты» [Ленин, 1976, с. 431–432] и т.п. (иначе говоря, борьба за поголовную грамотность – это и популяризация коммунизма – и vice versa).

Кампания по ликвидации безграмотности была санкционирована законодательно – декретом Совета народных комиссаров «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» 1919 года. Хотя сегодня полагают, что эта система мероприятий «носила сугубо принудительный характер», а «принудительность <...> сопровождалась канцелярским формализмом» [Романенко, 2003, с. 274], но не отрицают при этом, что «грамотность для многих была внове и ценилась невероятно высоко» (цит. по: [Романенко, 2003, с. 217, 264]). Несмотря на многие недостатки, (описываемые, например, в: [Зошенко, 1986, с. 276], [Зошенко, 1986, с. 291], [Зошенко, 1986, с. 480] или в: [Платонов, 1988, с. 147–148]), ликбез все же принес несомненно ощутимые результаты. Так, согласно советским источникам, если в дореволюционной России по переписи 1897 года было лишь 28,4% грамотных в возрасте от 9 до 49 лет, то в СССР грамотные составляли в 1926 году – 56,6%, в 1939 году – 87,4%, в 1970 году – 99,7%, в 1979 году – 99,8% [СЭС, 1983, с. 709].

Кроме распространения грамотности среди русских, первые десятилетия советской власти ознаменовались созданием алфавитов для

многих народов СССР, ранее вообще не имевших письменности (в том числе и для так называемых «коренных»); довольно любопытно, что русские, кажется, так и не удостоились последнего титулования), немалая часть которых сегодня процветает в своих суверенных государствах.

Историческая беспрецедентность того же ликбеза, как и многих других явных достижений культурно-языкового строительства в СССР, высоко оценивалась не только отечественными специалистами; ср.: «Авторитет правительственных учреждений (имеется в виду АН СССР и ее институты. – А. В.), конечно, гораздо выше, чем любого лица или общественной организации на Западе. Велико также влияние школы и СМИ. Языковая политика – часть советской политики и в полном согласии с ее идеологией» [Timroth, 1986, с. 2].

Небезынтересным представляется (и даже вовсе не в целях сравнительного сопоставления) попытаться хотя бы фрагментарно рассмотреть, какие латентные «идеологические принципы» и в какой форме воплотились в законодательных актах, предназначенных, судя по их названиям, прежде всего для регламентации и проведения языковой политики на территории РФ (кстати, см. одно из наиболее удачных определений доминирующей – хотя, согласно ч. 2 ст. 13 действующей конституции, таковой в РФ нет – идеологии: «товарно-денежная идеология, проявляющаяся в релятивистской софистической риторике» [Романенко, 2004, с. 25]).

Некоторые специалисты убеждены, что в процессе формирования государственной языковой политики «наиболее активную роль <...> играет активная часть населения, которую называют (не уточняется, в каком именно юридическом документе. – А. В.) *политической элитой*»; она-то, оказывается, «очевидно должна иметь своих представителей как во властных структурах, так и в соответствующих профессиональных кругах» [Бенедиктов, 2003, с. 17].

В отличие от понятия *политика*, понятие *элита* здесь почему-то не расшифровывается (ср., например, сегодняшнее значение слова *элита* – ‘привилегированная верхушка общества или какой-л. его части, какой-л. группы людей’ [Скляревская, 2001, с. 869] – и раннее, теперь явно архаичное его значение: *элита* – ‘лучшие представители общества или какой-л. его части’ [МАС, Т. 4, с. 758]). Нелишне бы при этом также учитывать, каковы представления о культуре речи хотя бы некоторых представителей *элиты*, воплощающиеся в их спонтанных коммуникативных русскоязычных актах: «Памятник подвигу **воинам-сибирякам**, внесших свой вклад в героическом сражении под Моск-

вой» (Ю. Лужков, ИКС КГТРК, 06.12.01); «Этот слух никакой почвы **перед** собой не имеет» (П. Пимашков, ТВК, 29.05.03); «Этой зимой мы так **фраернулись**» (Директор бизнес-школы, Новости, 7-ой канал, 17.07.02); «На языке делового мира это называется **кинуть**» (Представитель АО «Ленэнерго», Вести+, РТР, 06.04.03); «Я полгода здесь **разводил**, а теперь буду **хребты ломать...**» (А. Лебедь, ТВК, 18.01.99); «*Корреспондент*: Зюганов обиделся. *Н. Шмаков, председатель ФНПР*: На **обиженных** воду возят» (Новости, ОРТ, 01.05.02). Согласно «Словарю русских пословиц и поговорок», значение пословицы «На **сердитых** воду возят» – ‘сердитому больше и достается’; ‘говорится тому (или о том), кто раздражен, чей гнев не вызывает сочувствия, кажется безосновательным, неоправданным’ [Жуков, 1966, с. 251]. Возможно, в речи главного российского профсоюзного босса – контаминация под влиянием уголовно-жаргонного *обиженный* – ‘осужденный, над которым насильно совершили акт мужеложства либо другие развратные действия’ [Хукка, 1992, с. 120]. «**Сука, пидор...**» (М. Жванецкий. Юмористическая программа, ТВК, 13.12.01; между прочим, он же кем-то еще и назначен еженедельным «дежурным по стране», то есть по России – см. РТР); «Люблю, когда женщины матерятся, но не воспитатели детей, а политики... Вот Раиса Васильевна [Кармазина, депутат Госдумы] как завернет!» (О. Пащенко, депутат Заксобрания Красноярского края); ср. здесь же наивно-дилетантский комментарий журналистки: «Говорят [!], что язык развивается по своим законам, и ему, как человеку, почти невозможно что-нибудь навязать». (Новости, ТВК, 18.04.02); «В жизни [Надежда] Бабкина уважает крепкое словцо. Она говорит: “Вот **пошлешь** кого-нибудь – сразу все поймут”» (Новое утро, ТВК, 11.03.05) и т.п. Ср. также резкий, но резонный ответ писателя М. Успенского на вопрос тележурналиста: «Когда же мы будем грамотными?» – «Когда у нас будет настоящая элита, а не это богатое отребье, <...> которое само себя объявило элитой» (Новости, 7 канал, 08.09.05) (более подробно о послесоветской семантике и прагматике слова *элита* см. в: [Васильев, 2008a, с. 5–21]).

Понятно, что в свете вышеприведенных образцов элитарной речевой культуры законодательство о языковой политике лишь в последнюю очередь, «н а к о н е ц, <...> должно включать в себя положения, регламентирующие порядок учета обращений граждан по указанной проблеме, а также позволяющие обеспечить широкое участие общественности и учет мнения ученых и специалистов по данной проблеме» [Бенедиктов, 2003, с. 17–18].

Совершенно справедливо, что «языковая политика ведется везде. Даже если ее нет в целенаправленном виде, стихийно она как-то проводится» [Алпатов, 2003, с. 26]. Можно было бы, однако, уточнить, что и при видимой (то есть кажущейся) ее стихийности, она столь же целенаправленна и, вероятно, еще более эффективна, чем официально декларируемая. Примером этого служит современный российский телевизионный дискурс, весьма далекий от соблюдения норм русского литературного языка, но – в силу чрезвычайно мощного манипулятивного влияния телевидения – воспринимаемый значительной (если не большей) частью телеаудитории в качестве даже не узуального, а нормативного (см.: [Васильев, 2003]).

Ср.: «Значительная часть создателей массово потребляемых текстов [то есть СМИ и поп-культуры] – попросту малограмотные не отягощенные моралью и этическими нормами недоучки, выпавшие из культурно-исторического пространства того общества, чье общественное сознание они формируют» [Кравченко, 2008, с. 44–45]. Более того: «...Созданный [речедеятелями СМИ] текст или превратно толкует картину действительности, или же вовсе не поддается рациональному восприятию. Удручающая регулярность и частота этих явлений позволяет говорить о них как о закономерности. <...> За приведенными высказываниями как явлением языка СМИ стоит определенное качество языкового мышления **авторов этих** текстов, которое мы определим как языковую дементность» [Фомин, 2003, с. 56, 58].

Конечно, в сопоставлении с воздействием образцов речи постоянных телеперсонажей (например, той же «элиты») сегодня вряд ли можно считать достаточно сильным влияние двух других основных факторов, традиционно призванных формировать речевое поведение носителей языка и определять языковую ситуацию, – системы образования и административных и законодательных мер, воплощаемых в соответствующих документах.

Рассмотрим некоторые из таких актов, причем с преимущественным вниманием к тем, которые определяют статус русского языка и – хотя бы до некоторой степени – регулируют его применение в речекommunikативной практике (ведь, в самом деле, скажем, «русско-чукотские языковые отношения не предполагают столь же выраженно-го влияния чукотского на русский, как и русского на чукотский» [Трубачев, 1992, с. 10], хотя и этот пример в свете некоторых сегодняшних реалий уже не представляется утрированным).

«В 1989 году в прибалтийских республиках, а затем и в ряде других республик были приняты законы о языках, скопированные с запад-

ных образцов. В них языки титульных народов объявлялись единственными официальными языками на территории соответствующих республик (и хотя это тогда еще не соответствовало реальности, но задавало курс развития). <...> В Законе о языках народов СССР в апреле 1990 года <...> впервые русский язык официально объявлялся государственным языком страны (ранее такое положение отсутствовало). Но эта мера уже была запоздалой» [Алпатов, 2003, с. 23–24]. Затем началось головокружение от демократических успехов: «...При выработке языковой политики в 1991 году и нескольких последующих лет и в Москве отчасти исходили из несколько идеалистических представлений. Это сказалось на принятом в октябре 1991 года первом варианте закона “О языках народов РСФСР”. Он предусматривал, например, поэтапное введение в центральных государственных органах с 1992 по 1995 год штата переводчиков для ответов на присылаемые на языках меньшинств запросы» [Алпатов, 2003, с. 24–25]. От этой замечательной затеи затем, впрочем, отказались ввиду заведомой ее неосуществимости.

При этом, как известно, «многие республики Российской Федерации ввели на своей территории несколько языков в качестве государственных. Некоторые из них дополнили свое законодательство специальными законами о языках. <...> Правила законодательного регулирования достаточно неоднородны в различных республиках...» Так, ст. 15 закона Республики Хакасия «О языках народов Республики Хакасия» от 20.10.92 гласит: «Использование языков в официальной переписке. Официальная переписка и иные формы официальных взаимоотношений между государственными органами, организациями, предприятиями, учреждениями в Республике Хакасия ведутся на русском или хакасском языках. В отношениях с другими государствами СНГ, Российской Федерации [!], а также иностранными государствами используется язык, приемлемый для обеих сторон» [Бенедиктов, 2003, с. 9–10].

Ср.: «...Когда республики в составе Российской Федерации в своих конституциях и законах о языках провозгласили государственными языки титульных наций и русский язык», то «соответствующие правовые нормы оказались во многом декларативными, ибо функции государственного языка предполагают наличие достаточно высокой степени собственно лингвистического развития языковых средств. <...> Формально-правовое признание равенства языков не совсем адекватно отражает реальную речевую практику в настоящее время» [Губаева, 2004, с. 152]. А ведь «в проекте соответствующего российского

закона протаскивались любые мыслимые формулировки – о государственных языках [!] России, о множественных суверенитетах, ну, словом, все, кроме честного признания единственно реального факта: в России, а также между Россией и другими республиками (да и между самими республиками в любых двух- и многосторонних отношениях!) официальные переговоры ведутся на русском и ни на каком другом» [Трубачев, 1992, с. 7].

Справедливо, что одной из причин (может быть, одной из главных причин), вызвавших очевидную потребность в совершенствовании российской языковой политики – точнее, российского законодательства о языках – стало происходящее в последние годы постепенное «выдавливание» русского языка из сферы официального общения в ряде субъектов Федерации [Доровских, 2003, с. 10].

Судьба, постигшая русский язык (а следовательно, и русских), например, в Грузии, Эстонии или Латвии – а в скором времени, возможно, и на («в») Украине, с немалой долей вероятности может экстраполироваться на некоторые субъекты РФ: «...В ряде республик можно [нужно! – *А. В.*] беспокоиться и за позиции русского языка. Особенно это проявляется в Якутии и Туве, где процент русскоязычного населения невелик [относительно Тувы-Тывы, по крайней мере, точнее было бы сказать, что этот и так “невеликий процент” резко пошел на убыль как прямое следствие перестроечных “процессов”, – эксцессов, почти сопоставимых с современными им на территории Чечни, тоже проходившими под лозунгами социальной справедливости, борьбы с имперскими амбициями и, главное, возрождения национального достоинства “коренного народа” – *А. В.*], а экономические связи с центром резко сократились [из-за отсутствия квалифицированных кадров и введения экономических новшеств остановились многие предприятия, где ранее работали русские. – *А. В.*]. Рассказывают, что маленькие дети в Туве [и не только они. – *А. В.*] уже часто совершенно не знают русский язык...» [Алпатов, 2003, с. 27]. Действительно, «нельзя забывать о том, что вытеснение русского языка происходит на фоне вытеснения самих носителей русского языка [точнее, первый процесс служит импульсом и катализатором второго. – *А. В.*]. Таким образом, эта категория граждан низводится до положения «пришлого» [Доровских, 2003, с. 11], а затем изгоняемого населения.

Понятно, что наличие единого государственного языка – один из самых действенных факторов, способствующих интеграционным процессам, да еще в условиях, когда многим все еще помнится патетиче-

ский призыв: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить!»

Однако, по-видимому, не только забота об укреплении единства России могла бы стать отправной точкой законодательной активности в области языковой политики.

Так, одна из возможных концепций языковой политики по отношению к русскому языку была разработана в 1996 году группой экспертов Государственной думы РФ под общим руководством П.Н. Денисова; во главу этой концепции была поставлена идея защиты русского языка. Предполагалось, в частности, что в законе о русском языке должны быть сформулированы юридически корректные дефиниции таких ключевых понятий, как: родной язык (первый, второй), национальный язык, общий язык, язык межнационального общения, язык международного общения, мировой язык; а также более общих понятий социальной лингвистики: русская языковая картина мира, языковая политика, языковое строительство, языковое состояние, языковая ситуация, языковой союз, норма литературного языка и проблема санкций, включая нравственные оценки и оценки с точки зрения нанесения лингвокоммуникационного и лингвокультурного ущерба государству, его безопасности и некоторые другие [Агафонова, 1998, с. 90].

По каким-то причинам проект соответствующего данной концепции закона о защите русского языка, прошедший ряд официальных инстанций, так и остался не только не принятым, но фактически даже неизвестным и великому множеству лингвистов, и широкой аудитории неспециалистов. А ведь подобные законопроекты, непосредственно касающиеся не только граждан РФ, но и будущего их детей, казалось бы, самым естественным образом должны тиражироваться через СМИ разных уровней для всеобщего сведения.

Однако некоторая законодательная инициатива относительно статуса русского языка в РФ несколько позже все же нашла свое воплощение в проекте федерального закона «О русском языке как государственном языке Российской Федерации», предложенном думской фракцией движения, называвшегося тогда «Единство». Собственно говоря, и этот законопроект также не обрел сколько-нибудь значимого резонанса даже в среде лингвистов. Те же из них, кому, по стечению обстоятельств, удалось ознакомиться с его текстом, нередко высказывались о нем довольно критично: отмечались сугубая декларативность законопроекта, его ориентация лишь на соблюдение корректности речевой коммуникации и пр. [Васильев, 2001]; указывалось на отсутствие

основополагающих дефиниций (в частности, понятия «русский язык») и непризнание приоритетной роли русского языка как государственно-го и т.п. [Михайлов, 2001] Вольно или невольно текст проекта закона производил впечатление сконструированного таким образом, чтобы остаться не принятым в качестве закона, – что и произошло.

Напомним, что именно средства так называемой массовой информации устами разнородных знатоков всего и вся, всегда готовых нужным заказчику образом высказаться на любую заданную тему и имеющих поэтому постоянный доступ к микрофону, телекамере и газетно-журнальным полосам, старательно провоцировали общественное мнение на отторжение подобного документа в каком бы то ни было виде (ср. квинтэссенцию их типичных реплик: «Защита [русского] языка в своей сути – затея нелепая и смехотворная» (П. Вайль, Намедни, НТВ, 02.02.03)). Через несколько лет российские СМИ столь же старательно блокировали замалчиванием благородную инициативу российского же президента, объявившего 2007 год «Годом русского языка».

Впрочем, творческая (она же – креативная) мысль законодателя не дремала (кажется, именно по количеству принимаемых законов Госдума имеет отличные показатели), и в 2005 году был принят Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (№ 53 – ФЗ).

Уже из самого его названия слово *русский* было удалено, да и в тексте закона оно почти повсеместно заменено словом *государственный*, выступающим в качестве то ли контекстуального синонима, то ли эвфемизма к прилагательному *русский* (см. о подобном, например в [Васильев, 2003, с. 180–212], а также: «...Комитет Государственной Думы обсуждает Закон о русском языке. <...> Странные предложения между прочими: “Не нужно в Законе о русском языке использовать слово *русский* – другие обидятся”. <...> Получается, что Закон о русском языке – это закон о “не-русской” речи? О *российской* речи?» [Жолесов, 1998, с. 208–209]).

В законе отсутствует определение русского языка; по-своему это вполне логично, так как и о русском народе здесь нет никаких упоминаний. Логика политкорректного законодателя, однако, довольно прихотлива: ведь именно русский народ является не только основным носителем русского – государственного – языка, но и государствообразующей нацией. Ср.: «Русские составляют абсолютное большинство многонационального народа России (более 85%). И речь идет не о каких-то этнически чистых русских – наверное, таких и нет. Такое разъяснение “русскости” необходимо, чтобы сразу отвести все софистские

аргументы о расизме, этнической чистоте и прочих чудесах» [Агафонова, 1998, с. 89]. – «...Почему внимание законодателя сосредоточено на положении русского языка именно как языка государственного? <...> Мы привыкли называть нашу страну многонациональной, но при этом как бы [!] забываем, что примерно три четверти ее населения составляют русские. <...> Большинство населения не нуждается в понуждении употреблять в повседневной и официальной жизни родной язык» [Доровских, 2003, с. 10]. – «В действительной, невыдуманной истории мы всегда имеем дело с национальным государством. <...> В государствеобразовании воплощена идея самосохранения нации, народа <...> Разговор о том, что национальный принцип государствеобразования себя как будто исчерпал, представляется безответственным и авантюрным» [Трубачев, 2004, с. 184–185], но такая постановка вопроса российским законодателем вполне в духе глобализации. В ч. 2 ст. 1, как и в преамбуле, декларируются «защита и поддержка» русского языка – лишь в статусе государственного; можно только догадываться, что защищать и поддерживать будет само государство, ибо прямо здесь об этом почему-то не говорится.

Отметим попутно довольно пикантную деталь чисто юридическо-го характера: в ч. 2 ст. 1, как и далее, в ст. 2 закона, дается ссылка на Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 807-1 «О языках народов Российской Федерации». Эта вроде бы заурядное для техники нормативного акта упоминание на самом деле чрезвычайно интересно: такого закона нет. Дело в том, что 25 октября 1991 года четвертой сессией Верховного Совета РСФСР был принят «Закон РСФСР “О языках народов РСФСР”» (см. «Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР» № 50 от 12.12.91, сс. 1987–1996), а вот впоследствии уже его трансформированный текст стал фигурировать как «Закон о языках народов Российской Федерации», известный в редакциях от 24.07.98 (№ 126 – ФЗ) и от 11.12.02 (№ 165 – ФЗ). По-видимому, такое *qui pro quo* не случайно: в изложении интервью, данного 16 марта 2001 года «Российской газете» руководителем рабочей группы, членом Комитета по культуре и туризму, депутатом Государственной Думы от фракции «Единство» А.А. Алексеевым, говорится, в частности: «...Основной упор в проекте сделан на Конституцию и Закон РФ о языках народов РФ, принятый еще в 1991 году [разбивка наша. – А. В.]» (цит. по журналу «Мир русского слова» № 1 за 2001 год, с. 11). Конечно, неудобно было бы спрашивать у всеми уважаемого народного избранника: а когда,

собственно, возникло государственное образование, именуемое «РФ»? Кажется, все-таки по сле 25 октября 1991 года...

Отсутствует и определение неоднократно упоминаемых в тексте «норм современного русского литературного языка», а ведь закон наверняка предназначен не только для лингвистов. Допустимо предположить, что именно ч. 3 ст. 1 закона готовила почву для реализации малоизвестного даже филологам проекта отреформированного свода правил русской орфографии и пунктуации (а в перспективе – и возможность перехода на латиницу; напомним, что ч. 6 ст. 3 гл. 1 «Закона о языках народов Российской Федерации» 1998 года гласит: «В Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральным и законами [разбивка наша. – А. В.]» (подробнее см. в [Васильев, 2008б, с. 67–68]).

Не вполне безупречна формулировка ч. 6 ст. 1: «...Не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Во-первых, почему-то именно здесь использовано слово *аналог*, которое – согласно данному ограничению – законодатель просто должен был бы заменить на русское слово *подобие*; во-вторых, если сделать акцент на определение «современного», то можно подумать, что речь идет (в том числе) и об архаизмах (*архаизмы* – ‘слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по к.-л. причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами’ [Белоусова, 1990, с. 540]).

Отрадно, что, согласно ч. 7 ст. 1 закона, «обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации». Особенно трогательное впечатление производит то обстоятельство, что обязательность использования государственного языка РФ не отрицает и не умаляет права русского народа пользоваться своим родным языком. Конечно, нельзя точно квалифицировать причины столь изящных формулировок (ср. попытки объяснить подобное то ли малым профессионализмом разработчиков законов, то ли стремлением избежать конфликтов [Алпатов, 2003, с. 25] – но, если верно последнее, то в чем же,

собственно, состоит приоритетная роль государственного языка и за- чем он нужен при таком равноправии, а точнее, нивелировании?).

Упомянутые в ст. 2 закона «общепризнанные принципы и нормы международного права» довольно расплывчаты. Впрочем, надо иметь в виду, что, по оптимистическим оценкам некоторых специалистов, «следует считать уже состоявшейся концепцию примата <...> норм международного права в процессе взаимодействия с нормами внутригосударственного права», поскольку «необходимо [!], чтобы специфические интересы государства были согласованы с общими интересами человечества» [Каламкарян, Мигачев, 2004, с. 6, 17]. Кому это «необходимо» и кто именно определяет, каковы «общие интересы человечества», здесь не сообщается: вероятно, это просто констатация торжества «глобальной бюрократии», действующей, в конечном счете, в интересах транснациональных корпораций [Иванец, Червонюк, 2003, с. 90 и др.]

Особого внимания с точки зрения соблюдения литературно-языковых норм заслуживают, конечно, так называемые средства массовой информации. В сознании большой (может быть, большей) части их аудитории по-прежнему присутствуют представления о СМИ как о рупоре и неперменном атрибуте высшей власти, обладающей истиной в последней инстанции; поэтому же элементы их дискурса зачастую воспринимаются в качестве авторитетных образцов. Между тем, лингвисты неоднократно говорили (и продолжают говорить, ибо не в их силах изменить существующую ситуацию) о постоянном пренебрежении деятелей СМИ нормами русского литературного языка (см., например [Сковородников, 1993], [Клубков, 2002], [Васильев, 2003], [Фролов, 2005а], [Фролов, 2005б] и др.)

В п. 9 ч. 1 ст. 3 закона довольно подробно перечисляются органы СМИ, включенные в сферу обязательного использования государственного языка. Однако напомним: сегодня уже «никто не сомневается в том, что и печать, и радио, и телевидение образуют одну целостную систему» – и, соответственно, единый «речевой массив – речевую систему СМИ» [Коньков, 2002, с. 5]. В данном пункте отсутствуют какие-либо упоминания о тех организациях телерадиовещания и периодических печатных изданиях, которые не являются ни общероссийскими, ни региональными, ни муниципальными, а учреждаются частными лицами, их группами либо коммерческими или общественными (не государственными) организациями и функционируют в качестве таких – «независимых». Следовательно, они вовсе не обязаны соблюдать нормы современного русского литературного языка. Таким образом, из

единого речевого массива совершенно искусственно вырван компонент, весьма значительный и по объему, и по эффективности воздействия на аудиторию и формирования не только ее речевой культуры, но и мировоззрения. Большой вопрос: считать ли эту формулировку случайным упущением якобы наивного законодателя, или симптомом «свободы слова» (как известно, довольно избирательно понимаемой), или результатом лоббирования упомянутыми СМИ своих интересов?

В этом пункте закона сказано также об исключении требования обязательного использования государственного языка РФ в случаях, «если использование лексики, не соответствующей нормам государственного языка, является неотъемлемой частью художественного замысла». Филологам хорошо известно, что само понятие «художественный замысел» весьма дискуссионно; издавна и немало говорилось не просто о возможности, но о непреложности сугубо индивидуального понимания одного и того же литературного текста каждым его читателем. Трудной, почти заведомо неразрешимой задачей обычно оказывается аргументация соответствия или несоответствия изобразительных средств, выражающих замысел автора, равно как и обоснование художественной ценности произведения (ср. дифирамбы мату в литературном тексте [Ковалев, 2005]). Эти проблемы представляются особенно актуальными в современных российских условиях, когда достоинства того или иного художественного текста оцениваются исключительно рентабельностью его издания, гонораром автора и т.п. Можно предположить, что и цитированный выше раздел закона формулировался не без участия заинтересованных в прибылях (а вовсе не в поддержании общественной нравственности) издателей, либо законодатель предусмотрительно заведомо учитывал прежде всего интересы «эффективных собственников», как, вероятно, и положено в демократическом правовом государстве. В свете этого следует также отметить, что, согласно п. 6 ст. 4 закона, федеральные органы «осуществляют государственную поддержку издания словарей и грамматик русского языка» – любых? Почему-то здесь не упоминается о поддержке издания учебников русского языка.

В проекте закона, подготовленного К. Бичелдеем, кроме того, что «государство обеспечивает гражданам Российской Федерации получение образования на русском языке как на государственном языке Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации» (ч. 1 ст. 13), – то есть в любых, в том числе и в частных учебных заведениях, – говорилось также: «В общеобразовательных учреждениях и образовательных учреждениях профессионального об-

разования изучение русского языка как государственного языка Российской Федерации является обязательным» (ч. 2 ст. 12 проекта; разбивка наша – А. В.) Кажется, текст закона, в отличие от текста этого проекта, гораздо более близок лозунгу, провозглашенному весьма популярным некогда автором: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка!» [Ленин, 1976, с. 122]. Ч. 1 ст. 5 закона гласит: «Обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации предусматривает: 1) получение образования на русском языке в государственных и муниципальных образовательных учреждениях» – частно-коммерческие учебные учреждения (от дошкольных до высших включительно) здесь не упомянуты. Однако если какой-то язык узаконен в статусе государственного, то, казалось бы, государство, в целях собственного нормального функционирования, для безусловного обеспечения необходимой ему же (государству) языковой компетентности граждан должно было бы предусмотреть и узаконить обязательность обучения этому языку – хотя бы с учетом его интегрирующей роли.

В рамках данной публикации не представляется возможным анализировать и комментировать текст закона более подробно (см. [Васильев, 2008б, с. 72–116]). Подытоживая сказанное, отметим: конечно, сам по себе факт его появления можно приветствовать, однако после принятия закона прошло свыше пяти лет – а что, собственно, изменилось в речевой практике, например, тех же СМИ? Перед нами – некий паллиатив; о подобном говорил великий русский сатирик устами своего персонажа: «...Есть, наконец, законы средние, не очень мудрые, но и не весьма немудрые, которые, не будучи ни полезными, ни бесполезными, бывают, однако ж, благопотребны в смысле наилучшего человеческого жизни наполнения <...>, которых роль в том и заключается, чтобы напоминать живущим, что несть на земле дыхания, для которого не было бы своевременно написано хотя какого-нибудь закона. <...> Это собственно даже не законы, а скорее, так сказать, сумрак законов. Вступая в их область, чувствуешь, что находишься в общении с легальностью, но в чем состоит это общение – не понимаешь...» [Салтыков-Щедрин, 1953, с. 108].

Надо согласиться с тем, что изначальной благородной целью закона о русском языке должна была бы стать защита даже не собственно языка, а «человека, на культурные ценности которого покушаются...» [Колесов, 1998, с. 209]. Конечно же, вопрос о русском языке принадлежит кругу вопросов о нравственности, о порядочности, вооб-

ще – о культуре нации [Колесов, 1998, с. 209], русского народа, который сегодня активно, в том числе и с помощью вербальных операций, из бывшего «советского» беззастенчиво переделывают в совершенно фантастический «российский» [Фролов, 2005б, с. 506]. Не потому ли так настойчиво и очевидно целенаправленно некоторые русисты отказывают русскому языку в принадлежности к явлениям культуры (и тем самым, по существу, отрицают его значимость как воплощения национальной ментальности и выражения этнической идентичности) [Стернин, 1998] и ограничивают его роль наличием лишь коммуникативной функции [Стернин, 2010, с. 64]? Действительно, какая разница: пользуемся сегодня для общения и передачи информации одним языком, а завтра-послезавтра, может быть, и каким-нибудь другим: неважно, каким конкретно, лишь бы общаться и передавать информацию...

Особого анализа, конечно, заслуживают федеральные целевые программы «Русский язык»; характеризуя их тексты в самом общем виде, можно сказать, что они во многом постулируют те же принципы, что и некоторые законодательные акты, относящиеся к русскому языку. Прежде всего это акцентирование его роли как государственного и межнационального – и минимизация его статуса как национального языка русского народа (подробнее см. в: [Васильев, 2008б, с. 117–159]).

Таким образом, российская языковая политика сегодня действительно далека от совершенства – в том числе и потому, что ее творцы и проводники почти демонстративно равнодушны к судьбе государствообразующего этноса. А ведь хорошо известно: «*Народ и язык – единица неразделимая. Народ – язык, язык – народ*» [Срезневский, 1986, с. 106].

Литература

- Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
- Агафонова Л.Л., Богатова Г.А., Гарбовский Н.К. и др. Языковая политика и закон о защите русского языка // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. № 1.
- Алпатов В.М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова. 2003. № 2.
- Белоусова А.С. Устаревшие слова // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Бенедиктов Н.А., Бердашкевич А.П. О правовых основах государственной языковой политики // Мир русского слова. 2003. № 2.
- Васильев А.Д. Вербальная маска одной социальной группы // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 2008а. Вып. 8
- Васильев А.Д. Несколько слов по поводу проекта федерального закона о русском языке как государственном языке РФ // Мир русского слова. 2001. № 1.
- Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. Красноярск, 2008б.

- Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. М., 2003.
- Васильев А.Д., Веренич Т.А. Динамика дезжотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов в современном русском языке). Красноярск, 2005.
- Виноградов В.А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.
- Голев Н.Д. Юрислингвистика : на стыке языка и права // Юрислингвистика-1 : проблемы и перспективы. Барнаул, 1999.
- Губаева Т.В. Язык и право. М., 2004.
- Дешериев Ю.Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Доровских Е.М. Правовые проблемы защиты русского языка // Государство и право. 2003. № 2.
- Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966.
- Зошенко М.М. Собрание сочинений : в 3 тт. Л., 1986. Т. 1. Рассказы и фельетоны.
- Иванец Г.И., Червонок В.И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 8.
- Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право. М., 2004.
- Клубков П.А. О состоянии культуры русской речи в петербургских СМИ // Мир русского слова. 2002. № 5.
- Ковалев Г.Ф. Общественная лексика в оценке писателей и ученых // Седьмые Поливановские чтения. Ч. 2. Смоленск, 2005.
- Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998.
- Коньков В.И. СМИ как речевая система // Мир русского слова. 2002. № 5.
- Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск, 2008.
- Ленин В.И. Сборник произведений. М., 1976.
- МАС – Словарь русского языка : В 4 тт. М., 1981–1984.
- Михайлов А.В. К вопросу о статусе русского языка и формах его узаконения // Мир русского слова. 2001. № 1.
- Никольский Л.Б. Прогнозирование и планирование языкового развития // Доклады на VII Международном социологическом конгрессе. М., 1970.
- Платонов А.П. Котлован // А.П. Платонов. Ювенильное море. М., 1988.
- Романенко А.П. Образ ратора в советской словесной культуре. М., 2003.
- Романенко А.П. Русский литературный язык XX в. : культуроведческий анализ // Русский язык : исторические судьбы и современность. М., 2004.
- Салтыков-Щедрин М.С. История одного города. М., 1953.
- Серебренников Б.А. Законы развития языка // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Скляревская 2001 – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2001.
- Сковородников А.П. Вопросы экологии русского языка. Красноярск, 1993.
- Словарь русского языка в четырех томах. М., 1984. Т. IV.
- Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте // И.И. Срезневский. Русское слово. М., 1986.
- Стернин И.А. Государство и язык // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2010. № (2)32.
- Стернин И.А. Принадлежит ли язык к явлениям культуры? // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998.
- СЭС – Советский энциклопедический словарь. М., 1983.

Трубачев О.Н. В поисках единства. М., 1992.

Трубачев О.Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян. М., 2004.

Фомин А.И. Тексты СМИ. Дементность или дementализация? // Материалы XXXII Международной филологической конференции. СПб., 2003. Вып. 18. Язык и ментальность.

Фролов Н.К. Новорусский сквернояз и экология языка // Н.К. Фролов. Избранные работы по языкознанию. Тюмень, 2005а. Т. 1.

Фролов Н.К. Русская речевая культура как объект духовной экологии // Н.К. Фролов. Избранные работы по языкознанию. Тюмень, 2005б. Т. 1.

Хукка В.С. Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира : словарь-справочник. Нижний Новгород, 1992.

Timroth W. von. Russian and Soviet Sociolinguistics and taboo varieties of the Russian Language (argot, jargon, slang and «mat»). München, 1986.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ФРАГМЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ*

Л.О. Бутакова

Ключевые слова: этнос, языковое сознание, региональное языковое сознание, лингвистическое моделирование, ассоциативное поле, концепт.

Keywords: ethnos, language consciousness, regional language consciousness, linguistic modeling, an associative field, concept.

В ряде работ ученых Омской лингвистической школы было обосновано понятие регионального языкового сознания, разработана методология его описания и показаны способы реконструкции отдельных фрагментов. Данная статья продолжает публикации этого направления [Бутакова, 2009а–г; Гуц, 2009а–в; Коротун, 2009а–в; Орлова, 2009а–в]. Ее основной целью является экспериментальная реконструкция образом сознания, связанных с концептуализацией «себя» и «других» как представителей определенных этнических коллективов.

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 09-04-00185а.

Категория языкового сознания понимается нами как некое моделирующее устройство, с помощью которого можно реконструировать знания, мнения, впечатления говорящих об определенных фрагментах действительности, сформированные в виде когнитивных структур, а также описывать семантику слов как достояния индивида. В качестве базового определения языкового сознания была использована его интерпретация в русской психолингвистической школе. Согласно этому подходу языковое сознание предстает в виде совокупности «образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 2000, с. 26].

Региональное языковое сознание выступает как система образов сознания жителей определенного региона, «формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей», реконструированных в результате разнонаправленных психолингвистических и лингвистических мероприятий. Эти мероприятия в границах одного региона проводились поэтапно с использованием оригинального стимульного списка и списка, полученного в результате выборки по методу «случайных чисел» из «Словаря современного русского города» под редакцией Б.И. Осипова [Словарь..., 2003].

Подчеркнем, во-первых, имелись в виду функциональные фрагменты языкового сознания, а не о его целостный состав. Во-вторых, задачи реконструировать ядро языкового сознания не ставилось. В-третьих, языковое сознание жителей одного региона / города как описательная модель языка (термин А.А. Залевской) концентрировалась вокруг выявления доступной для наблюдения лингвиста части сознания горожан школьного и студенческого возраста с помощью применения психолингвистических категорий, методик экспериментального психолингвистического, социолингвистического, лингвистического исследования и, на завершающих этапах, – методов лингвистического моделирования.

Лингвистическое моделирование рассматривалось в духе когнитивной философии – как процесс познания человеком окружающего мира и получения знания: «Модели суть предлагаемые истины. Выдвижение гипотез об истинности – это человеческое средство получения знания» [Вартофский, 1988, с. 11, 15]. Учитывалось, что лингвистические модели как «предлагаемые истины» и способы познания языковых объектов являются «только

формой выражения, которая может получить свою полную научную значимость лишь с учетом того, о форме **чего** идет речь» [Лосев, 2004, с. 15]. Кроме того, по А.Ф. Лосеву, языковая структура и языковая модель всегда, как минимум, двуплановы в силу их коммуникативной природы и функционального предназначения – быть знаками «человеческого мышления и вообще человеческого сознания в процессах общения одного индивидуума с другим» [Лосев, 2004, с. 33]. Последнее заставило обратить внимание на коммуникативные характеристики как языковых структур, так и языковых моделей и попытаться произвести перенос структуры с одного субстрата на другой, чтобы получить коммуникативно направленную упорядоченную последовательность языковых элементов, воплотив ее реально-жизненно и технически-точно (см. определение модели в указанной работе А.Ф. Лосева [Лосев, 2004, с. 28]).

Сложность подобного взгляда на деятельностное существование языка в намеренно спровоцированной речевой практике жителей одного региона связана с рядом факторов: неоднозначностью исходных понятий и выбора модельных процедур, непосредственной ненаблюдаемостью объекта, отнесенностью областей реконструкции, связанных с сознанием, культурой, этническими компонентами, к этнолингвистике, социоллингвистике, этнопсихологии, этнопсихоллингвистике, диалектологии.

Трудности модельных реконструкций, описываемых в данной статье, были обусловлены аморфностью и неоднозначностью понимания этноса и этничности специалистами разных научных направлений.

Так, развивая теорию языковой относительности Э. Сепира – Б. Уорфа, учитывая, что способ познания окружающего мира зависит от языка, на котором осуществляется мышление, поскольку впечатления о мире организуются сознанием человека, то есть *языковой системой, хранящейся в сознании* [Сэпир, 2001; Уорф, 2005], лингвисты сегодня акцентируют наличие у каждой этнокультурной общности *своей национально-специфической среды обитания языка* (быта, обычаев, национального сознания и самосознания народа, национального склада мышления) [Думанова, 1996, с. 178]. Психоллингвисты, кроме того, подчеркивают наличие внутренней среды обитания языка в виде *совокупности ментальных условий*, необходимых для функционирования языка [Пищальникова, 2001, с. 60].

Это не освобождает от ряда сложностей, возникающих по причине разных точек зрения на **базовые** и **основные** для моделирования понятия. К первым можно отнести *язык, культура, сознание, этнос*, ко

вторым – картина мира, языковое сознания, концептосистема, концепт, стереотип, ментальность, константа. В данной статье мы не собираемся анализировать разные подходы к указанным терминам и понятиям. Акцентируем лишь момент, связанный с приписыванием этнических особенностей универсальным психологическим или иным чертам, заимствованием терминов и понятий из смежных наук без лингвистического (психолингвистического) переосознания, о чем неоднократно писала А.А. Залевская [Залевская, 2005, с. 204–214].

Для того чтобы реконструировать этнические компоненты языкового сознания, нужно хотя бы представлять, что такое этнос, как он связан с культурой и языком, как можно выявлять эти связи лингвистическими или психолингвистическими методами.

Так, известный лингвист А.С. Герд предлагает понимать «этнос как сложную многопризнаковую семиотическую систему ассоциативно-иерархического многоуровневого типа» [Герд, 2005, с. 47–48]. Он совершенно справедливо настаивает на «моделируемости» языка как научного объекта, представляющего собой инвариант, систему «максимального числа дифференциальных признаков, которая реализуется в повседневной речевой деятельности в виде частных речевых подсистем» [Герд, 2005, с. 48].

Очевидно, что предлагаемые признаки выделены по разным основаниям, их невозможно исследовать исключительно лингвистическими методами. Часть указанного комплекса успешно описывалась семиотикой, прагматикой, диалектологией, фольклористикой. Признаки, указывающие на компоненты сознания, этнической рефлексии и саморефлексии, могут быть восстановлены исключительно психологическими и психолингвистическими методами. Остальные параметры нуждаются в создании процедур реконструкции.

Таблица 1. Факторы, формирующие этнос как целостную систему.

1. биосфера;	16. тип социальных связей;
2. ландшафт;	17. тип информационных связей;
3. климат;	18. тип брака;
4. антропологический тип;	19. тип семейных связей;
5. язык;	20. отношение к соседям;
6. отношение к языку и к разным формам его существования;	21. отношение соседей;
7. мимика, жесты;	22. название этноса другими, соседями;
8. самоназвание;	23. отношение к своему этническому прошлому;
9. наличие сознания;	24. осознание, ощущение своего
10. осознание себя;	

11. тип этнического самосознания; 12. тип традиционной материальной культуры; 13. тип традиционной духовной культуры; 14. тип религии; 15. формы, стереотипы поведения, вежливого обращения;	родного языка, своего фольклора, музыки, литературы; 25. модально-эмоциональные аспекты этноса (чувство национальной гордости и т.д.); 26. степень развитости двуязычия и многоязычия; 27. тип топонимики; 28. степень развитости культуры.
--	---

Хотя ученый подчеркивает модельный статус системы «Этнос», представляющей собой конструкт, который «реализуется в форме этнических состояний в лице индивидов, их групп и общностей» [Герд, 2005, с. 55], остается не до конца ясным, чем обусловлен состав указанного списка параметров (признаков) системы, как они соотносятся друг с другом, в каких формах они реализуются в языке и что такое этническое состояние?

Язык предстает в данной концепции как результат многопараметрической классификации, основанной на вычленении факторов, обуславливающих и формирующих понятия «естественный язык», «тип языка».

Таблица 2. Факторы, формирующие язык как целостную систему.

1. наличие индивида; 2. тип этноса; 3. общество, его социальная структура; 4. среда функционирования; 5. система языка; 6. структура языка; 7. наличие плана содержания и материального плана его выражения для большинства единиц языка;	8. история языка; 9. типы текстов; 10. норма; 11. ареал; 12. история народа; 13. межэтнические контакты; 14. материальная и духовная культура народа.
---	---

Моделирование системы «Язык» предлагается проводить, выделяя внутри каждой подсистемы отдельные иерархические блоки и их подгруппы. Предлагается пять блоков, отражающих: 1) тип и состояние системы языка (языков – в случаях билингвизма и полилингвизма) – от фонологии до синтаксиса; 2) ономастику – от этнонимики до антропониимики (тип и характер личных имен, прозвищ); 3) типы речевых актов носителей языка – от учета языка произведений художественной литературы до языка обучения в школе, вузе, функционирова-

ния в официально-деловой сфере и т.п.; 4) отношение – от модальности до отношения к общению в различных ситуациях.

А.С. Герд настаивает на том, что через типы речевых актов проявляются типы языковых состояний, а блок «отношение» – едва ли не основной для характеристики этноса [Герд, 2005, с. 52–54].

Из анализа предлагаемых модельных операций становится очевидным ряд спорных моментов. Во-первых, у лингвистики нет методологического аппарата для *целостного* моделирования предлагаемого объекта; во-вторых, границы ряда параметров не четки; в-третьих, неясно, как следует соотносить семиотические системы «Этнос» и «Язык» и как совместить их модели.

Не менее запутанным оказывается понимание этноса психологами. Ими акцентируется общность психологических черт, устойчивость состава, стабильность статуса участников. Так, Т.Г. Стефаненко определяет этнос как психологическую общность, устойчивую во времени межпоколенную группу, которая характеризуется стабильностью состава и устойчивостью этнического статуса своих участников [Стефаненко, 2003, с. 19]. Есть и более аморфное определение: этнос – «группа людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как естественные и устойчивые этнодифференцирующие характеристики» [Стефаненко, 2003, с. 29].

Этнологи приводят более конкретные наборы признаков. С.М. Широкогоров в работе «Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» пишет: «Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других» (цит. по: [Севостьянов, URL]).

Ю.В. Бромлей квалифицирует этнос в узком понимании как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании [Бромлей, 1983].

Для исследовательских процедур прикладного характера важным является подчеркивание в этнолингвистических и психолингвистических работах неразрывной связи сознания, культуры, языка. Целостный взгляд на указанные объекты направляет реконструкции в сторону описания ядра ментального лексикона, языкового сознания и его ядра,

выявления этнической специфики смыслообразования (см. обзор в работах: [Голикова, 2005, с. 3–29; Залевская, 2005, с. 204–214]).

Так, В.А. Пищальникова настаивает на том, что существенные черты этноса обнаруживаются в психофизиологической и концептуальной плоскостях и предлагает считать этнообразующим признаком национально-культурную специфику смыслообразования, выявляющуюся в межнациональных / межэтнических контактах. Последняя определяет характер концептуализации действительности и позволяет с большей точностью моделировать содержание национальной / этнической картины мира [Пищальникова, 2007, с. 12]. Базой для осознания механизмов возникновения и функционирования национально-культурной специфики смыслообразования той или иной группы людей могут стать речевые действия носителей разных культур. Они же могут служить признаком принадлежности к одному этносу [Пищальникова, 1999, с. 94–97].

Понимая культуру в свете теории речевой деятельности, В.А. Пищальникова подчеркивает деятельностьную сторону, связывает ее со знакообразованием и полагает, что такая интерпретация культуры как **условия и результата социальной активности человека** «позволяет толковать культуру как систему средств опосредования идеальных представлений, а знак – как универсальное средство опосредования» [Пищальникова, 2007, с. 33].

Национально специфические компоненты культуры могут быть выделены через речевую деятельность «в любом из социальных видов среды как лингвокультурной общности» [Пищальникова, 2007, с. 24]. Язык рассматривается как одно из средств фиксации и обнаружения культуры, как форма представления культуры, но не приравнивается к ней. Такое рассмотрение возможно при понимании языка и среды как взаимонаправленных и взаимодействующих динамических систем: «...язык, формируясь под воздействием среды, сам ее специфически формирует. Поэтому в отношении язык – сознание – этнос для этнопсихолингвиста важно не только то, *что* значит реалья и *как* она отражается в языке, а то, *что думает индивид* о создании чего-либо, *как индивид концептуализирует мир – как создает специфическое понятие и систему понятий*, и во вторую очередь – какими вербальными способами передает этнокультурную информацию [Пищальникова, 2007, с. 24–25].

А.А. Леонтьев определил национально-культурную специфику речевого общения как систему факторов, «обуславливающих отличия в организации, функциях, и способе опосредования процессов общения,

характерных для данной национально-культурной общности» [Леонтьев, 2004, с. 468; Пищальникова, 2007, с. 13–15]. Он предложил систему, состоящую из 5 подсистем:

I. Факторы, связанные с культурной традицией.

II. Факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения.

III. Факторы, связанные с этнопсихологией в узком смысле, то есть с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности.

IV. Факторы, связанные с наличием в тезаурусе данной общности тех или иных специфических реакций, понятий и т.п., то есть со спецификой денотации.

V. Факторы, определяемые спецификой языка данной общности [Леонтьев, 2004, с. 468–470].

Остается открытым вопрос, как учесть все указанные факторы и создать этноориентированные модели, представляющие то, *что думает индивид* о создании чего-либо и то, *как он концептуализирует* мир, какими вербальными способами передает этнокультурную информацию, насколько эта информация проявляет национальную специфику смыслообразования. Пытаясь решить указанные задачи, мы столкнулись со сложностями объективного характера: Омская область, как и Западная Сибирь, – полиэтнический, поликонфессиональный, поликультурный, полиязыковой регион. Можно было предположить, что в лингвокультурном пространстве такого региона при ведущей роли русского языка способы смыслообразования будут связаны именно с единицами этого языка. При этом определенные способы трансляции культуры (культур) и механизмы межкультурного взаимодействия будут базироваться на использовании не только одного языка. При проведении экспериментальных мероприятий нашей целью было вызвать непосредственную эмоциональную реакцию, выявить области действия этностереотипов, зафиксировать определенную систему образов сознания через совокупность их овнешнителей, полученных через разные виды речевой деятельности.

Моделируя динамические процессы смыслообразования, выявляя разнонаправленную психолингвистическую организацию речевой деятельности и устанавливая наличие стереотипов, мы проводили семантические эксперименты, ролевые игры, этнические и этнопсихолингвистические процедуры, социолингвистические опросы. Их участниками были студенты 4 курса филологического факультета Омского госуни-

верситета им. Ф.М. Достоевского, изучающие дисциплину «Этнолингвистика» (общее количество участников более 300 человек за 3 года).

Исследование начиналось с ассоциативного эксперимента, в ходе которого предлагалось, не задумываясь, назвать 10–11 любых проходящих в голову слов, характеризующих этносы (предлагается список этносов Европы, России и Сибири). Ассоциативное исследование проводилось до того, как студенты изучали тему «Этнос и этничность», обсуждали разные подходы к указанным феноменам. В эксперименте приняло участие около 100 человек.

Ранее (в 2007–2009 годах) на этом же этапе проводился направленный ассоциативный эксперимент с использованием в качестве стимульного списка наименований этнических представителей: русские, немцы, цыгане, лица кавказской национальности, китайцы, казахи, евреи, украинцы и т.п. (более 100 человек). Стимульный список предлагался устно в двух варианта – без использования так называемых «шумов» и с использованием лексем, не относящихся к исследуемой области смыслообразования, то есть с «шумами». Реципиентом давалось задание: не задумываясь, записать первую реакцию, которая придет в голову.

Исходная гипотеза экспериментального этапа такова: в ситуации спонтанной речевой деятельности, спровоцированной извне и направляемой в определенное русло, в первую очередь активизируется области стереотипного смыслообразования, связанные с предметными и оценочными секторами концептуализации любого этноса, включая того, к которому принадлежат реципиенты. Использование посторонних стимулов – «шумов» должно отвлекать от реагирования не на стимул, а на предыдущую реакцию из одного смыслового поля.

На следующем этапе был проведен семантический эксперимент с использованием 11 контрастных шкал, которые нужно было соотнести с номинациями этносов так, как это представляется реципиентам (своеобразный семантический дифференциал). Шкалы были предложены самими реципиентами в ходе обсуждения параметров, по которым можно характеризовать этнических представителей: 1. Хорошие – плохие, 2. Красивые – некрасивые, 3. Добрые – злые, 4. Гостеприимные – негостеприимные, 5. Трудолюбивые – ленивые, 6. Умные – глупые, 7. Страстные – спокойные, 8. Щедрые – жадные, 9. Хитрые – простые, 10. Воспитанные – распущенные, 11. Обязательные – безответственные.

Следующий этап предполагал написание текстов аналитического типа. Задания: 1. Создать этнокультурный портрет семьи, отметить в

нем происхождение, место проживания, родной язык, владение другим / другими языком / языками, этническое самоопределение всех известных членов семьи до 3 – 4 поколения, тип духовной и материальной культуры / культур, преобладающий в семье. 2. Написать этнопсихологические и этнокультурные портреты этносов, проживающих в Омской области и Западной Сибири (один этнос на выбор из предлагаемого списка: немцы, казахи, татары, евреи, чехи, украинцы, поляки и т.п.). 3. Написать экспресс-сочинение «Национальная палитра сибирского региона и нашей области в прошлом, настоящем и будущем». В конце изучения курса нужно было без предварительной домашней подготовки разыграть 4 типовых и 1 нетипичный для нашего региона этнически конфликтных сценария (принимало участие более 50 человек).

В данной статье будут анализироваться результаты ассоциативного и семантического экспериментов.

1. По результатам ассоциативного исследования были построены ассоциативные поля, на основе которых по методике В.А. Пищальниковой, Е.В. Лукашевич [Пищальникова, 2001; Лукашевич, 2002] были смоделированы соответствующие концепты:

АП «Русские»: люди (14), душа, дух (12), мы, наши (10), нация, национальность (8), пьющие, пьянь, пьянка (8), единство, единение (4), талант (4), ленивые (4), не сдаются (3), доброта, веселье (3), добрые (3), православные (3), победят (2), всегда (2), молодцы (2), новые (2), победа, великие, Иваны, патриоты, в Америке, лучше всех, войско, община, молодцы, сплоченность, мат, деревенская изба, пространство, сплин, хорошие (отказов – 3).

АП «Немцы»: педантизм, точность (17), фашизм (16), аккуратные (14), пиво (14), пунктуальные (13), белокурые, светловолосые (13), расчетливость (12), трудолюбие (12), практичность, рационализм (12), жадные (12), консерваторы, жесткие, традиционалисты, серость, гавканье, толстые, некрасивые, чистота, чистоплотность, наглость, упорство, Мерседес, лень, пьянство, бургерство, вкусно есть, Ramshtein, скучные, заумные, щепетильность, чопорность, голубая кровь, эмиграция, экономия, Гитлер (отказов – 0).

АП «Цыгане»: лживые, врут, обманывают (19), хитрость (16), кочевники, переезды (16), гадание, гадалка (15), навязчивость, приставучесть (13), «шубы, девочки» (13), грязноватые, грязь (13), воруют (13), свободные (12), лошади (12), дороги, табор, деньги, «дай погадаю», карты, бесшабашность, «по Бессарабии кочуют», мошенники,

лихие, яркие, талантливые, шумные, наглые, сброд, красная рубаха, (отказов – 0).

АП «Лица кавказской национальности»: горы (16), хачики (14), базар, фрукты, овощи (13), шашлык (13), торговля, торгош (12), террор (12), наглые, нахалы (12), вспыльчивые, взрывные (12), нос (10), грязно (10), акцент (10), кинжал, оружие (4), горячие парни (2), озабоченные (2), черные, хитрые, помидоры, бандиты, пошлость, темперамент, суровость, вино, бабник, смелые, нравственное обогащение, настоящие, гордые, отчаянные, кинза, кровная месть, целители, Газават, гостеприимство.

АП «Китайцы»: многочисленность (19), желтые (16), оптовка, левый берег (13), маленькие, мелкие (12), мировой рынок (10), торговля, некачественность (10), рис (10), плодовые (4), все похожи, древняя культура, трудолюбие, ум, мудрость, васаби, кимоно, техника, Пекин, китайская стена, дракон, саранча, уважение стариков, хранят традиции, халтурщики, созерцатели, саранча.

АП «Казахи»: степь (16), кумыс (14), грязь (14), примитивы, тупые (12), наглые (12), злые, агрессивные (12), маленькие степные жители, кто вижу, то пою; запах, узкоглазые, хитрые, Мухтар Ауэзов, кочевники, кочевое племя, трава, акын, бишбармак, недалекость, оптовка, звери, тубетейка, теньге, дешевая одежда (отказов – 1).

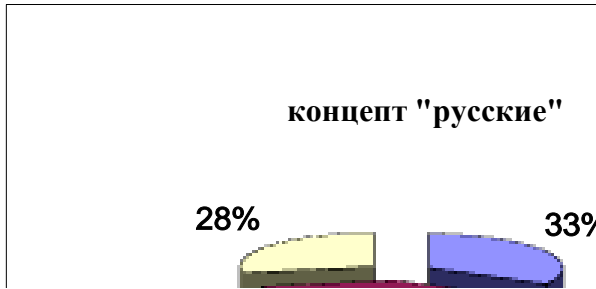
АП «Евреи»: жадность (20), хитрость (18), ум, умные (14), скупость (13), предприимчивость (13), смекалка, сноровка (13), расчетливость (13), деньги (13), талантливые (12), жида (10), себялюбие, эгоцентристы, Мертвое море, арабы, тепло, повсеместность, иврит, избранный народ, олигархи, обман, богатство, семья, скользкие, религиозность зануды (отказов – 0).

АП «Украинцы»: сало (22), веселые (15), хохлы (14), горилка (14), наглые (12), Киев (2), добродушные, гостеприимные, хитрость, борщ, усы, чуб, галушки, шаровары, юмор, Сердючка, футбол, светлые, добрые, (отказов – 0).

2. Семантический эксперимент с использованием 11 контрастных шкал (участвовало 34 человека) дал возможность смоделировать этнические портреты, сопоставить характер смыслообразования в процессе семантического шкалирования и актуализацию семантических связей «стимул – реакция» в ходе ассоциативного эксперимента:

1. Русские: хорошие (20), красивые (20), гостеприимные (16) добрые (16), ленивые (22), умные (10), щедрые (22), безответственные (18), простые (18), распушенные (8).

Респонденты акцентировали у русских наличие противоречивых внутренних качеств – *лень, щедрость, гостеприимство, доброта, безответственность*, и отметили единственное внешнее качество – *красота*. Знаменательно, что интенсивность проявления *лени* и *щедрости* была оценена для русских как равная. При наличии серьезных недостатков респонденты оценивают русских весьма позитивно (по шкале «хорошие» было получено максимум баллов), несмотря на актуальность такого качества, как «распущенность». Характер и интенсивность оценок существенно дополняют информацию о концептуализации самих себя, полученную с помощью АЭ. Построенная модель концепта отличается приблизительно равным распределением семантических стратегий ассоциирования между оценочными (33%), понятийными (28%) и предметными реакциями (39%).

2. Немцы: обязательные (18), трудолюбивые (14), негостеприимные (8), жадные (8), спокойные (6), злые (3), умные (2), распущенные (2).

В результате семантического шкалирования выявились тенденции, схожие с тенденциями, полученными в ходе направленного ассоциирования: как и в ассоциативном поле, велики оценочные составляющие, характеризующие представителей данного этноса. Отличие состоит в полярности оценок, полученных в семантическом эксперименте. Положительные качества оценены максимально, хотя индексы оценки негативных внутренних качеств и взаимоотношений с окружающими (*негостеприимные, злые, распущенные*) также высоки.

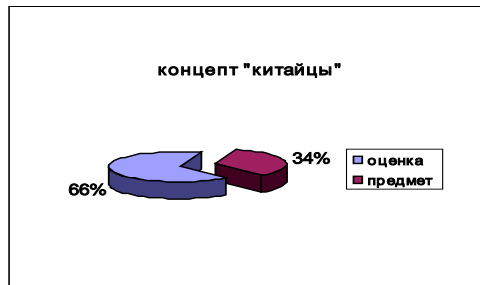
В составе смоделированного концепта также преобладает сектор оценки (87%), предметные смысловые компоненты составили 13%. Положительные качества «трудолюбие», «обязательность», «аккуратность», «точность» одинаково по степени интенсивности актуализированы как в АЭ, так и в СЭ.

Стойкостью отличается реакция, свидетельствующая о прочности стереотипов, связанных с историей, нацизмом, фашизмом, – *фашизм, Гитлер*.

3. Китайцы: некрасивые (14), добрые (2), трудолюбивые (наряду с другими азиатами – 4), умные (4). Семантический эксперимент проявил слабую интенсивность оценок этноса. Качество *трудолюбие*, хотя и отмечено, но оценено как слабо проявленное. По параметру *ум* китайцы опережают немцев, интенсивнее всего оказалась негативная оценка внешности – *некрасивые*.

АЭ проявил более разнообразную концептуализацию реципиентами данных этнических представителей. Высок оценочный сектор, в котором преобладают, с одной стороны, количественные смыслы (показатели плодovitости этноса), с другой – смыслы некачественности товаров, производимых китайцами и продаваемых в России, с третьей (в виде единичных реакций) – смыслы ценных внутренних качеств – ума, мудрости, трудолюбия, верности традициям, древности культуры и т.п. В этом АП заметны реакции, связанные с региональными особенностями – *оптовка – Левый берег*. В ядре данного ассоциативного поля появился негативный оценочный смысл, вербализованный разговорным этнонимом *желтые*.

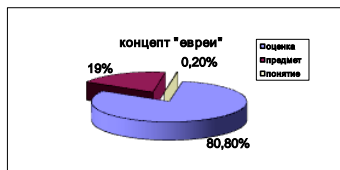

3. Казахи: злые (2), негостеприимные (4), хитрые (2), распушенные (2). Семантический эксперимент показал малую интенсивность и незначительный выбор шкал оценок представителей данного этноса. В противовес ему АЭ позволил смоделировать обширное АП. В ядре поля присутствуют как овнешнители образов предметных реалий (этнологического и географического типа), так и резкие негативные оценочные номинации, передающие оценку ума, поведения, внутренних качеств, восприятия внешности. Кроме того, в этом поле впервые появились актуальные смыслы, обозначенные антропонимами (из области концептуализации культуры).

Предметный сектор заполнен реакциями, маркирующими стереотипные образы этнических реалий (названиями денег, головного убора, одежды). Есть специфические реакции, связанные с сенсорным восприятием людей этой группы (*запах*) и с реальностью жизни в Омской области (*трава*): из Казахстана в Омскую область попадают наркотики. Структура концепта включает значительный оценочный сектор – 54%, достаточно большой предметный – 38% и небольшой понятийный сектор – 8%.

4. Евреи: жадные (18), хитрые (18), умные (4), злые (2), спокойные (2). Семантический эксперимент показал разброс оценок при небольшом количестве шкал. Преобладают негативные оценки высокой интенсивности внутренних качеств, зафиксированы положительные оценки слабой интенсивности психологического типа и ума.

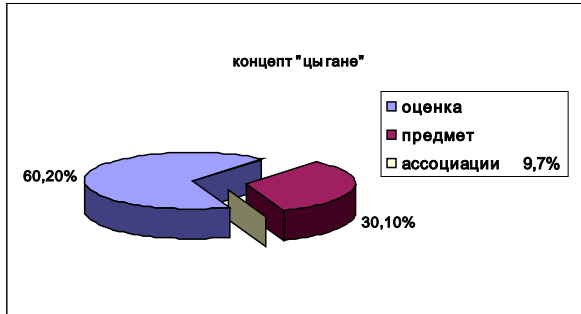
АП обнаруживает те же тенденции. В ядре поля преобладают оценочные реакции, связанные с актуальностью контрастных внутренних качеств, – *жадность, скупость, расчетливость и смекалка, предприимчивость, ум, талантливость*. К ядру принадлежит предметный ассоциат, отражающий оценочную смысловую область скупости / жадности – *деньги*. Как и в АП «Казахи», «Китайцы», в данном АП есть бранные и оценочные этнонимы (*жиды, избранный народ*). Среди единичных есть реакции, отражающие реалии жизни данного этноса, – *арабы, Мертвое море*.

Структура концепта включает большой оценочный сектор – 80,8%, предметный сектор невелик – 19% , незначителен понятийный сектор – 0,2%.

5. Цыгане: хитрые (6), безответственные (4), некрасивые (2), распущенные (2). Семантический эксперимент выявил наличие только негативных оценок слабой интенсивности, малое количество стратегий оценки.

АП по характеру реакций напоминает АП «Казахи», но отличается объемом и составом ядра. В нем преобладают негативные оценочные смыслы, характеризующие внутренние качества (*лживость, хитрость, навязчивость*), негативные, с точки зрения социума, занятия (*воровство, гадание*), качество, присущее образу жизни (*грязь*), типичный образ жизни, род деятельности (*кочевники, кочуют, лошади*), внутреннее состояние (*свободные*). В виде частотных реакций зафиксированы дискурсивные фрагменты, характеризующие типовую коммуникацию, – *«Шубы, девочки»* и *«Дай погадаю»*. У круга единичных есть интертекстуальная реакция из поэмы А.С. Пушкина и реакция предметного типа, отражающая типичную одежду (*красная рубаха*).

Структура концепта: оценочный сектор – 60,2%, предметный сектор – 30,1, сектор индивидуальных ассоциаций – 9,7%.

6. Украинцы: жадные (6), простые (6), щедрые (4), распущенные (4), гостеприимные (3), добрые (2), глупые (2), хитрые (2), обязательные (2). Семантический эксперимент проявил полярное отношение респондентов к украинцам: нередко случаи акцентирования противоположных качеств. Заметна тенденция оценочного «перевеса» в какую-либо сторону: жадность выражена интенсивнее, чем щедрость, простота – больше, сильнее, чем хитрость.

Ассоциативное поле не отличается большим объемом. В нем четко очерчено ядро, заполненное предметными реакциями, отражающими стереотипные образы сознания, фиксирующие национальные продукты питания (*сало, горилка*), еду (*борщ, галушки*), одежду (*шаровары*), прическу (*чуб*), и распространенное разговорное наименование – *хохлы*. Оценочный сектор поля не столь разнообразен.

АЭ в большей степени обнажил область традиционных этностереотипов (это видно по составу АП), а семантический эксперимент выявил оценочные стратегии, основанные на личном опыте респондентов.

7. «**Лица кавказской национальности**» в ходе семантического эксперимента были обобщенно оценены только по шкалам «гостеприимные» (4), «щедрые» (6), «хитрые». В остальных случаях оценки распределялись респондентами дробно – в виде оценок отдельных этнических групп: **чеченцы** – злые (6), плохие (4); **грузины** – гостеприимные (6), щедрые (6), ленивые (4), злые (2), добрые (2), хитрые (2); **осетины** – страстные и щедрые (6), **айзербаджане** – некрасивые (2). Однозначно негативно оценены только чеченцы. Область концептуализации грузин наиболее разнообразна, оценки отличаются полярностью проявления качеств и стереотипизованностью реакций.

АП «**Лица кавказской национальности**» объемно, его ядро также велико. В нем равно присутствуют реакции, связанные с предметной и оценочной концептуализацией. Периферия симметрична ядру: наблюдаются схожие по типу семантических стратегий оценочные, предметные и понятийные реакции.

Предметный сектор разнообразен по смысловому составу: элемент пространства (*горы*), место и предметы занятий (*базар, фрукты, шашлык*), типичное оружие (*кинжал*), типичная черта внешности (*нос*), типичная черта речи (*акцент*), типичное социально значимое явление (*террор*). В ядре есть бранный этноним – *хачики* (он же присутствует в другом варианте в семантическом эксперименте – *хачи*), на периферии – разговорный этноним – *черные*.

В структуре концепта преобладает предметный сектор – 55,1%, несколько меньше – оценочный сектор – 36,2%, понятийный сектор составил 8,7%.

Подведем итоги.

1. Использование разных форм психолингвистического и лингвистического исследования (от направленного АЭ до написания ряда речевых произведений и проведения деловых игр) позволяет воссоз-

дать в многокомпонентной лингвистической модели этноориентированные образы сознания жителей одного региона, сформированные в процессе концептуализации себя и других как этнических представителей. Эта модель – система конструкторов (АП, концептов, оценочных структур, этнических портретов и др.), проявляющая речевую организацию индивидов как систему концептов и стратегий пользования ими в процессе речемыслительной деятельности.

2. Предложенные типы экспериментальных заданий выявили подавляющее большинство когнитивных структур, связанных со знаками одного языка, – русского. Была выявлена одна реакция на немецком языке, имеющая культурологический характер: стимул «немцы» у одного из реципиентов связан с названием популярной рок-группы «Ramshtein». Картина «тотальной актуализации» русского языка во всех видах предложенной речевой деятельности, в том числе в этнокультурных портретах семьи, показывает идентификацию себя как русских, говорящих на русском языке и реализующих русские культурные сценарии. При создании реципиентами – этническими украинцами, евреями развернутых портретов украинцев, евреев, проявилась оценочная смысловая стратегия «свои / чужие», в рамках которой этносы оценивались с позиций «своих», то есть русских.

3. Проведенный АЭ позволил выявить симметрию частотного и единичного реагирования (ядра / периферии АП), определить относительно стабильные области стереотипов, связанных в первую очередь с предметным ассоциированием. Области предметных стереотипов актуальны в АП «Украинцы», «Цыгане», «Лица кавказской национальности», «Казахи». Большинство стереотипных когнитивных структур, маркированных таким способом, – результат влияния культуры на сознание индивидов.

4. Моделирование концептов на базе АП, выбор шкал для семантического описания, наличие в ряде АП бранных и разговорных этнонимов дали возможность установить эмоциональное отношение реципиентов к представителям отдельных этносов. Величина оценочных секторов и тип оценки – показатель нарастающей этнической напряженности в регионе. Концепты «Немцы», «Евреи» содержат в своем составе самые большие оценочные секторы – 87% и 80,8%. За ними следуют концепты «Китайцы» и «Цыгане» – 66% и 60%.

Литература

- Бромлей Ю.В. Очерки по теории этноса. М., 1983.
- Бутакова Л.О. Методология изучения динамики языкового сознания жителей города // *Изменяющийся славянский мир : новое в лингвистике*. Севастополь, 2009а. Серия «Славянский мир». Вып. 2.
- Бутакова Л.О. Языковое пространство сибирского города как основа для экспериментального моделирования языкового сознания носителя : к постановке проблемы // *Русистика : прошлое и настоящее национального языка*. Омск, 2009б.
- Бутакова Л.О. Языковое сознание как описательная модель языка жителей города // *Горизонты психолингвистики*. Тверь, 2009в.
- Бутакова Л.О. Язык и речь города в современной лингвистической парадигме // *Речевая коммуникация в современной России*. Омск, 2009г.
- Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. СПб., 2005.
- Голикова Т.А. Этнопсихолингвистическое исследование языкового сознания (на материале алтайско-русского ассоциативного эксперимента). М., 2005.
- Гуц Е.Н. Диалектное слово в языковом сознании городского подростка : опыт трендового исследования // *IV Международные Бодуэновские чтения*. Казань, 2009а. Т. 2.
- Гуц Е.Н. Динамика ассоциативных полей слов, входящих в ядро языкового сознания подростка // *Психолингвистика в XXI веке : результаты, проблемы, перспективы*. М., 2009б.
- Гуц Е.Н. Значение как достояние индивида : региональное исследование // *Славянские чтения*. Омск, 2009в. Вып. XIII. Языки и культуры.
- Думанова Н.В. Этнокультурные эмотивные коннотации во французском и русском языках // *Языковая личность : культурные концепты*. Волгоград ; Архангельск, 1996.
- Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // *Слово. Текст. Избранные труды*. М., 2000.
- Залевская А.А. Языковое сознание и описательная модель языка // *Методология современной психолингвистики*. Барнаул, 2003. Или в кн. : Залевская А.А. *Слово. Текст. Избранные труды*. М., 2005.
- Коротун О.В. Этнические стереотипы в языковом сознании современного городского жителя (сопоставительный аспект) // *Новое в славянской филологии*. Севастополь, 2009а. Серия «Славянский мир». Вып. 4.
- Коротун О.В. Этнокультурные стереотипы о «внешнем человеке» носителей русского языка (возможности ассоциативного эксперимента) // *Психолингвистика в XXI веке : результаты, проблемы, перспективы*. М., 2009б.
- Коротун О.В. Стереотипное представление о русских в языковом сознании жителей г. Омска // *Вестник Омского университета*. 2009в. № 3 (53).
- Коротун О.В. Концептуализация представлений о внешности человека в русской языковой картине мира // *Настоящие исследования–2009*. София, 2009г. Т. 9. Филологични науки.
- Леонтьев А.А. Этнопсихология и социальная психология // *Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии*. М., Воронеж, 2003.
- Лосев. А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 2004.
- Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика : эволюционно-прагматический аспект. Барнаул, 2002.
- Орлова Н.В. Речевое произведение школьника в контексте русской культуры // *Вестник Омского университета*. 2009а. № 3.

- Орлова Н.В. Особенности художественной коммуникации в условиях школьного урока // IV Международные Бодуэновские чтения. Казань, 2009б. Т. 2.
- Орлова Н.В. Художественный текст в восприятии и представлении школьников // Славянские чтения. Омск, 2009в. Вып. XIII. Языки и культуры.
- Пищальникова В.А. Общее языкознание. Барнаул, 2001.
- Пищальникова В.А. Этнос и нация как понятия этнопсихолингвистической парадигмы : к проблеме определения // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. Барнаул, 1999.
- Севастьянов А.Н. Этнос и нация. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruskolan.xpomo.com/rasa/sevast_book.htm#01
- Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 2001.
- Словарь современного русского города. М., 2003.
- Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара, 1994.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003.
- Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М., 2000.
- Уорф. Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // А.С. Герд. Введение в этнолингвистику. СПб., 2005.
- Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1.

СВЕТСКИЙ КОД ОБЩЕНИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Т.А. Ивушкина

Ключевые слова: светский код, изысканные манеры, галантная беседа, любезность, язык аристократии.

Keywords: society code, refined manners, gallant conversation, complaisance, language of the aristocracy.

Светский код общения, созданный во Франции три столетия тому назад и заимствованный европейскими государствами, не обошел стороной и американский континент. Известные во всем мире книги-инструкции – Lapham's *Rules of Influence: A Career's Guide to Success, Status, and Self-Congratulation*, Dale Carnegie's *How to Win Friends and Influence People*, George Washington's *110 Rules of Civility and Decent Behavior in Company and Conversation* и др. – послужили объектом для исследования тех лингвистических и экстралингвистических характеристик, которые ассоциируются с атрибутами высокого статуса и материального благополучия, и, следовательно, с ценностными приори-

тетами американской культуры, и их сопоставления с признаками европейского светского кода общения.

Являясь мировым лидером в процессах глобализации, Америка, несмотря на исторически сложившуюся тенденцию противопоставлять себя Европе и отождествлять себя с «особой», «свободной» и «демократической» страной, разделяет европейский светский код общения, привнося в него, между тем, черты национального своеобразия. «Для развития искусства в Америке (музыки, танца, архитектуры, изобразительного искусства, литературы) характерно наличие напряжения, определяющееся тем фактом, что мощным источником вдохновения служили одновременно изощренные европейские образцы и стремление воплотить уникальный опыт своей страны» [Подлинно..., URL].

Проводя исследование в области изучения «светскости» на американском континенте и его национально-функциональной специфики, следует очертить особенности, заложенные в основание культуры с начала ее формирования. По сравнению с Британией в ней отсутствовала структурированная классовая система, иерархия и класс аристократии, вместо аристократа Америка создала образ американца – простака, своего парня. В основе американского характера лежит темперамент культурного трио – янки, жителей лесной глуши (backwoodsman) и чернокожего американца – которое отражает колорит нового континента, как с точки зрения темперамента, культуры и традиций каждого из них, так и с точки зрения стремления к свободе и отрицанию предшествующего опыта. Оно и представляет Америку, ярче всего в лице чернокожего американца, который по степени эмоциональности и выражения этой эмоциональности был непревзойденным. Об этом пишет Констанс Перк в своей книге «*American Humor: The Story of the National Character*», до сих пор являющейся одной из наиболее фундаментальных исследований в области американской культурологии [Rourke, 1931]. Автор отмечает также, что американцы возникли как театральная нация. Испытующий взгляд и внимание, а также критика со стороны Старого Света и Англии привели их к внешнему самовыражению, к маскараду, унаследованному от британцев и культивируемому в развлекательных целях и для сокрытия истинных чувств – «*The Americans had in fact emerged as a theatrical race. No doubt many obscure influences tended to create this bias of character. The new country made a strangely painted backdrop before which the American seemed constrained to perform; and every powerful force in pioneer life led toward outward expression*» [Rourke, 1931]. Жизнерадостность, хвастовство и фантазия, приобретшие гротескные формы, а также шутки, смех и юмор, в основе

которых лежит ирландский и негритянский юмор, отличающийся грубым физическим характером, – все это часть маскарада, скрывающего все трудности преодоления самих себя и суровых географических и климатических условий на начальном этапе освоения Америки.

О том, что Америка опиралась на богатый культурный опыт Европы, свидетельствуют вышеназванные книги, которые были написаны либо на основе уже имевшейся в Европе литературы, либо на примерах выдающихся деятелей, по большей части, представителей британской культуры. Например, Льюис Лэпхэм ссылается на книгу «*110 Rules of Civility and Behavior in Company and Conversation*» Джорджа Вашингтона, которая на самом деле является первым переводом свода французских правил, приписываемого Френсису Хокинсу и датированного 1640 годом. Во Франции он появился в 1595 году и был составлен французскими иезуитами [Washington, URL]. Джордж Вашингтон использовал этот свод правил по настоянию своего школьного учителя в целях отработки чистописания. Упоминается работа Бенджамина Франклина «*Poor Richard's Almanack*», которая также основывается на европейских, а точнее, британских традициях Джонатана Свифта. Это отражается как в заимствованном псевдониме Richard Saunders по аналогии со свифтовским Isaac Bickerstaff, так и в характере и тематике самого альманаха, издававшегося с 1732 по 1758 год [Franklin, URL]. А книга Дейла Карнеги построена на анализе богатейшего опыта выдающихся деятелей двух континентов – от британской королевы и приближенных ко двору британских аристократов до выдающихся бизнесменов и президентов Америки, что также является свидетельством глубокого и всеобъемлющего влияния европейской культуры на культуру американского общества.

Следует обратить внимание на названия исследуемых книг – они не звучат высокопарно и никак не ориентируют читателя на привилегированность, исключительность или аристократизм. Это практические руководства и рекомендации, направленные на то, чтобы помочь каждому, заинтересованному в карьерном росте, увеличении и преумножении своего благосостояния и установлении оптимально гармоничных условий в общении с людьми. Необыкновенная популярность книг Карнеги во всем мире уже на протяжении более полувека свидетельствует об универсальном характере его системы, не знающей культурных границ и ограничений. А демократичный и очень практичный подход к освещению социально значимых и шире – общечеловеческих проблем, всесторонность выводов и положений подчеркивают особенности американского характера и стиля жизни.

Книги Лэпхема и Карнеги, как показывает исследование, строятся в первую очередь на знаниях психологии и этики в человеческом общении. «Эпоха Ренессанса заложила основы всей последующей европейской цивилизации. На ее основе создалась культура гуманизма, идея ценности человеческой личности, возникло замечательное искусство. Одновременно получили импульс идеи национальности, средневековое вселенство сменилось идеями национальных языков и национальных культур, стали складываться национальные государства с централизованным аппаратом управления. Усовершенствовались не только технические машины, но и государственные. Техника управления – от бухгалтерской отчетности до машины власти – также пережила революционный переворот. Печать, строительство дорог, усовершенствование сухопутных и морских средств связи совершенно изменили коммуникационную психологию человека» [Лотман, 2004в, с. 627].

Коммуникационная психология человека определяет взаимоотношения людей и поэтому является «ключом» к успеху. Прикладная психология выступает на первый план и в работах Карнеги и Лэпхема. И в этом прослеживается связь между первыми светскими салонами Франции и книгами американских авторов. Франция как центр светскости создала в XVII веке эталон человеческого общения, который строился на элегантности и куртуазности, обольстительности и взаимном удовольствии – «*It was an ideal characterized by elegance and courtesy, an ideal that countered the logic of force and the brutality of instinct with the art of living together based on seduction and reciprocal pleasure*» [Cravery, 2006, с. 9]. И, конечно, этот идеал был создан благодаря глубоким познаниям в области психологии и на основе толерантности и уважения друг к другу – «*The favored themes were psychology and love, the two subjects in which women could excel without training, thanks to their sensibility, intuition, and awareness of the ways of the world*» [Cravery, 2006, с. 20]. «*They all shared an interest in literature, a love of language, and a passion for conversation. They had psychological insight and were refined and unyielding in matters of taste*» [Cravery, 2006, с. 167]. «*The game – almost as old as French aristocratic civilization – consisted of raising various points concerning love or suggesting maxims on the subject so that players could display such valued social virtues as psychological acumen, wit, and refinement*» [Cravery, 2006, с. 120].

Дейл Карнеги восстанавливает то, что было создано во Франции три века тому назад, и даже раньше. Вернее, «...Культурная память как творческий механизм не только панхронна, но и противостоит време-

ни. Она сохраняет прошедшее как пребывающее» [Лотман, 2004а, с. 674]. По мнению Ю.М. Лотмана, «...Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (то есть хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и “как бы перестает существовать”. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения». [Лотман, 2004а, с. 675].

Карнеги предлагает систему («...system of training that is unique»), которая уже существовала в мировой культуре и была несколько утрачена в связи с изменившимся кодом эпохи. Систему, базирующуюся на уникальном соединении мастерства публичного выступления, умения заинтересовать людей и знаний прикладной психологии («...a striking combination of public speaking, salesmanship, human relations and applied psychology»). Основные постулаты прикладной психологии Карнеги строятся на работах психолога Б.Ф. Скиннера (B.F. Skinner), экспериментально доказавшим, что животное, поощряемое за хорошее поведение, быстрее обучается и более эффективно закрепляет заученное, чем то, которого наказывали. Отсюда одно из положений Карнеги – никогда не критикуйте людей, ибо критика порождает в ответ только негодование. На работах психолога Ханса Сели (Hans Selye), который считал, что насколько сильно мы желаем одобрения, настолько же сильно мы боимся порицания – «*As much as we thirst for approval, we dread condemnation*» [Carnegie, 1981, с. 58]. А также на теории Зигмунда Фрейда: поведение человека определяется двумя мотивами – сексуальностью и желанием быть великим. Философ Джон Дьюи (John Dewey) также подчеркивает, что самое глубокое желание у человека – это стать великим и значимым – «The desire to be great, the desire to be important» [Carnegie, 1981, с. 30]. Исходя из вышеприведенных теорий, Карнеги формулирует следующие положения: никогда не критикуйте; давайте людям доброе слово признания, честно и искренне признавая в них хорошие черты; говорите с человеком о том, что является предметом его желаний; пробудите в нем желание; смотрите на вещь под его углом зрения.

«Доброе слово признания» часто принимается за лесть, что также не ново. Светский язык во Франции не обходился без слова *complaisance* (любезность), оно часто использовалось в *Divers Portraits* – «*In its originally accepted form, complaisance was inseparable from politesse and indicated the wish, common to most of society, not to enter into an argument but to be unreservedly obliging to an interlocutor, even at the expense of one's own character*» [Cravery, 2006, с. 162]. Но позже это слово попало

в разряд сомнительных, и потому было заменено словом «лесть» (*flattery*) – «...*an excess of courtesy could suddenly be risky. One small false step and complaisance came – dangerously close to flattery ...only by subtlety and worldly know-how could the balance be kept*» [Cravery, 2006, с. 162]. Тонкую грань между двумя близкими по значению существительными очень хорошо чувствовали французские аристократки. Желание, с одной стороны, преподнести себя в светском обществе и занять в нем достойное место, с другой стороны, быть действительно тем, кем хочешь казаться, заставляло их смотреть на себя глазами других людей – «*They say nothing of their private feelings. While waiting for “God to touch their hearts,” the only passionate feelings allowed are pride, the longing for glory, and family ambition*» [Cravery, 2006, с. 163]. Сравним с цитатой из книги Карнеги: «*Из своей системы поведения я исключил также всякий критицизм. Вместо порицания теперь стремлюсь найти место для признания и похвал. Я прекратил разговоры о своих желаниях. Стараюсь теперь понять точку зрения другого человека*» [Carnegie, 1981, с. 46].

Карнеги также затрагивает вопрос лести – «*Попытаемся уяснить достоинство другого человека. Тогда не будет нужды в лести. Давайте честно и искренне признавать хорошие черты в других!*» [Carnegie, 1981, с. 74].

Подобное находим и в руководстве Лэпхема – «...*the sweetest flatteries turn stale unless refreshed by new and joyous discoveries of unsuspected virtue and talents previously unknown. Vary the adjectives and angles of approach*» [Lapham, 1999, с. 90].

Другой составляющей системы Карнеги является талант публичного выступления, который входит в более широкую категорию «*appearance*», что на современном языке называется персональным имиджем. Остановимся на нем. Он предполагает как умение создавать впечатление своим внешним видом и манерами, так и умение красиво говорить: «...*conversation obeyed strict laws that guaranteed harmony based on perfect equality. These were laws of clarity, measure, elegance, and regard for the self-respect of others. A talent for listening was more appreciated than for speaking. Exquisite courtesy restrained vehemence and prevented quarrels*» [Cravery, 2006, с. 13]. Ясность, размеренность, неторопливость, элегантность и уважение к собеседнику – отличают высокий статус говорящего. Этот аспект занимал особое место в светской культуре Франции и позже других европейских стран – «*The obligations of “appearance” were, of course, not limited to producing physical style and elegant gestures but placed equal emphasis on the art of speaking. Here too,*

*the apprenticeship began in early childhood, drawing on the purity of the mother tongue and a system of transmitting feminine culture, which was essentially oral and suited to pedagogical conversation» [Cravery, 2006, с. 15]. Итак, внешнее впечатление создавалось как стилем и элегантно-стью манер, так и искусством говорить, которому обучались с детства и которое являлось частью женской культуры, ибо оно было устным и служило целям педагогического воспитания. Карнеги в главе «Простой способ произвести хорошее впечатление» отмечает, что *выражение, которое женщина «надевает» на свое лицо, оставляет большее впечатление, нежели платье, которое она надевает на свое тело. А поступки «говорят» громче, чем слова, а улыбка «говорит»: «Вы мне нравитесь. Вы делаете меня счастливым. Я рад видеть вас» [Carnegie, 1981, с. 70]. Отсюда следует, что внешним атрибутам человека придается огромное значение, что объясняется как культурными особенностями Америки – театрализованностью поведения и «маскарадом», о которых пишет Констанс Рерк, – так и, возможно, преобладающим культурным кодом, определяемым как постмодернизм. В книге Лэпхема рекомендации по поводу внешнего вида сводятся к следующему – «Все ваши сомнения относительно наряда должны быть разрешены в пользу ненавязчивых тонов и неброских украшений. Только большие знаменитости могут позволить себе устанавливать моду и выражать свою индивидуальность, как говорят журналисты. Униформа всегда подойдет, а смокинг – всегда уместен» [Lapham, 1999, с. 20]. Отдавая должное авторскому чувству юмора, пародийному модусу его повествования, которое также можно рассматривать в рамках постмодернизма как основного «шифра» эпохи, нельзя не отметить, что авторскому осмеянию подвергается «обезличивание» человека в современном обществе.**

Лингвистический аспект, не получивший освещения в книге Карнеги, отражается в качестве основных «знаков» светской, или социально маркированной «вверх», речи в руководстве Лэпхема. Автор, в частности, указывает на предпочтительность прилагательных перед существительными, и абстрактных слов перед конкретными словами, и особенно таких, как «postmodern», «amusing», «enigmatic», «global», «empowering», которые уместны при любых обстоятельствах. Иронизируя по поводу использования абстрактных слов, автор тем самым более выпукло передает социальную составляющую этого класса существительных. Исследования в области социолингвистического изучения речи представителей высших классов Великобритании [Ивушкина, 1998] дают нам основание согласиться с рекомендациями Лэпхе-

ма. Прилагательные действительно являются наиболее ярким «знаком» социального статуса говорящего, как и абстрактные существительные, которые до сих пор отражают ценности светской культуры, построенной на абстрактных понятиях. Следует отметить, однако, что как прилагательные, так и абстрактные существительные имеют социальную дифференциацию внутри своего класса: клишированный характер или творческий подход к употреблению вышеназванных частей речи являются индексом образованности и социального положения говорящего. Ярким примером социальной обусловленности класса абстрактных существительных служит следующий отрывок: «*Without a deep understanding between the sexes, chivalry, gallantry, and honnêteté were in fact impossible ideals. Nobility and the elegance of French aristocratic life developed from a single challenge. Proud of their differences, rich in their various experiences, men and women were united in their passion for society life. For its sake they showed themselves willing to sacrifice the most violent individual feelings, sometimes even their profoundest aspirations, receiving in exchange the right of belonging to a world of pleasure, diversion, and entertainment. A world of like-minded people where beauty and worth were newly allied and where the only laws to be respected were those of common accord*» [Cravery, 2006, с. 23].

При сравнении абстрактных существительных двух различных временных периодов не трудно заметить, что все они служат своеобразными культурными «знаками», отражающими как время, так и меняющиеся ценности общества.

Иронией и насмешкой над условностями американского общества, которое, являясь демократическим государством по определению, ничуть не уступает монархической Англии, пронизана книга Лэпхема. Он отмечает, что Америка, управляемая коммерческой олигархией, которая, по сути, опутала всю государственную систему и поставила в зависимость от себя получение работы, пенсии, медицинского страхования, членства в клубах и т.д., заставляет американцев учиться у европейцев искусству «добиваться места при дворе» [Lapham, 1999, с. 15]. Искусству, в котором американцы, по словам Алексиса-де-Токвиля, французского путешественника, автора книг об особенностях американской демократии, удивительно преуспели [Tocqueville, 1863, с. 15]. Философские и этические вопросы, вопросы о морали, истине, поэзии и поэтах прошлых веков, как и вопросы социального протеста, кажутся сегодня пустыми и ненужными. Они отошли в прошлое, отмечает автор, и на смену им пришли вопросы о ценах на апартаменты в Нью-Йорке, зарплаты, и как добиться к ним доступа. И хотя

код эпохи сменился, светский код общения преломляется через «шифр» эпохи и служит целям достижения успеха в социальной и материальной сфере. Этим же целям служат эвфемизмы – «*Study the advertisements for cosmetics and detergents and learn to speak a language that is salt-free, risk-averse, baby-soft*» [Lapham, 1999, с. 24]. Недооценка и переоценка, как показало исследование Е.А. Власовой [Ивушкина, Власова, 2005], – не что иное, как маска для сокрытия истинных чувств и настроения, разные виды недооценки / переоценки отражают социальный статус англичанина. А также клише – «*The empty word is the correct word*» [Lapham, 1999, с. 19]; формы политкорректности – «*Don't quarrel with it! The polite form of the XVIII c. etiquette required your forebears to drink toasts to the health of King George*» [Lapham, 1999, с. 35], и другие особенности, которые способствуют выражению неискренности и созданию «маски». Как заметил Лэпхем, «...*they smile with their mouths but not their eyes*» [Lapham, 1999, с. 12].

На имидж работают и материальные вещи (одежда, дома, машина, частный самолет), принадлежность к клубу, которые выступают очень важной информацией о социальном статусе американца.

Век компьютерных технологий, высочайших информационных систем вызвал «коренную перемену в статусе языка, его места в обществе, престижа». «Не случайно веками великими научно-технических переворотов являются рубежи коммуникативной техники: письменность, печать, эпоха телевизоров, магнитофонов и ЭВМ. Природа референции и прагматики речи для каждого из периодов претерпевает глубокие изменения. [Лотман, 2004в, с. 637]. Как показывает анализ книг американских авторов, светский код общения, созданный во Франции более трех веков тому назад, заимствуется и американским обществом. Он сохраняет свои отличительные признаки, вместе с тем, как бы преломляется через культурное своеобразие Америки, и через «преобладающий шифр» эпохи. Основной код культуры, постмодернизм, отражающий прорыв в системе человеческой коммуникации, который был вызван возможностями Интернета, и новых технологий, «адаптировал» светский код общения к новым потребностям американского общества. Технологии, меняя мир, создают все увеличивающийся разрыв в социальных отношениях между индивидуумами и чувство отчуждения и одиночества – «...*a sense of lost community, lost history, and therefore ultimately of the lost or alienated self*» [Niall, 2001, с. 47]. Светский код общения стал культурным символом социального и материального преуспевания, успешной самореализации человека в современном обществе.

Литература

Ивушкина Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи (на материале речевых характеристик представителей высших классов Великобритании в произведениях английской художественной литературы) : дис. ... д-ра филол. наук. М. 1998.

Ивушкина Т.А., Власова Е.В. Недооценка и переоценка в речи современного англичанина : социолингвистический аспект. Волгоград, 2005.

Ивушкина Т.А., Крюков Д.В. Письма английской аристократии Викторианской эпохи : социолингвистические характеристики. Волгоград, 2005.

Лотман Ю.М. Память о культурологическом освещении // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб., 2004а.

Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб., 2004б.

Лотман Ю.М. Технический прогресс как культурологическая проблема // Семиосфера. СПб., 2004в.

Подлинно американское искусство. Глава 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infousa.ru/society/portrait/ch.10.htm>

Современное зарубежное литературоведение. М., 1996.

Carnegie D. How to Win Friends and Influence People. N.Y., 1981 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docstoc.com/docs/14386061/Dale-Carnegie-How-To-Win-Friends-And-Influence-People>

Craveri B. The Age of Conversation. N.Y., 2006.

Franklin B. Poor Richard's Almanack [Электронный ресурс]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Poor_Richard's_Almanack

Lapham L. Rules of Influence : A Career's Guide to Success, Status, and Self-Congratulation. N.Y., 1999.

Niall L. Beyond Semiotics : Text, Culture and Technology. Continuum International Publishing, 2001.

Rourke C. American Humor : The Story of the National Character. N.Y., 1931.

Tocqueville A. Democracy in America. Cambridge, 1863 [Электронный ресурс]. URL: http://xroads.virginia.edu/~HYPER/DETOC/toc_indx.html

Washington G. 110 Rules of Civility and Decent Behavior in Company and Conversation [Электронный ресурс]. URL: <http://wwwFOUNDATIONS.MAG.com/civility.html>

АЛГЫСЫ В СИСТЕМЕ КУЛЬТОВО-ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ САХА (ЯКУТОВ): ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ЭПИТЕТАЦИИ

Л.С. Ефимова

Ключевые слова: дух-хозяин огня, культово-обрядовая поэзия.

Keywords: fire spirit, cult and ritual poetry.

До сих пор в российской фольклористике не разработана система классификации устно-поэтических произведений, входящих в комплекс обрядовой культуры и шаманской практики. В научной литературе тексты шаманских камланий принято относить к культовой поэзии, а поэтику безрелигиозных обрядов исследователи считают обрядовой поэзией. Такое деление весьма условное. Культ выражался первоначально по преимуществу в форме магических действий обряда. Обряд, по мнению, В.И. Ереминой, считается формой воплощения религиозных воззрений и является лишь одним из способов, посредством которого верование воплощается в действие [Еремина, 1991, с. 7]. Если обряд представляет собой практические действия, через которые проявляются мифологические представления и религиозные воззрения древних, тогда культ непосредственно выражался в обрядах. Значит, культ и обряд взаимосвязаны и разделить их практически невозможно.

На современном этапе из обрядовой поэзии тюркских народов Сибири наиболее исследованной является обрядовая поэзия алтайцев. Так, были изучены культы поклонения и шаманство алтайских народов, их молитвы, тексты шаманских камланий телеутов [Дыренкова, 1949]. *Алкышы* и *алкыш сөс* как жанры алтайского фольклора были охарактеризованы С.С. Каташ [Каташ, 1977]. По мнению М.П. Чочкиной, *алкыш сөс* в значении 'благопожелание' расширил свои функциональные границы и оказал влияние на образование таких современных этикетных формул, как поздравления, славословия, тосты, приветствия [Чочкина, 2006]. Активно бытуют *шытшаар сөс* 'заговоры', *јада сөс* 'заклинания, направленные на изменение погоды', *этом* 'заговоры знахарей' и *шабычы јаңар* 'бурханистские гимны и песнопения' [Худяков, 2002]. Скотоводческие заговоры теленгитов с музыковедческой точки зрения рассмотрены Н.М. Кондратьевой [Кондратьева, 1996]. Д.А. Функ провел историко-этнографическое исследование о шаманизме телеутов, записал и опубликовал ритуальные тексты – *алкыштар* [Телеутский фольклор, 2004].

Исследователь народно-песенного творчества долган Г.Г. Алексеева считала *алгысы* неотъемлемой частью синкретических обрядов, относила их к обрядовым жанрам [Алексеева, 2005]. Обрядовая поэзия тувинцев, ее структура и семантика стала предметом исследования Ж.М. Юша [Юша, 2005].

Обрядовую поэзию народов Сибири трудно выделить из контекста шаманизма, она находится в тесном единстве с их шаманской практикой. Шаманские *алгышы* тувинцев, их сюжеты и поэтика были рассмотрены М.Б. Кенин-Лопсан [Кенин-Лопсан, 2007]. В.Я. Бутанаевым собраны и опубликованы, *алгышы*, также шаманские молитвы хакасов [Бутанаев, 2006]. В последнее время проведено интересное сравнительно-сопоставительное исследование сюжетики заговорно-заклинательных текстов славян и коренных народов Сибири [Кляус, 2001].

Научные исследования и публикации образцов обрядовой поэзии якутов на академическом уровне были осуществлены Г.У. Эргис. Ему принадлежит первая их классификация. Под обрядовой поэзией якутов он понимал *алгысы*. Г.У. Эргис предложил следующие их тематические группы: скотоводческие, промысловые, обряды и алгысы кузнецов, семейно-бытовые, родовые. Он особо выделял шаманские обряды и камлания [Эргис, 2008, с. 159]. Жанрово-видовой состав, поэтическое содержание и художественные средства якутских народных обрядовых песен были рассмотрены С.Д. Мухоплевой в их связи с обрядовой культурой народа. По функциям выделены три жанра песен. Одним из них названы заклинательные песни – алгысы. По способу заклинания исследователь выделяет три вида заклинательных песен: песни-договоры, песни-повеления, песни-повествования [Мухоплева, 1993, с. 97–98]. Виды духовно-культурной поэзии якутов, происхождение алгыса, их роль в возникновении некоторых жанров фольклора затронуты в трудах Н.Е. Петрова. Он связывает происхождение алгыса с верой человека в магическую силу слова [Петров, 1995]. Алгыс и осуохай в системе интонационно-акустической культуры саха были рассмотрены Ю.И. Шейкиным [Шейкин, 2003]. В академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» издан том, посвященный обрядовой поэзии саха (якутов) ([Обрядовая поэзия..., 2003]).

Первые письменные сведения о шаманах якутов и описание их камланий оставил Я.И. Линденау [Линденау, 1983]. Подробную запись текстов шаманских камланий с переводом на русский язык осуществил И.А. Худяков [Худяков, 2002]. Несколько подробных описаний о дей-

ствиях шаманов принадлежит Н.А. Виташевскому [Виташевский, 1918]. Полные тексты камланий шаманов Вилюйского округа с переводом на русский язык были подготовлены А.А. Поповым [Попов, 2006]. Классификацию шаманских камланий сделал Г.У. Эргис [Эргис, 1945]. Текстовые материалы некоторых камланий были включены в сборник Д.К. Сивцева [Сивцев, 1996, с. 74–84], в сериях «Ойуун» (Шаман) [Ойуун, 1993], в 24-м томе «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Обрядовая поэзия..., 2003, с. 278–284, 308–310].

Шаманизм тюркских народов давно интересовал многих исследователей. Якутский шаманизм представлен исследованиями И.А. Худякова, В.М. Ионова, В.Ф. Трошанского, В.Л. Серошевского, А.Е. Кулаковского, Г.В. Ксенофонтова, А.А. Попова, В.Н. Васильева, Н.А. Алексеева, В.Е. Васильева и др. Заметный вклад в исследовании хакасского, тувинского и алтайского шаманизма внесли Н.Ф. Катанов, А.В. Анохин, Н.П. Дырenkova, Л.П. Потапов, С.И. Вайнштейн, В.П. Дьяконова, М.Б. Кенин-Лопсан, В.Я. Бутанаев, Д.А. Функ и др. Е.С. Новик рассматривала структуру шаманских камланий народов Сибири в разрезе этнографического изучения [Новик, 1984]. Но поэтика шаманских камланий тюркских народов Сибири пока остается недостаточно изученной. Недавно объектом научного интереса стали тексты шаманских песнопений бурят, рассмотрены символика и поэтика песнопений, выделены три основных жанра, выявлена сакральная, практическая функция шаманского стиха [Дампилова, 2005].

Для обозначения произведений устного творчества, сопровождающих традиционные обряды якутов, включая шаманские камлания, больше подходит термин *культуво-обрядовая поэзия*. Эта поэзия основана на дуалистическом принципе видения мира древних, по которому нормальное функционирование вселенной представлялось на основе борьбы доброго и злого начал. Мир у якутов разделен на *уөһээ дойду* ‘верхний мир’, в котором живут добрые силы – *Урдүк Айыылар* ‘Высшие божества культа Айыы’. Верхний мир на южной стороне и *алла-раа дойду* ‘нижний мир’ являлись обиталищем злых духов. Земля, по представлениям древних, выступает основным объектом раздора между двумя мирами и называется, *орто дойду* ‘срединный мир’. Доброе начало стало сущностью культуво-обрядовой поэзии якутов, она была нацелена на умилостивление как добрых, так и темных сил. В ней можно выделить три группы. К первой группе культуво-обрядовой поэзии можно отнести поэзию, посвященную культу божеств Айыы, ею владели *айыы удаһана* ‘жрица айыы’ и *айыы ойууна* ‘шаман племе-

ни айыы'. В научной литературе его предпочитают называть «белый шаман». Они служили посредниками между добрыми духами и людьми. Предназначенной для умиротворения сил нижнего, отчасти верхнего, миров культово-обрядовой поэзией, которую можно отнести к второй группе, владели *ойууттар* 'шаманы'. Многие исследователи их называют «черными шаманами». Для общения с *иччи* 'духами-хозяевами срединного мира' культово-обрядовой поэзией мог владеть любой, но предпочтение всегда отдавалось пожилому, наделенному опытом и мудростью человеку. Данную поэзию можно считать третьей группой. Все группы культово-обрядовой поэзии якутов осуществляются через *алгысы*. В якутском языке кроме ныне бытующего термина *алгыс* 'благословение; благожелание, доброжелательство; хваление, заклинание, моление, в частности посвящение' [Пекарский, 1958–1959, ст. 76] были зафиксированы и другие слова: *алһыы* 'благословение, прославление', *алһыыс* 'благословение' [Бетлингк, 1990, с. 435] и *алгыы* 'благословение, доброжелательство; благословение; прославление; самая речь, произносимая на кумысовом празднике'. [Пекарский, 1958–1959, ст. 75–76].

Шамана в большинстве случаев представляли как колдуна и знахаря [Ожегов, 1953, с. 824]. В языках саяно-алтайских тюрков шамана называют *кам*, был у них *ак кам* (букв. 'белый шаман') 'шаман, совершавший призывания только добрым духам' [Радлов, 1893а, ст. 70]. Тунгусо-маньчжурские племена называли его *хаман* – *саман*, так, эвенк. *саман* (*хаман*), эвен. *хаман* (*аман*, *саман*), нег. *саман*, ороч. *сама(н)*, уд. *сама(н)*, ульч. *самā(н)*, орок. *сама(н)* [ССТМЯ, 1977, с. 59] и виллойские тунгусы шамана называли *саман* [Маак, 1994, с. 292]. Е.С. Сидоров приводит интересные языковые соответствия: айнское *saman*, *shaman* 'шаман', индонезийское *saman*, *sjamas* 'священнослужитель' [Сидоров, 2001, с. 104]. Возможно, от вариантов тунгусо-маньчжурского слова *хаман* (*хаман*) – *саман* (*саман*) было образовано слово *шаман*. Тогда можно согласиться с предположением В.Я. Бутанаева, что от заимствования русским языком тюрк. *кам* образованы глагол *камлать*- 'шаманить' и имя существительное *камлание* в значении 'шаманский сеанс, обрядовое действие шамана' [Бутанаев, 2006].

Магические действия шаманов, по замечанию А.А. Попова, «направлены на достижение положительных результатов при посредничестве между людьми и божествами» [Попов, 2006, с. 49]. Он их называл камланиями. Позднее они были охарактеризованы как сложные мистерии, представляющие собой «действия шамана и различных духов –

шаманских духов-помощников и духов-покровителей, а также враждебных сверхъестественных существ, обитающих в разных мирах» [Алексеев, 2008, с. 358]. Мы будем придерживаться термина *шаманские камлания*.

Якуты шамана называют *ойуун*. Исследователи к якут. *ойуун* в значении ‘прыгун, скакун; шаман; жрец, кудесник; ворожея; волчок (игрушка), волчок деревянный’ находят параллели монг. *оюун* в значении ‘ум, разум, соображение; мудрость’ и тюрк. *oi* ‘ум, разум, память, мнение’ [Васильев, 2007, с. 23; Габышев, 1992, с. 100]. *Ойуун* ‘прыгун, скакун; шаман; жрец, кудесник; ворожея’ считается образованным от глагола *ой-* ‘делать скачок или прыжок, скакать, прыгать, скакать на обе ноги, перескакивать, перепрыгивать, отскакивать’, который дается в сравнении с монг. *oi-* ‘отскакивать, убегать, уклоняться, удаляться’ с помощью аффикса *-ун (-уун)* [Пекарский, 1958–1959, ст. 1796, 1806–1807]. К якут. *ой-* ‘прыгать, отпрыгнуть’ замечается параллель – ст. монг. *ойи-* ‘отскакивать, убегать’ [Сидоров, 1997, с. 54]. Такие сопоставления подтверждаются лексикой шаманских плясок. Во время камланий он у всех на виду прыгает, отскакивает, скачет. Шаман такими движениями «удаляется» от срединного мира, выражая тем самым смысл его «путешествий» в другие миры. Но это только внешняя сторона шаманских действий. Возможно, слово образовалось с начальным значением ‘играющий, танцующий’ в силу синкретического характера действий древнего человека. Предположение о преобладании хорического и игрового синкретизма в действиях шамана подтверждается некоторыми словами. Так, др. тюрк. *ojna-* ‘играть, развлекаться’ и *ojuu* ‘игрок’, *ojun* ‘игра, состязание; танцы, музыкальная игра, забава, увеселение’ [ДТС, 1969, с. 365–366] и тюрк. *oina-* ‘играть, шутить, танцевать, забавляться’, *oin = ojun, uin* ‘игра, шутка, игра на музыкальном инструменте, пение’, *oinak* ‘детская игрушка; место, где играют, играющий, дурак; плясун, скакун, подвижный; игривый, резвый, дерзкий, непостоянный, обманщик’ [Радлов, 1893б, ст. 972–975] семантически близки к якут. *ойуун* в значении ‘прыгун, скакун; жрец, кудесник; ворожея; волчок (игрушка), волчок деревянный’. Приведем пример из материалов С.Е. Малова. Он замечал у сартов Восточного (Китайского) Туркестана в начале XX века, что «шаманские церемонии называются словом *oюн*, что значит “игра”, “забава”, хотя нужно иметь в виду, что во время моления бывают танцы, музыка, пение» [Малов, 1918, с. 5]. Следовательно, от глагола *ой-* ‘делать скачок или прыжок, скакать, прыгать, скакать на обе ноги, перескакивать, перепрыгивать, отскакивать’, имеющего параллели как монг. *oi-* ‘отскакивать, убегать, укло-

няться, удаляться' и ст. монг. *ойи-* 'отскакивать, убежать' с помощью аффикса *-ун (-уун)* образовано якут. *ойуун*. Но у многих народов Сибири он был посредником трех миров, выступал как выразитель, проводник чаяний и просьб людей. Шаманом становились люди, наделенные умом, знаниями и, по представлениям древних, избранные «свыше». Тогда тюрк. *ой* в значении 'ум, разум, память, мнение' [Радлов, 1893б, ст. 969] в семантическом плане подходит к якутскому слову *ойуун* как мудреца, хранителя народной памяти. В современном якутском языке имеется *ой* 'память, ум, разум'. Оно дано в словаре в сравнении с тюрк. *oi, ör* 'ум, разум, память, мнение', бур. *oi* 'ум, разум', монг. *ой* 'ум, память' [Пекарский, 1958–1959, ст. 1915]. Исходя из самой сущности, предназначенности и деятельности шамана, можно считать, что якут. *ойуун* было образовано от тюрк. *oi, ör* 'ум, разум, память, мнение', бур. *oi* 'ум, разум', монг. *ой* 'ум, память' прибавлением *-ун (-уун)* > *ойуун*. Слово имеет тюрко-монгольские истоки происхождения. У якутов *айыы ойууна* 'шаман племени айыы' владели культово-обрядовой поэзией, посвященной Высшим божествам культа Айыы. *Ойууттар* 'шаманы' были предназначены для умиротворения темных сил нижнего, отчасти верхнего, миров. Возможно, якут. *ойуун* имело две формы образования. Наиболее ранней можно признать форму образованную от тюрк. *oi, ör* 'ум, разум, память, мнение', бур. *oi* 'ум, разум', монг. *ой* 'ум, память' + *-ун (-уун)* > *ойуун* в значении 'мудрец, хранитель народной памяти и традиций'. *Айыы ойууна* не совершал камланий, значит, не скакал и не прыгал, не связывался с темным миром, только проводил обряды, алгысы Высшим божествам культа Айыы. Как замечает Н.А. Алексеев, «якутские белые шаманы существенно отличались от настоящих черных шаманов. Они, в сущности, были жрецами общеплеменного культа божеств-покровителей Айыы. Общеякутский культ божеств Айыы <...> в прошлом бытовал независимо от черного шаманизма» [Алексеев, 2008, с. 103]. Исторические корни белого шаманства тюрко-монгольских народов Д.С. Дугаров возводит к «древнейшим индоиранским и шире – индоевропейским верованиям» [Дугаров, 1991, с. 270]. Итак, можно предположить, что по форме образования и по семантике якут. *ойуун* в значении 'мудрец, хранитель народной памяти и традиций' появилось раньше, чем вторая форма *ойуун* 'прыгун, скакун; шаман; жрец, кудесник; ворожея; волчок (игрушка) волчок деревянный', которая образовалась от глагола *ой-* 'делать скачок или прыжок, скакать, прыгать, скакать на обе ноги, перескакивать, перепрыгивать, отскакивать'. Начальная его семантика 'играющий, танцующий' была обусловлена синкретическим характере-

ром действий, которая со временем значение слова заметно расширилась в 'шаман, жрец, кудесник, ворожея'.

Шаманские камлания можно представить как комплекс сложного и разностороннего коммуникативного акта шамана с духами-покровителями трех миров и людьми. Якутский шаман прежде чем начать камлание, сначала обращался к духам-хозяевам срединного мира. Его адресатами иногда, в зависимости от цели камланий, выступали Высшие божества культа Айыы: Хотой Айыы, Дөһөгөй Тойон и Айыыһыт. В текстах шаманских камланий имеются такие выражения, как *алгыс алһаатым* 'благословил', *алгаан эрэбин* 'начинаю благословение', подтверждающие тот факт, что он проводил *алгыс* [Худяков, 1969, с. 261, 313]. Шаман во многих случаях упоминал духов-покровителей огня, местности и др., прося их благоденствия, помощи во время камлания, только затем призывал и приближал своих духов-помощников. Из его адресатов, к которым он обращался во время камланий, больше всего упоминается Дух-хозяина огня. Например, по материалам А.А. Попова, в обряде «Испрашивание лесного зверя» шаман Сургулукского наслега Даниил Дмитриев начал камлание с обращения Духу-хозяину огня: «*Аал уотум иччитэ, алтан сабарай, аралы дьаһыл, туус тумус, чүүчү кыламан, бырдьа бытык, хоруо хоннох, дьоруо тобук, быһый бытык Хоңкуру Хотой Бүүргэ, кыырыл төбө, тус инигэр кишрэн олороммун, ат курдук алгыһым, дойду курдук тойугум, сир курдук сЭҺэним, дьэ, кишрдэ миэхэ!* (Медная схватица, [длань], Аралы Дьаһыл, белый клюв, долото-ресница, седая борода, черные подмышки, прихрамывающее колено, подвижные пахи, Хоңкуру Хотой Бүүргэ, седая макушка, сидя перед тобою, зародились во мне заклинания, подобные коню, напевы, подобные стране, рассказы, подобные земле)» [Попов, 2006, с. 134, 141]. Здесь он обращается к Духу огня, перечисляя его многочисленные эпитеты, употребляет слово *алгыһым* 'благословение', которого А.А. Попов переводит как 'заклинание'. В конце камланий шаман угощал Духа огня и своих духов-помощников кусочками сырого мяса. Из тридцати одного описанного А.А. Поповым шаманских камлания бывшего Вилюйского округа, в 22-х шаман соблюдал все три составные части алгыса, то есть обращался к адресатам, просил их и угощал [Попов, 2006]. Следовательно, шаман выполнял композиционно цельный алгыс, где адресатом выступали духи трех миров. В научный оборот был введен термин *шаманская поэзия* [Алексеев, 2008; Дампилова, 2005]. Для обозначения произведений, входящих в комплекс шаманских камланий якутов, больше подходит термин *шаманский алгыс* с целью различия такой разновид-

ности от *обычных алгысов* (термины Е.С. Новик). К обычным можно относить алгысы к *иччи* – духам-хозяевам срединного мира и людям, которые входят в третью группу культово-обрядовой поэзии саха (якутов). Данной культово-обрядовой поэзией мог владеть любой человек. Шаманские алгысы входили во вторую группу культово-обрядовой поэзии, которой владели предназначенные для умиротворения сил нижнего, отчасти верхнего, миров только *ойууттар* ‘шаманы’. По замечанию Е.С. Новик, «структура шаманских призываний и шаманских алгысов однотипна с обычными алгысами. Все они состоят из трех основных частей, первая из которых содержит более или менее подробное перечисление имен и эпитетов духа, вторая включает изложение просьбы, а в третьей описывается или просто называется приносимая жертва» [Новик, 1984, с. 76]. *Айыы ойууна* проводил алгысы Высшим божествам культа Айыы, также соблюдая все три структурные его части: обращения к ним, изложения им просьбы и угощения их кумысом или молочными продуктами. Итак, алгысы в системе культово-обрядовой поэзии якутов имеют однотипную композиционную структуру, хотя они входят в комплекс полярных обрядовых действий, основанных на дуалистическом принципе видения мира у древних. Они состоят из трехчастной композиции: обращения к адресатам, выражения им просьбы и угощения их.

В текстах обычных алгысов Дух-хозяин огня наделен 56 эпитетами, а в шаманских алгысах было употреблено 46 эпитетов. Из них 32 эпитета встречается и в обоих видах алгыса. Было рассмотрено всего 106 эпитетов, состоящих из 218 слов. Из них 146 (66,97%) слов имеют тюрко-монгольские, тюрко-монгольско-маньчжурские и монголо-маньчжурские параллели. Мы ограничимся рассмотрением только некоторых из них.

Объектом эпитетов выступает имя Духа-хозяина огня *Аан Уххан эһэ* ‘Аан Уххан дедушка’. Оно представляет собой сложное образование слов *аан*, *уххан* и *эһэ*. В якутском языке *аан* имеет широкое семантическое поле, как ‘начало, первый, начальный; передовой, важный, первенец; предопределение, участь, судьба; вход, проход, отверстие, ворота, дверь; преддверие, придел’, имеет специфическую особенность. Слово образует сложные слова, усиливая их основные понятия [Пекарский, 1958–1959, ст. 101–102]. Е.С. Сидоров находит к якут. *аан* лексическое схождение – санскр. *ап* ‘дыхание’ [Сидоров, 1997, с. 127]. Исходя из данного схождения, составное слово *аан дойду*, включающее в себя два компонента *аан* и *дойду*, образует лексикализацию. Его можно трактовать как ‘обширное место, где можно «дышать»’, то есть

где обеспечивается существование всего живого. По-видимому, составное слово *аан дойду* в языке фольклора, употреблялось в значении ‘макрокосм, вселенная, белый свет’. Если к *аан дойду* прибавляется лексема *ийэ* со значением ‘матка, самка, родная мать, матушка, одна из ведущих свах; неводная мотня’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 906–908], тогда основное понятие составного слова *аан ийэ дойду* изменяется и при лексикализации получается совсем другое понятие ‘часть вселенной – срединная земля’. Приводятся близкие к такому пониманию варианты сложных слов как *аан дойду // аан ийэ дойду* ‘аан маңнайгы дойду, төрөөбүт дойду’, *аан ийэ дойду* ‘айыы сирэ эбэтэр орто дойду (абааһы сириттэн арааран)’ [Дапсы, 2005, с. 27–28]. Слово *аан* входит в состав имени Духа огня *Аан Уххан*. *Аан уххан* переводится Э.К. Пекарским как ‘на первых порах, первое всего, прежде всего’. Значение якут. *уххан* приводится им как ‘свежесть, не давность; близость прошлого (во времени)’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 3101]. Допустим, что *аан* в данном случае употреблено в значении ‘дыхание’, тогда *Аан Уххан* можно интерпретировать как ‘дыхание близкое’. В языке фольклора слова, иногда даже целые фразы, собственные имена не употребляются в прямом смысле. Обычно они имели семантически подтекст, не очень понятный современному носителю языка. Древние якуты, по-видимому, под именем *Аан Уххан* воспринимали Духа огня как *тыыны (олоһу) салһааччы, уһатааччы* ‘зачинатель (или продолжатель) жизни’, что соответствует его практической значимости. Слово *эһэ* в составе его имени употреблялось как выражение почтительного отношения к нему, подчеркивая сакральность и важность духа в жизни древних якутов.

Образ эпитета Духа огня раскрывается перечислительным рядом, состоящим из сложных образований – архаизмов. Иногда его называют *Хатан Тэмизрийэ*. В якутском языке слово *хатан* обозначает ‘твердый, крепкий, прочный, твердой закалки, каленый; хрупкий, ломкий; звонкий’. Слово дано в сравнении с монг. *хатан* ‘твердый’, маньчж. *хатань* ‘твердый, крепкий как сталь’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 3399]. Эти слова (якут. *хатан*, монг. *хатан* и маньчж. *хатань*) имеют идентичную фонетическую структуру по схеме «СГСГС», не наблюдаются в них семантические сдвиги. Так, основное значение якут. *хатан* ‘твердый, крепкий, прочный, твердой закалки’ совпадает со значением монг. *хатан*, означающего ‘твердый’. Маньчж. *хатань* имеет очень близкое к якут. *хатан* и монг. *хатан* ‘твердый, крепкий как сталь’. Найдено несколько лексических схождений к якут. *хатан* как ст. монг. *хатаһу* ‘твердый, крепкий’, санскр. *kathin* ‘твердый, крепкий’,

кор. *катан* ‘ковкий чугун’ [Сидоров, 1997, с. 61, 129, 22]. Значит, слово имеет монголо-маньчжурские параллели, старо-монгольские, санскритские и корейские схождения. По-видимому, оно имеет очень древние истоки происхождения и в языке фольклора якутов функционирует с давних времен. Второе слово *тэмизэрийэ* образовано от якут. *тэмизэрий-* ‘взлетать’ + *-э* > *тэмизэрийэ* ‘взлетающий’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 2632]. Семантика якутского слова *хатан* усиливается прибавлением *тэмизэрийэ* ‘взлетающий вверх’, выражающим основную сакральную функцию Духа огня. Он, по представлениям древних, является посредником между людьми, верхним и нижним мирами. Предки якутов всегда верили, что Дух-хозяин огня, взлетая вверх, выше к небу, доносил их просьбы до культов поклонения. Исходя из таких соображений, нам представляется, что *хатан тэмизэрийэ* в значении ‘твердый, крепкий, прочный и взлетающий вверх’ является его эпитетом, а не собственным именем. Якут. *хатан* в текстах алгысов выступает вместе с другими словами, образуя другие варианты эпитетных конструкций. Например, встречается эпитет *хатан дьолуо*. Его переводят как ‘закаленное счастье’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 839]. Перевод не соответствует семантике и природе самого могущественного и грозного духа. Слово *дьолуо* (*дьулуо*) ‘счастье, удача, ловкость’ считается образованным от якут. *дьол* ‘счастье’ [Попов, 2003, с. 174]. К якут. *дьол* ‘благо, благополучие, блаженство, счастье, фортуна, удача; добыча; сокровище’ кроме параллелей монг. *дьол*, бур. *зол* приводятся тюрк. *юл*, *юл*, *чол*, *дьол*, *дьул* в значении ‘дорога, судьба, путь, улица, строка, ряд, пробор волос’, чув. *сиол* ‘дорога’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 838, 2342]. В древнетюркском словаре слово *юл* означает ‘дорога; дорога, нахождение в пути; путь, способ существования’ [ДТС, 1969, с. 270], в тюркских языках *юл* ‘дорога, улица; образ; судьба’ [Радлов, 1899, ст. 431]. В современном алтайском сохранилось *дьол* ‘путь, дорога; строка, линия, полоса; способ; правила, распорядок; обычай’ [ОРС, 2005, с. 56]. В языке олонхо воспевается «*куруйдаах добун туйгун дьулуо маһан халлаан*, которое трудно переводится на русский язык ‘отменно благодатное счастливое славное победное божественное беспокойное белое или отменно благодатное, гладкое и чистое белое небо’» [Сивцев, 1996]. Возможно, якут. *дьолуо*, *дьулуо* в языке фольклора сохранило древнюю семантику от тюрк. *юл*, *юл*, *чол*, *дьол*, *дьул* > *дьол* (*дьул*) + *уо* > *дьолуо*, *дьулуо* ‘путь, дорога’. Тогда *хатан дьолуо* можно воспринимать как ‘твердая, крепкая дорога’. Но для данного эпитета больше подходит значение ‘прочная дорога’, что соответствует мифологическим представлениям древних о Духе-хозяине огня. Они его

воспринимали как проводника их просьб, считали «дорогой» между ними и силами верхнего, нижнего миров. Якут. *дьолуо, дьулуо* в значении ‘путь, дорога’ осталось лишь в эпитетных конструкциях языка обрядовой поэзии. В эпитетных конструкциях алгысов встречается эпитет *хатан суодуйа*. Слову *суодуйа* (от *суодуй-* + *-а*) не дано точных объяснений и в словаре Э.К. Пекарского. Якут. *суо* ‘почтенный, солидный’ употребляется только в языке фольклора в качестве постоянного эпитета, например, *суо хаан оһох* ‘жаркий важный камелек’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 2338]. К якут. *суо* ‘почтенный, солидный’ приводится параллель санскр. *si* в значении ‘высшая степень качества’ [Сидоров, 1997, с. 134]. Исходя из таких соображений, можно считать, что *суодуйа* было образовано от *суо > суо + дуй-* > *суодуй-* + *-а > суодуйа* в значении ‘почтенный, солидный’. Тогда якут. *суодуйа* понимается как ‘высшая степень почтенной, солидной твердости и крепости’. Значит, *хатан суодуйа* следует воспринимать ‘почтенная, солидная твердость и крепость’. В языке алгыса употребляется эпитет *хатан суоһуйа*. Видимо, *суоһуйа* образовано не от *суос* (ср. тюрк. *сус* ‘луч солнечный’) ‘пыл, горячесть, жар, жара, высокая температура воздуха от нагревания солнца’, а от *суос* (ср. тюрк. *јауш* ‘враждебный, сварливый’) в значении ‘строгость, гневность, страх, неприступность’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 2351–2352]. Слово отражает в сознании древних якутов такие черты образа самого надежного, но грозного духа-покровителя, как строгость, грозность и неприступность. Эпитет *хатан суоһуйа* следовало бы воспринимать как ‘твердая строгость, грозность и неприступность’.

Постоянными можно считать часто повторяющиеся эпитеты Духа огня. Больше всех упоминается эпитет *бырдьа бытык*, состоящий из двух слов *бырдьа* и *бытык*, которые образуют составное слово *бырдьа бытык*. Первое слово *бырдьа* образовано от глагола *бырдьай-* ‘выдаваться, высовываться’. Второе слово *бытык* ‘борода, усы’ дается в сравнении с тат. *мыҗык* ‘усы’. В текстах алгысов якут. *бытык* иногда употребляется в сочетании с другими словами, например, *быыра бытык*. Якут. *быыра* означает ‘стрелу с вилообразным наконечником (*быыра ох*); ныряние взад и вперед’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 645, 620]. В текстах алгыса слово *бырдьа* употребляется иногда в сочетании с якут. *кыыра* как *кыыра бырдьа*. Можно допустить, что якут. *кыыра* образовано от глагола *кыыр-* в значении ‘камлать, шаманить, служить большую мистерию; чародействовать, колдовать, ворожить; творить заклинание, заклинать (о шамане)’. Слово *кыыра* иногда входило в часть имени шаманок (удаганок), например, *Кырыы Туос Кыптыый Буут Кыыра Чохчой удаһан* [Пекарский, 1958–1959,

ст. 1404]. В состав имени удаганки входит слово *кыыра* в смысле ‘шаманит’, что подтверждает семантику *кыыра бырдьа*. Значит, постоянные эпитеты Духа огня как *бырдьа бытык* можно понимать как ‘с высовывающимися усами’, *быыра бытык* ‘с усами-стрелами’. Якутским мужчинам свойственно отпускать усы, поэтому больше подходит именно такая интерпретация слова *бытык*. Древние представляли Духа-хозяина огня с усами, а не с бородой. Другой эпитет *кыыра бырдьа* следует понимать как ‘высовывающийся ворожея, чародей, колдун’. Эпитетика Духа огня изначально исходила из анимистических представлений древних якутов.

Выражение *үөл мас үтэлээх, аһаах мас аһылыктаах, кураанах мас курумнаах* является постоянным эпитетом Духа-хозяина огня. Основное слово эпитета якут. *мас* имеет широкое семантическое поле ‘дерево на корню и срубленное, как строительный материал; бревно, кряж, лесина; бревно стены; дреколье, палка, пруть; дрова; деревянный’ сопоставляется с тунг. *мō* ‘дерево’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 1532–1533]. Якут. *үөл* ‘сырой, влажный; жизнеспособный; сырость, влажность’ сопоставляется с тюрк. *өл* (*ööl*), *үл* (*yül*) ‘мокрый, сырой, влажный’ и монг. *үл* ‘пища, жизненные припасы’. Э.К. Пекарский приводит пример *үөл мас* ‘сырое (здоровое) дерево’, сырой лес, сырник’. В данном случае *үөл мас* больше подходит значение ‘здоровые (большие) дрова’. Слово *үтэ* ‘пищевая поддержка в дороге, дорожный запас’ дается с тюрк. *үддä* ‘отдых’ (днем в дороге), монг. *үде* ‘полдень’, *үделе* ‘полдничать’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 3138, 3192]. Тогда часть эпитета *үөл мас үтэлээх* предлагается воспринимать как ‘с поддержкой из здоровых (больших) дров’. Якут. *аһаах* ‘сырой, влажный, гнилой’ дается в сравнении с тюрк. *сасы* ‘быть гнилым’. *Аһаах мас* переводится как ‘сырое дерево’. Но сырое дерево не станет топкой для огня, поэтому данное составное слово следует перевести как ‘годные дрова’. Из значений якут. *аһылык* ‘пища, кушанье, корм, съестное, съестной припас (*үтэ*)’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 168, 172, 178] в данном случае больше подходит значение ‘припас’. Тогда часть выражения *аһаах мас аһылыктаах* можно понимать букв. ‘с припасом из годных дров’. В последней части эпитета *кураанах мас курумнаах* для якут. *курум* подходит ‘сажа, копоть’, хотя в якутском языке такое значение давно было утеряно. Приводится слову параллель как кирг. *курум, корум* ‘сажа, копоть’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 1253]. В тюркских наречиях находим *курум* в значении ‘сажа’ [Радлов, 1893б, ст. 936]. Следовательно, данную часть эпитета переводим ‘с сажей (копотью) из сухих дров’. Тогда эпитет *үөл мас үтэлээх, аһаах мас аһылыктаах, кураанах мас*

курумнаах переводится ‘с поддержкой из здоровых (больших) дров, с припасом из годных дров, с сажей (копотью) из сухих дров’.

В алгысах Дух-хозяин огня наделяется эпитетом *күл тэллэх* букв. ‘зола ложе’, состоящее из двух слов *күл* и *тэллэх*. Из значений якут. *тэллэх* ‘разостланная шкура, ковер из конской шкуры, тюфяк, половик; потник, попона, постель, ложе, одр, подстилка, постилка; постельное белье; подстилка под мертвым в гробу, подошва, основание; днище у копны, подгнившая окружность копны; вся нижняя часть платья, подол; полы; нижняя часть неводной матки; поле страницы в книге’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 2630] для эпитета *күл тэллэх* больше подходит ‘ложе’. Эпитет можно воспринимать ‘с ложей из золы’. Иногда он совершенствуется в виде составного прилагательного *күл тэллэхтээх* (от *тэллэх* + *тээх*), но в том, же значении ‘с ложей из золы’ или принимает более совершенную форму как *үрүң күл үллүктээх* в значении ‘с постелью из светлой золы’.

В эпитетных конструкциях алгысов часто встречается слово *кымньыы*. Якут. *кымньыы* ‘бич, кнут, плеть, плетка, арапник, нагайка, камча, хлыст’ дается в сравнении с тюрк. *камчы*, *камдыы*. Эпитеты со словом *кымньыы* бывают из двух или нескольких слов, например, эпитет *кындыс кымньыы* букв. ‘с хлыстом падающей звезды’, где *кындыс* ‘блуждающая звезда; падающая звезда’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 1392–1397]. Слово *кымньыы* выступает в составе эпитетных вариантов, например, *үөрбэ төлөн кымньыылаах* (алгысы духу-хозяину огня) или *сырдык кыым кымньыылаах* (шаманские камлания). Эпитет *үөрбэ төлөн кымньыылаах* состоит из слов, имеющих тюрко-монгольские параллели как *үөрбэ* (ср. тюрк. *сүйрү*, *сүври*, *сүрү* ‘остроконечный’) ‘заостренный кол, рожень; остроконечное орудие, пика; тычина (заостренный с одного конца прут, которым протыкают копны); хлыст’, *төлөн* (ср. тюрк. *түлэ* ‘пылать, шуметь’, бур. *долон* (*долоң*) ‘жар, пламя, синие огоньки у пламени’, монг. *dölj* ‘пламя’) ‘верхняя часть пламени, пламя, пламень; жар, пар, испарина’ [Пекарский, 1958–1959, ст. 2769, 3152]. Тогда *үөрбэ төлөн кымньыылаах* можно перевести как ‘с остроконечной плетью-пламенем’. Другой эпитетный вариант *сырдык кыым кымньыылаах* ‘с плетью с ясной (святой) искоркой’ близок к характеристике объекта эпитета – Духа-хозяина огня.

Значит, алгысы в системе культово-обрядовой поэзии якутов имеют однотипную композиционную структуру, хотя они входят в комплекс полярных обрядовых действий, основанных на дуалистическом принципе видения мира у древних. Объектом эпитета в алгысах выступает Дух огня, которого называют *Аан Уххан Тойон*. Образ его в

них раскрывается определительным рядом эпитета, состоящим из архаизмов. Якут. *хатан* следует понимать как ‘твердый, крепкий, прочный’. Семантика *хатан* больше усиливается прибавлением слова *тэмиэрийэ* ‘взлетающий вверх’, выражающим основную сакральную функцию Духа огня. Нам представляется, что *хатан тэмиэрийэ* в значении ‘твердый, крепкий, прочный и взлетающий вверх’ является его эпитетом. Эпитеты *бырдьа бытык* ‘с высовывающимися усами’, *быыра бытык* ‘с усами-стрелами’, *кыыра бырдьа* букв. ‘высовывающийся ворожея, чародей, колдун’, по-видимому, изначально исходили от анимистических представлений древних якутов. Они имеют описательный и изобразительный характер, помогают людям четко представить образ Духа-хозяина огня. Некоторые эпитеты составлены целыми выражениями как *үөл мас үтэлээх, аһаах мас аһылыктаах, кураанах мас курумнаах* букв. ‘с поддержкой со здоровых (больших) дров, с припасом из годных дров, с сажей (копотью) из сухих дров’. Эпитет *кул тэллэх* ‘с ложей из золы’, иногда развивается в виде прилагательного *кул тэллэхтээх* (от *тэллэх* + *тээх*) в том же значении или принимает более совершенную форму как *үрүң кул үллүктээх* в значении ‘с постланью из светлой золы’. Один из эпитетов *кындыс кымньыы* ‘с хлыстом падающей звезды’ употребляется с несколькими вариантами *үөрбэ төлөн кымньыылаах* ‘с остроконечной плетью-пламенем’, *сырдык кыым кымньыылаах* ‘с плетью с ясной (святой) искоркой’. Данные эпитеты можно отнести к целостной характеристике весьма уважаемого, почтенного и очень грозного культа поклонения древних якутов – Духа огня. Таким образом, для алгысов в системе культово-обрядовой поэзии саха (якутов) характерны единый объект *Аан Уххан Тойон* – Дух-хозяин огня и общие черты эпитетации.

Условные сокращения

бур. – бурятский язык
др-тюрк. – древнетюркский
кор. – корейский
кирг. – киргизский
маньчж. – маньчжурский
монг. – монгольский
нег. – негидальский
орок. – орокский

санскр. – санскритский
ст. монг. – старомонгольский
тунг. – тунгусский
тюрк. – тюркский
уд. – удэицкий
эвен. – эвенский
эвенк. – эвенкийский
якут. – якутский

Литература

Алексеев Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск, 2008.

- Алексеева Г.Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. Якутск, 2005.
- Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск, 1990.
- Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан, 2006.
- Васильев Ю.И. Дьяргыстай. Якутско-монгольские лексические параллели. Якутск, 2007.
- Виташевский Н.А. Из наблюдений над якутскими шаманскими действиями // Сборник МАЭ им. Петра Великого при РАН. Том V. П., 1918. Вып. 1.
- Габышев Е.С. Этимология термина «ойуун» // Шаманизм как религия : генезис, реконструкция, традиции. Якутск, 1992.
- Дампилова Л.С. Шаманские песнопения бурят : символика и поэтика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2005.
- Дапсы – Алексеев М.П. Саха тылын үйэлээх үгэнин тылдыгыта. Дьокуускай, 2005.
- ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М., 1991.
- Дыренкова Н.П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. ; Л., 1949. Т. 10.
- Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.
- Каташ С.С. Алгыш сөс как древний жанр алтайского фольклора // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1977. Вып. 4.
- Кенин-Лопсан М.Б. Алгышы тувинских шаманов. Якутск, 2007.
- Кляус В.Л. Сюжетика заговорно-заклинательных текстов славян и коренных народов Сибири в сравнительном (межславянском и славяно-сибирском) освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
- Кондратьева Н.М. Скотоводческие заговоры теленгитов : дис. ... канд. иск. Новосибирск, 1996.
- Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первой половины XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983.
- Маак Р.К. Виллойский округ. М., 1994.
- Малов С.Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана // Сборник МАЭ. П., 1918. Т. 5. Вып. 1. (отдельный оттиск)
- Мухомлева С.Д. Якутские народные обрядовые песни (система жанров). Новосибирск, 1993.
- Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984.
- Обрядовая поэзия саха (якутов) // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2003. Т. 24.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953.
- Ойуун (Шаман). Кырыылар. (Тексты камланий). Якутск, 1993.
- ОРС – Ойротско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2005.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Л., 1958–1959.
- Петров Н.Е. Алгыстар, аман өстөр, тойуктар (Алгысы, пожелания, тойуки). Якутск, 1995.
- Попов А.А. Камлания шаманов бывшего Виллойского округа. Новосибирск, 2006.
- Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. Ч. 1. Новосибирск, 2003.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб, 1893а. Т. 1. Ч. 1.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб, 1893б. Т. 1. Ч. 2.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб, 1899. Т. 2.
- Сивцев Д.К. Саха фольклора. Хомуурунньук. Новосибирск, 1996.
- Сидоров Е.С. Якутские лексические схождения. Якутск, 1997. Вып. 1.

- Сидоров Е.С. Якутские лексические схождения. Якутск, 2001. Вып. 2.
ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1977. Т. 2.
Телеутский фольклор. М., 2004.
Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Якутск, 2002.
Чочкина М.П. Жанровая классификация алтайского фольклора в работах
Н.А. Басакава // Тюркские языки : проблемы и исследования. Горно-Алтайск, 2006.
Шейкин Ю.И. Обрядовое интонирование саха : алгыс и осуохай // Обрядовая поэзия саха (якутов). Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2003. Т. 24.
Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. Якутск, 2008.
Эргис Г.У. Спутник якутского фольклориста. Якутск, 1945.
Юша Ж.М. Обрядовая поэзия тувинцев : структура и семантика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2005.

ПОДЧИНЕНИЕ КАК ТИП ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПЕРВИЧНЫМ И ВТОРИЧНЫМ ТЕКСТОМ НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ РАССКАЗОВ-АНЕКДОТОВ

Г.В. Кукуева, И.А. Вагнер

Ключевые слова: межтекстовая деривация, первичный текст, вторичный текст, подчинение, рассказ-анекдот, жанровые признаки.

Keywords: interactional derivation, primary text, secondary text, subordination, joke story, genre features.

Современный литературный процесс, как указывают исследователи (Ю. Орлицкий, С.В. Тарасова), характеризуется многочисленными экспериментами с малой формой, результатом которых являются значительные смещения в традиционной системе жанровых координат: в центр жанрового поля перемещаются «периферийные» жанры (анекдот, сценка, притча), а их место занимают рассказ и новелла. Благодаря подвижности жанров возникают условия для образования таких синтетических форм, как, например, рассказ-анекдот, рассказ-сценка, сценка-миниатюра.

По мнению С.В. Тарасовой, именно жанр рассказа стал своеобразной «точкой отсчета», ориентиром при перераспределении жанровой системы [Тарасова, 2003, с. 68]. С одной стороны, на жанровую форму рассказа оказал влияние процесс минимализации русской прозы, так, например, Н. Рубанова отмечает, что сокращение привело к патологии короткого рассказа, к произвольному нарушению, «раска-

чиванию» канонов малой формы со всеми установками на объем и единство [Рубанова, 2005, с. 110]. С другой стороны, «раскачивание» канонической формы рассказа связано с характером межтекстовых отношений. По мнению Г.В. Кукуевой, появление гибридных жанровых форм в малой прозе, в частности, рассказа-анекдота, детерминировано межтекстовой деривацией [Кукуева, 2010, с. 109].

Цель статьи – описать подчинение как тип отношений между первичным и вторичным текстом на материале современных рассказов-анекдотов.

Новизна работы заключается в том, что механизм межтекстовой деривации рассматривается на материале современных рассказов-анекдотов, опубликованных на интернет-сайтах (<http://lib.ru/PROZA>; <http://www.proza.ru>). В малой прозе начала XXI века появление синкретичных жанров обусловлено межтекстовым деривационным процессом во вторичном тексте, созданном на базе первичного. Новизна работы также видится в применении деривационного подхода к исследованию текстов с унификацией лингвистической терминологии, в частности, в преломлении идей синтаксической деривации к описанию подчинительных отношений между текстами.

Под деривацией обычно понимают процесс образования производных единиц на словообразовательном, лексическом и синтаксическом уровнях. Так, Л.Н. Мурзин, исследуя синтаксическую деривацию предложения, высказал следующее соображение: «...при подходе к языку как к динамической системе наше внимание должно быть направлено на более сложные единицы, поскольку лингвиста теперь интересует деривационный процесс, приводящий к синтезу элементарных единиц языка» [Мурзин, 1974, с. 14]. В настоящее время ученые-лингвисты (А.А. Чувакин, Ю.Ю. Бровкина, Н.А. Волкова, Т.Н. Никонова) полагают, что в отношениях производности могут находиться не только слова, значения, предложения, но и тексты.

В проекции на межтекстовые отношения деривация рассматривается исследователями как «преобразование исходного (первичного) текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре производного (вторичного) текста» [Чувакин, Бровкина, 2000, с. 6]. Производным текстом признается тот текст, который частично совпадает с первичным текстом, является его продолжением, развитием, а также оказывается сложнее в структурном, семантическом и (или) функциональном отношениях. К вторичным текстам исследователи относят такие жанровые формы, как конспекты, рефераты, некоторые виды протоколов, сочинения-подражания (Н.Д. Голев, Н.В. Сайкова), киносценарии на основе ху-

дожественных текстов (И.Ю. Качесова, И.А. Мартьянова, А.А. Чувакин), варианты рукописей (Л.М. Майданова), переводные тексты (Т.Н. Василенко, О.Я. Ивасюк, Е.А. Савочкина), а также тексты современной малой прозы в силу их синкретического характера (Г.В. Кукуева).

Между первичным и вторичным текстом устанавливаются дери-вационные отношения, рассматриваемые как «отношения, при которых сохраняется общее структурное ядро текстов, а в качестве переменной выступают смыслы, возникшие на базе преобразования первичных признаков» [Кукуева, 2010, с. 110]. Так, между текстами двух различных жанровых «этикеток» рассказа и анекдота рождаются отношения производности. Появление таких отношений детерминировано несколькими факторами. С одной стороны, в соединении рассказа и анекдота просматривается генетическое родство двух жанровых форм, проявляющееся, во-первых, в стремлении к сжатости, лаконизму, динамичности повествования, напряженности восприятия. Во-вторых, в центре рассказа и анекдота должно находиться исключительное событие, требующее наличие говорящего и слушающего, а также ситуации общения. В-третьих, для анекдота как малой повествовательной формы характерно одномотивное движение фабулы, рассказ также строится на каком-то одном случае. Двигателем сюжета как в анекдоте, так и в рассказе выступает один конфликт, противоречие, раскрывающееся через событие, случай, ситуацию. Анекдот, как известно, не может функционировать сам по себе вне разговора, вне контекста, для появления анекдота важна ситуация, в которой он будет рассказан в театрализованной форме.

С другой стороны, отношения между первичным текстом анекдота и вторичным текстом (рассказом) представляют собой отношения неравноценных компонентов, организующихся подчинительной связью. Понимание термина «подчинение» в рамках синтаксической деривации переносится нами на уровень текста. Подчинение определяется как вид связи между исходным текстом и производным, при котором один из текстов становится зависимым. Включение (инкорпорирование) одного компонента в другой предполагает установление подчиняющего и подчиненного, зависимость подчиненного компонента маркируется различными средствами.

В рассказе-анекдоте подчинительная связь проявляется в двух вариантах: в первом случае анекдот включается в рассказ как самостоятельный текст, во втором – текст анекдота растворяется в структуре рассказа. При этом структурой текста называем особую организацию, взаимоотношение элементов текста, при котором изменение одного из них влечет за собой

изменение остальных. В создании производного текста принимают участие жанровые признаки обеих форм. Текст анекдота, для которого естественной является устная сфера бытования, в новых художественно-коммуникативных условиях усложняется. В условиях подчинения формируется определенный набор признаков анекдота, выступающих средствами выражения этого жанра. Комплекс таких средств, как отмечает М.Ю. Федосюк, имеет полевую структуру, при этом одни языковые средства относятся к центру поля и четко противопоставляют один жанр другому, другие – к полевой периферии, при использовании периферийных средств может происходить нейтрализация различий между двумя или несколькими жанрами [Федосюк, 1997, с. 111]. Таким образом, ядерными выступают признаки, составляющие основу, сущностную часть жанра анекдота и отличающие его от других жанров при образовании вторичного текста. Некоторые жанровые признаки анекдота при этом нейтрализуются, то есть не проявляют активности в создании производного текста, их различительная сила ослабевает.

Основополагающим жанровым признаком рассказа-анекдота выступает ситуативность. Понятие «ситуация» используется в двух значениях: 1) как ситуация рассказывания анекдота и 2) как анекдотическая ситуация. *Ситуация рассказывания анекдота* – это обстоятельства, обстановка, условия воспроизведения анекдота, представленные во вторичном тексте. Под *анекдотической ситуацией* понимается маловероятный, неправдоподобный случай из жизни героя, характеризующийся парадоксальной логикой произошедшего.

В случае инкорпорирования первичного текста во вторичный возникает *ситуация рассказывания анекдота*. Рассмотрим ее на примере текста рассказа-анекдота Льва Воросцова «*Мужик?.. Мужик ушел!..*». Один из персонажей (Андрэ) выступает рассказчиком истории, в центре которой необыкновенный случай, произошедший с реальными людьми, на достоверность случая указывает личное знакомство рассказчика с героем истории («*жил я тогда на Цветном, и сосед у меня был*», «*иду как-то с работы, а он – мне навстречу...*»). В телефонном разговоре двух персонажей один из участников коммуникации, используя реплику из текста анекдота, спрашивает: «*Мужик?*». Не получив ответа, продолжает: «*А мужик ушел*». Данная реплика вводит в замешательство слушающего, становится двигателем действия.

Анекдот как подчиненный компонент при включении в основной текст сохраняет право быть рассказанным. В рассказе-анекдоте имитируется устное повествование, которое выступает как представление, производимое единственным актером. Так, в тексте Андрэ наделен

актерскими качествами и способен умело рассказать анекдот: *«работая переводчиком и имея опыт работы в театре, Андрэ в лицах очень образно передает забавный диалог»*. Признак театрализованности сопровождает ситуацию рассказывания анекдота, выражаясь в таких элементах театрального представления, как пародирование (*«пародируя соседа, Андрэ делает лицо человека, не понимающего о чем речь... застывшего перед неожиданным вопросом»*), жестикация (*«после секундной паузы, делает безнадежную отмашку рукой...»*), изменение темпа, силы голоса (*«и уже от себя, своим обычным голосом, Андрэ добавляет...»*).

Классический ритуал разыгрывания анекдотического действия реализует коммуникативную цель автора: создать смеховой эффект. По утверждению О.А. Чирковой, «смех анекдота – это результат контраста, антитезы его смысловых частей. В ходе смеховой игры происходит столкновение конструктов с контрастной или несвязной семантикой. <...> Данную перемену семантических уровней мы обозначаем как механизм смыслового сдвига», в котором принимают участие элементы текста анекдота с высокой степенью имплицитности и контраста [Чиркова, 1998, с. 31–32]. Присутствие данных элементов направлено на активизацию у слушающего процессов свертывания / развертывания смыслового ядра текста. При свертывании «повествовательный материал стремится к сжатию до точки, образованию противоречивого информационного сгустка» [Чиркова, 1998, с. 32]. В формировании напряженного момента в повествовании, по нашему мнению, важную роль играет признак анекдота – парадоксальность: в рассматриваемом рассказе-анекдоте увлечение рыбной ловлей оказывается важнее спасения человеческой жизни (*«И тут... окупёк, она! И пошёл! Один, а потом второй, Андрюшаааа..! – он буквально “пел” о своей удаче <...>. А тут мужик орёт, метров восемьсот, по пояс провалился и тонет...»*).

В момент осознания слушающим противоречий начинается второй процесс – рефлексия, которая выражается в развертывании смыслового ядра текста в обратном порядке [Чиркова, 1998, с. 32]. Начавшийся процесс сигнализирует о завершении ситуации рассказывания анекдота. В заключительной части текста рассказа-анекдота *«Мужик?.. Мужик ушел!..»* происходит выявление реципиентом противоречий, парадоксальности услышанной истории: *«он ловил рыбу – это главное, наверняка, смекнув, что ничем он уже не поможет бедолаге, и продолжал ловить», «мне было и мужика жалко, по-видимому, утонувшего, и понятен был этот человек, настолько счастливый, что гибель коллеги нисколько не смутила его.<...> Хотя, дожив до старости,*

наверное, по-другому воспринимаешь все происходящее».

Таким образом, посредством ситуации рассказывания во вторичный текст рассказа вводится анекдот как самостоятельный текст. Подчинение первичного текста структуре производного обуславливает концентрацию во вторичном тексте таких признаков анекдота, как ситуативность, театрализованность, парадоксальность, смеховость, относящихся к полемому ядру жанра анекдота. Активность функционирования данных признаков позволяет выявить границы анекдота, его местонахождение в рассказе.

В случае растворения текста анекдота в структуре рассказа актуализируются отношения подчинения вторичного текста первичному, что указывает на взаимообусловленную природу данных текстов. Сюжетообразующим центром такого рассказа выступает *анекдотическая ситуация*. Подобная организация вторичного текста также определяет активность определенных жанровых признаков анекдота. Проиллюстрируем данное положение на примере рассказа А. Аршакяна *«Ты сверлил. Козел»*. В основе сюжета – парадоксальная ситуация: привычное течение жизни персонажа (будучи безработным, Владимир Венедов пребывает несколько суток в глубоком сне), нарушаемое звуком мощного перфоратора, который становится причиной самоубийства Венедова.

Доминирование признаков анекдота и нейтрализация жанровых признаков рассказа проявляются на уровне формальной организации рассказа-анекдота при репрезентации анекдотической ситуации (на рассмотрении признаков рассказа в данной статье мы останавливаться не будем).

Анекдот, как правило, состоит из двух частей – интродукция (зачин) и развязка, или начало и конец. Интродукция вводит слушателя в план содержания, сообщает тему, создает интригу и напряженное ожидание, подготавливающее комический эффект. Развязка, независимо от продолжительности целого текста, всегда должна быть краткой, неожиданной, парадоксальной. Для анекдота типична развязка, заключенная в одной-двух фразах, краткость позволяет вызвать незамедлительную реакцию читателя на ситуацию. В процессе межтекстовой деривации принцип двучастности анекдота подчиняет себе структуру рассказа: кульминационная часть рассказа смещается к финалу, что формирует асимметричность частей – расширение интродуктивной части и сокращение концовки. Так, в рассказе-анекдоте *«Ты сверлил. Козел»* вырисовывается четкая структура: в первой части представлена жизнь персонажа (одиноким, безработным, отчаявшимся) в критический момент, обри-

сован конфликт и реакция Венедова на ситуацию. Переход к финальной части происходит тогда, когда цепочка сменяющих друг друга алогичных поступков персонажа (*«Он взял молоток и стал бить по трубе, уходящей в верхнюю квартиру. Сверлить не переставали. Венедов залез на стремянку и долго бил молотком в потолок, на него сыпалась штукатурка, попадала в глаза», «Венедов выбежал за дверь, поднялся на верхний этаж и позвонил в ненавистную квартиру. Ему не ответили. Венедов стучал молотком в дверь, порвал обивку, разбил глазок. Ему не ответили»*) создает напряженную точку конфликта. Возникает момент ожидания читателем развязки.

Непредсказуемая финальная часть, присущая анекдоту как первичному тексту, проистекает из смыслового сдвига семантических полей текста: мир сна привлекает Венедова больше, чем мир действительный, поэтому персонаж готов на любой поступок, лишь бы вернуться к той прекрасной японской девушке из сна. Прецедент разрешается неожиданно: *«он вернулся к себе, сел на кухне. В памяти возникала девушка со скрипкой на берегу моря. <...> Наверху сверлили. В отчаянии Венедов принес с балкона бутылку с растворителем, взял нож и опять поднялся на верхний этаж. Перед закрытой дверью он разрезал себе руки, сделал надпись на стене, облился растворителем и чиркнул зажигалкой»*. Парадоксальная реакция Венедова на ситуацию изображается как театральное действие одного актера без зрителя (*«ему не ответили», «перед закрытой дверью»*). Актерская игра (театрализованность) – характерный признак анекдота – предполагает установку на смех зрителя в финале, а отсутствие смеха объясняет подмену комического эффекта трагической концовкой: *«вернувшись с работы, хозяйка квартиры на шестом этаже обнаружила обгоревший труп Венедова. На стене было написано кровью: “Ты сверлил. Козел”. Из соседнего подъезда рабочие выносили старую деревянную дверь, они заменили ее на железную»*.

В условиях подчинения производного текста исходному определились ядерные признаки анекдота: парадоксальность, театрализованность, смеховость, непредсказуемость финальной части, к периферии сдвинулись такие признаки, как наличие рассказчика и слушающего, устный, импровизационный характер повествования.

Таким образом, рассмотрение рассказа-анекдота сквозь призму отношений «подчиняющий / подчиненный» позволяет вскрыть механизм образования вторичного текста на базе первичного и выявить набор ядерных жанровых признаков анекдота, участвующих в этом процессе.

Два варианта организации современного рассказа-анекдота свидетельствуют о сложном характере межтекстового деривационного процесса. Результатом данного процесса явились изменения в жанровом поле анекдота и в жанровой структуре современного рассказа-анекдота. Независимо от варианта подчинения в центре жанрового поля сохранились такие признаки анекдота, как ситуативность (доминирующий признак), парадоксальность, театрализованность, смеховость (сопровождающие признаки). При инкорпорировании анекдота в рассказ этот набор признаков актуализируется в силу того, что в подобных рассказах имитируется реальная ситуация рассказывания анекдота. Данные признаки активны и в ситуации растворения первичного текста в структуре вторичного, но при этом нейтрализации подвергаются такие признаки, как устный характер повествования, наличие рассказчика и слушающего, так как созданная анекдотическая ситуация не предполагает рассказывания анекдота.

Литература

- Кукуева Г.В. Тексты малой прозы в аспекте межтекстовых деривационных отношений (к постановке проблемы) // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Нижний Новгород, 2010. Вып. 5.
- Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. Анализ производных предложений русского языка. Пермь, 1974.
- Рубанова Н. Патология русского рассказа // Знамя. Апрель. 2005.
- Тарасова С.В. Новый взгляд на малую прозу // Вестник Самарского государственного университета. 2003. № 1.
- Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5.
- Чиркова О.А. Поэтика комического в современном народном анекдоте // Филологические науки. 1998. № 5–6.
- Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А., Никонова Т.Н. К проблематике деривационной текстологии // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 2000. Вып. 4.

**ФИЛИПП СУПО О «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»:
КОММЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД**

Б.В. Орехов, М.С. Рыбина

Ключевые слова: Супо, художественный перевод, Слово о полку Игореве.

Keywords: Soupault, artistic translation, Tale of Igor's Campaign.

Французский поэт-авангардист, один из основателей группы сюрреалистов, Филипп Супо в 1950 году издает свой перевод «Слова о полку Игореве» (далее – СПИ). Богато изданная, книга стала библиографической редкостью. Переводу предпослана статья Супо под названием «Essai sur la poésie» («Эссе о поэзии»). Позже статья была републикована в томе избранных произведений «Poèmes retrouvées (1918–1981). Essai sur la poésie» 1982-го года, но на этот раз из нее были выпущены те пассажи, которые касались собственно СПИ. Сам Ф. Супо объяснял это тем, что фокусирование внимания на переводе СПИ лишает эссе масштабности суждений. Несмотря на эту купюру, можно утверждать, что эссе Ф. Супо возникло как рефлексия над переводом СПИ. Учитывая малую доступность издания, мы считаем уместным привести комментированный перевод фрагмента статьи, посвященного СПИ и тем самым ввести в научный оборот незамеченный текст, отражающий рецепцию СПИ французским авангардистом.

Уже перевод заглавия одной из самых захватывающих поэм мировой литературы, на наш взгляд, требует пояснения. Может быть, надо было перевести название буквально, стремясь к транслитерационной «точности», как «Slovo» или избрать вариант «Сказ (Ди) о поражении Игоря и его дружины» (Dit de la Défaite d'Igor et de ses Compagnons)? Или, по аналогии с «Песнью о Роланде» (Chanson de Roland), перевести «Песнь о войске Игоря» (Chanson de l'Armée d'Igor)?

Сама проблема перевода названия закономерным образом стоит и перед русскими переводчиками СПИ. Затруднения связаны с неопределенностью жанра «слова» для современного читателя. За оппозицией «слово / песнь» (Первое издание репрезентирует текст как «ирическую песнь») угадывается дихотомия ораторского и поэтического. В действительности эти две стороны поэтики средневекового текста нераздельны. Перевод же с неизбежностью отдает предпочтение одному из жанровых начал.

По всей видимости, от варианта транслитерации Супо отказывается, так как «slovo» не актуализирует никакого значения в сознании французского читателя.

Французские специалисты настаивают на небольшом объеме как жанрообразующем признаке ди. Этот жанр считается сатирическим или дидактическим, кроме того, ди родственен лэ и фаблю [Dictionnaire..., 2001, с. 150], что не соответствует жанровой природе СПИ. Примечательно, что самые заметные образцы жанра ди принадлежат авторам, близким Супо и по форме, и по содержанию, и по маргинальности литературной биографии: Рютбеф «Le dit de l'Herberie», Вийон «Le Dit de la naissance Marie», пример жанра ди есть и у коллеги Супо по сюрреализму П. Элюара: «Dit de la Force et de l'Amour».

Во французской традиции dit и chant образуют ту же оппозицию слова декламационного и слова песенного (<...> courts textes destines à être déclamé («dit» par opposition à «chant»)). С этой точки зрения для Супо выбор chant становится более чем обоснованным, а предпочтение его dit – понятным хотя бы по причине разрыва авангардистов с риторической декламационной традиционной традицией.

Ассоциации с входящей во французский литературный канон «Песню о Роланде» в той или иной мере неизбежны из-за схожести тематики, времени создания, поэтических приемов. Трудно сказать, насколько Супо были известны исследования по этому поводу, хотя последующие положения «Essai...» обнаруживают знакомство с филологическими спорами вокруг СПИ. Специфика обоих средневековых текстов такова, что их сравнение естественно даже для не слишком искушенного в специальной литературе читателя.

Любопытно, что перебирая возможные названия, Супо переводит «о полку» как «поражение» и «войско», а не как «поход» Игоря. Современные исследователи отдали бы предпочтение «походу», «кампании».

Кроме того, перевод заглавия может быть вызван латентной полемикой с А. Мазоном, в работах которого «slovo» и «dit» постоянно обозначают СПИ. Намек на А. Мазона встретится в тексте далее.

Приведенных вариантов достаточно, чтобы показать, что, прежде чем транслитерировать или адаптировать, необходимо определить для себя порядок элементов, обуславливающих выбор перевода. Иными словами, из какого «языка» (langage) следует исходить при выборе средств «калькирования» и «воспроизведения». Можно вновь повторить известное итальянское изречение traduttore traditore («переводчик-предатель»). Перевод становится предательством, когда

он, подобно фотографии, претендует на точность в «воспроизведении» реалий. Тогда стоило бы с самого начала решить, что оригинальный текст не имеет ни собственного «рельефа», ни «звучания», ни колорита, ни, в особенности, ритма.

Этот абзац Супо обращает на себя внимание несколько акцентированной ученостью, проявленной, в частности, в «сосюрковском» термине *langage*, который появляется в нарочито усложненном контексте.

Любопытно, что итальянское изречение встречается в теоретической статье другого переводчика СПИ Р.О. Якобсона [Якобсон, 1978].

Ритм, о котором говорится в конце пассажа, – это едва ли не центральное понятие для Супо-переводчика. Именно ритм фразы был главным фактором, определяющим годность того или иного варианта при работе над переводом прозы Дж. Джойса на французский язык, которая велась Супо под руководством автора. «Поль Леон произносил фразу оригинального текста, я читал перевод, и мы обсуждали его достоинство и недостатки. С согласия г-на Джойса, мы отвергали вариант, который, по нашему мнению, противоречил ритму, смыслу или преобразованию слов и в свою очередь предлагали версию перевода. Г-н Джойс пояснял нам трудности, мы сообща искали эквиваленты, стараясь подобрать наиболее ритмичную фразу, наиболее выразительное слово» [Soupault, 2006, с. 310–311].

Итак, рассмотрев различные варианты, мы остановились на переводе [а не на транслитерации], хотя и стремились воспроизвести каждое слово оригинала. Мы попытались воссоздать сюжетную линию и основной контур поэмы, но в еще большей мере производимый ею эффект. Что привело к необходимости обозначить структуру и архитектуру произведения. Стремясь следовать ритму, а затем выстраивая «типографским способом» облик древнего текста в языке перевода, мы пришли к выводу, что воссозданные таким образом элементы наиболее соответствуют значению, которое мы вкладываем в слово «песнь» («chant»).

В этом фрагменте особенно значимым является указание на древность текста СПИ. Как раз в это время и как раз во Франции средневековое происхождение СПИ активно оспаривается, и Супо решительно встает на позиции сторонников подлинности памятника. На этом вопрос переводчик далее остановится подробнее.

Для Супо важна метафорическая связь между текстом и природным ландшафтом, таким образом элементы условного пейзажа «кон-

тур», «рельеф», «борозда» становятся атрибутами переводимого текста, а ритм текста получает в том числе и визуальное воплощение.

Некоторых читателей, у которых слово не вызывает сомнения, вероятно, удивит, что наш перевод умышленно выполнен современным языком, а не «украшен» архаизмами, которые воссоздали бы эпоху Первого издания. Надо ли напоминать этим критикам, что специалистам-эрудитам так и не удалось прийти к согласию ни по вопросу о времени создания, ни по поводу редакций «Слова». Некоторые из них, одержимые «демоном учености», пожелали увидеть здесь лишь литературную игру и филологический дивертисмент.

Мы позволили себе напомнить об этих дискуссиях, которые возникли только потому, что сохранились лишь копии древней рукописи.

Любопытно, что этот этап в размышлениях довольно важен для аргументации главного скептика в вопросе о подлинности СПИ французского слависта Андре Мазона: «Свои сомнения в подлинности СПИ Мазон развивает в дальнейшем в целом ряде работ. Он основывается на следующих положениях. Подлинность СПИ доказывалась до пожара 1812 единств. рукописью, после пожара осталась только одна копия, очень несовершенная, и Перв. изд» [Дмитриева, 1995, с. 195].

Книга Мазона была отпечатана в 1940 году, но дошла до читателя только после освобождения Франции от немецкой оккупации [Struve, 1946, с. 213], поэтому можно утверждать, что работа не утратила актуальности и во второй половине сороковых годов, то есть в интересующий нас период, непосредственно предшествующий работе Супо над переводом СПИ.

При традиционно узкой специализации французских филологов А. Мазон был достаточно разносторонним ученым, чтобы его можно было охарактеризовать как одержимого демоном эрудиции (*roussés par le démon de l'érudition*): кроме вопросов подлинности СПИ, Мазон также занимался публикацией «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева, изучал русский язык пореволюционного времени.

Прямых доказательств, что в данном случае Супо говорит именно о Мазоне, нет, но приведенные выше аргументы снимают с этого предположения статус фантастического.

Кроме того, Мазон говорит о том, что его точку зрения разделяют (и в печати, и в частных беседах) его соотечественник Paul Boyer и поляк Ю. Кжижановский, а также французский скептик Louis Leger. Таким образом, глухая ссылка Супо на некоторое множество эрудитов, не признающих подлинность СПИ, имеет под собой вполне конкретные основания.

В целом, данный вариант перевода, как нам кажется, дает представление о несравненном величии и исключительной красоте поэмы, одного из прекраснейших произведений, сложенных народом России, которое, вероятно, не имеет равных в других литературах.

Этому величию и красоте мы и хотели бы отдать дань уважения. Что оправдывает, как нам хотелось бы думать, не только стремление к точному переводу, но и замечательные иллюстрации, достойные текста, а также великолепие издания, вдохновенного любовью к «Слову о полку Игореве».

То бесконечное почтение, которое мы постарались проявить к тексту, позволило очистить от наслоений основные линии и разгадать замысел того, кто первым собрал разные части поэмы. В самом деле, надо было отказаться от первоначальной транслитерации «Slovo», передававшей лишь малопонятный «исторический» ракурс. Лишь после пяти неудачных попыток нам удалось обрести не только рисунок, композицию, ритм, но и то, что следовало назвать «поэзией» поэмы.

Французской литературной критике вообще свойственно употребление подобного рода преувеличенно комплиментарных формул. Возможно, что эта тенденция восходит к стилистике Цицерона, который является моделирующей фигурой для романской риторической традиции. Интересно отметить устойчивый механизм привлечения внимания французского читателя к новым или малоизвестным для него текстам иноязычной культуры. Французский критик склонен не просто обозначать древность описываемого явления, но и, во-первых, соотносить его с национальной историей, а во-вторых, включать в литературный контекст на уровне управляющего элемента. «*Parni, critique avisé et disert de la littérature du XVe siècle, écrivait de son côté: "Autant Tasse se montre grand héroïque et sublime dans ses grands poèmes..."*» [Bouchaud, 1897, с. 37]. – *Парни, тонкий и красноречивый критик литературы XV века, писал о нем: «Сколько героики и величия обнаруживает Тассо в своих больших поэмах...» «Le genre pastoral <...> devait, traité par Tasse avec un immense talent, arriver à la plus haute fortune et obtenir la plus merveilleuse destinée. Grâce à l'Aminta, la pastorale allait occuper la place prépondérante en Europe»* [Bouchaud, 1897, с. 37]. – *Жанр пасторали должен был под пером Тассо, с его безмерным талантом, достичь величайшего расцвета и обрести прекраснейшее будущее. Благодаря «Аминте» пастораль заняла ведущее положение в Европе. «...Huit ans après le couronnement de l'empereur Charlemagne. Ce n'est pas d'hier <...> et notre Académie des beaux-arts est une bien petite personne*

en comparaison de celle-là! La tradition au Japon est que les productions de cette école d'Edokoro étaient superbes et qu'elles allaient à un degré qu'on n'a plus obtenu...» [Bergerat, 1892, с. 256]. – *Спустя 8 лет после коронации императора Карла Великого. Это не вчера... и наша Академия искусств весьма молодая особа в сравнии с ней! Японская традиция и произведения школы Эдокого были великолепны и достигли такого уровня совершенства, который так и не был превзойден...*

К подобным гиперболам нужно относиться с известной долей осторожности, потому что они далеко не всегда отражают иерархический статус. Иными словами, то что Супо говорит о СПИ, не обязательно означает, что переводчик действительно считает СПИ самым совершенным произведением мировой литературы. Скорее эта формула свидетельствует о недостаточной по мнению Супо известности СПИ для французского читателя. Подобные комплименты Супо отпускает и по поводу других произведений как мировой, так и русской литературы: *«L'Éternel Mari est probablement le roman le plus "achevé" de Dostoïevsky. Marcel Schwob le préférerait, dit-on, à tous les autres ouvrages de l'auteur de L'Idiot. Ce qui dans ce roman me semble le plus remarquable, c'est la clarté souveraine dont l'écrivain russe a su éclairer ses personnages, comme d'une lumière intérieure, les cœurs et les têtes sont illuminés»* [Bergerat, 1892, с. 233]. – *«Вечный муж» вероятно наиболее «завершенный» роман Достоевского. Марсель Швоб, говорят, предпочитал его всем остальным произведениям автора «Идиота». Самым замечательным в этом романе мне представляется божественное сияние, которым русский писатель сумел окружить своих персонажей, их сердца и головы словно бы озарены внутренним светом». «Le don merveilleux du conteur russe ne peut s'analyser si rapidement (que M. Gide consacre enfin un livre à Gogol). Qu'on lise cet extraordinaire récit et l'on voudra bientôt reconnaître le génie d'un tel écrivain. Les louanges se fanent comme les feuilles et il ne reste qu'un peu de bruit»* [Bergerat, 1892, с. 235]. – *«Волшебный дар русского рассказчика невозможно определить «наспех» (пусть г-н Жид напишет наконец книгу о Гоголе). Стоит только прочесть этот удивительный рассказ, как Вы сразу же признаете гений такого писателя. Похвалы увядают, как листья, и от них остается лишь тихий шелест.*

Любопытно заметить, что, на уровне деклараций отрицая ценности риторической традиции, Супо-критик зачастую неосознанно использует ее приемы, эксплицирующие такие свойства объекта, как «сделанность», величественность замысла, положение в ценностной иерархии.

Фраза про «собрание частей поэмы», по всей видимости, указывает на то, что для Супо СПИ стоит в одном ряду с такими эпическими текстами, как гомеровские поэмы, «Песнь о моем Сиде», «Песнь о Роланде», «Калевала» и др., которые, как считается, первоначально бытовали в устной традиции в разобленном виде, а затем были собраны редактором, оформившим их окончательный облик.

Супо последовательно раздражали «генералы от литературы» и академические литературоведы, представлявшие для него «официальную» культуру, противником которой он себя ощущал. Это раздражение проявляется в рефлексии на тему СПИ. Нужно учитывать, что история французской литературы Нового времени представляет собой своего рода противостояние двух литературных тенденций одна из которых, доминирующая, достигает своего расцвета в эпоху классицизма, а другая выступает как маргинальная по отношению к официальной культуре. Один из создателей техники автоматического письма Супо пишет: «*C'est en quelque sorte en comparant les textes "automatiques" de la poésie d'aujourd'hui aux poèmes anonymes des siècles où l'esprit n'était pas domestiqué, où l'homme pour chanter n'aliénait pas sa liberté d'expression, que l'on peut définir la poésie*» [Soupault, 1982, с. 119]. – «В каком-то смысле сопоставление "автоматических" текстов современной поэзии с анонимными поэмами тех веков, когда человеческий разум не был еще "приручен", когда человек, создавая песнь, не передоверял свои права на свободу выражения, может привести нас к определению сути поэзии», что, очевидно, можно трактовать как основание для построения собственной истории литературы. Эта последовательная маргинальность хорошо согласуется с жизненной позицией Супо, противника официоза, регламентированности и политической ангажированности литературы. В этих координатах и прочитывается французским авангардистом текст СПИ.

Литература

- Дмитриева Н.Л. Мазон Андре // Энциклопедия «Слова о полку Игоре» : в 5 тт. СПб., 1995. Т. 3.
- Якобсон Р.О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.
- Bergerat E. Les soirées de Calibangrève. Paris, 1892.
- Bouchaud P. La pastorale dans le Tasse. Paris, 1897.
- Dictionnaire des termes littéraires. Paris, 2001.
- Soupault Ph. La Littérature et le reste. 1919–1931. Paris, 2006.
- Soupault Ph. Poèmes retrouvés (1918–1981). Paris, 1982.
- Struve G. Slovo o polku Iгореve: An Eighteenth-Century Fake? // The Slavonic and East European Review. Vol. 24. No. 63. (Jan., 1946).

**ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА 30-Х ГОДОВ:
ЛЕСТНИЦЫ И КРИСТАЛЛЫ***Е.А. Худенко*

Ключевые слова: житнетворчество, Мандельштам, иерархия, персонализм, биология, кристаллообразование.

Keywords: life creativity, Mandelshtam, hierarchy, personalization, biology, crystal formation.

Жизнетворческие интенции пронизывают все творчество Осипа Эмильевича Мандельштама – как его поэтическую ветвь, так и прозаическую. Современники и исследователи отмечают две поведенческие особенности Мандельштама, моделирующих своеобразие его житнетворчества. Н.Я. Мандельштам утверждает в «Воспоминаниях», что «мысль у О. М. (Осипа Мандельштама – Е. Х.) всегда переходила в поступки <...> Я уже при его жизни знала, что и стихи, и проза как бы определили его поведение, вернее, многое из сказанного им, прозвучало для него как обет» [Мандельштам, 1989, с. 341]. Вторая поведенческая особенность, на которую указано в последней творческой биографии Мандельштама [Лекманов, 2009], связана с тенденцией к самоотрицанию – он развивался, отказываясь от ранее выдвинутых концепций, сознательно «перерастая» и «видоизменяя» себя. О. Лекманов апеллирует к суждению Анны Андреевны Ахматовой, которая признавалась Павлу Лукницкому, что «никак не может понять в Осипе одной характерной черты»: «Мандельштам восстает прежде всего на самого себя, на то, что он сам делал, и больше всех. <...> Трудно будет его биографу разобраться во всем этом, если он не будет знать этого его свойства – с чистейшим благородством восстать на то, чем он сам занимался или что было его идеей» [Мандельштам в архиве., 1991, с. 128]. Эти две особенности личности поэта, казалось бы, противоречат друг другу. Одна знаменует целостность житнетворческих установок Мандельштама, вторая – раздробленность и, порой, даже эклектичность его поисков. Однако на самом деле противоречие лишь поверхностное, ведь все написанное (по природе ассоциативности, на которую указала Л.Я. Гинзбург [Гинзбург, 1982]) тоже видоизменялось вместе с поэтом, вырываясь из старых «зарок» к новым смысловым (или бессмысленным) связям с миром. Нашей задачей является проследить, каковы житнетворческие установки зрелого Мандельштама – «человека эпохи *Москвошвея*» – готового к постоянному изме-

нению собственной личности и мировоззрения, но никак не подходившего под «лекало» эпохи.

Большинство исследований, изучающих поэтику и поэтическую философию зрелого Мандельштама, указывают на его увлечение естественнонаучными взглядами, на увлечение биологией. Этот тезис порождает такие исследовательские определения для мандельштамовской поэтики, как «органическая поэтика» [Пак Сун Юн, 2008], «метаболизм поэзии» и «органическая эстетика» [Генис, 2002], «органическая психология» [Зинченко, 1997]. На сегодняшний день не подлежит сомнению, что «прозрения» Мандельштама в поздней поэзии связаны с новейшими достижениями современной нам науки – это создание текста как свернутого носителя информации и предчувствие теории световых волн в «Стихах о неизвестном солдате» [Макогоненко, 2000], различного рода оптические и голографические эффекты [Генис, 2002], таксономические явления и принцип «маятника Фуко» [Ямпольский, 2003], осознание психического мира человека как некой ступенчатой ракеты [Зинченко, 1997], – все эти научные открытия были сделаны позже, интуитивно «считываясь» поэтом. Однако нас в данном случае будет интересовать не сам факт причастности Мандельштама к научным веяниям времени, а то, как (с поведенческой точки зрения) с помощью интереса к точным наукам поэт вырабатывал стратегию противостояния эпохе 30-х годов – стратегию, так верно приведшую его к гибели. В контексте описанных нами моделей игрового и монистического жизнетворчества русской литературы [Худенко, 2010] это была сознательная установка на *монизм поведения* – с его максималистской ставкой на стирание границы между творчеством и жизнью.

В этом ключе заслуживает особого внимания три составляющих поведенческой стратегии зрелого Мандельштама, которые отражают повышенный интерес поэта к тесному переплетению философии, биологии и истории (периода Средневековья). Это три условных «лестницы» («три кита»), на которых держатся жизнетворческие поиски в последнем периоде творчества поэта. Начнем с биологии, которая помогает связать «находки» позднего Мандельштама в целостную картину.

Одним из ближайших друзей Мандельштама в 30-е годы становится московский биолог Борис Сергеевич Кузин, роль которого в мандельштамовской биографии приравнивается исследователями к роли Вергилия в дантовом тексте. Мандельштам сам указывал, что именно благодаря этому человеку к нему вернулся вкус к поэзии. Н.Я. Мандельштам вспоминает: «С каждым приходившим к нам в дом у О. М. был особый разговор. Кузин и биологи разговаривали о генетике,

бергсоновской жизненной силе и аристотелевой энтелехии» [Мандельштам, 1989, с. 215]. О. Мандельштам писал в начале апреля 1933 года М. Шагинян по поводу ареста Б.С. Кузина: «У меня отняли моего собеседника, мое второе я, человека, которого я мог и имел время убеждать, что революция есть и интеллект, и виталистическое буйство, и роскошь живой природы. Я переставил шахматы с литературного поля на биологическое, чтобы игра шла честнее. Он меня по-настоящему будоражил, революционизировал, я с ним учился понимать, какую уйму живой природы, воскресшей материи поглотили все великие воинствующие системы науки, поэзии, музыки» [Жизнь и творчество..., 1990, с. 73–74]. Сам характер поэзии, по мысли Мандельштама, должен быть «биологический», то есть нужно «преодолеть канон во имя внутреннего движения организма» [Мандельштам, 1991, с. 404]. Б.С. Кузин оказал большое влияние на творчество поэта, он был ламаркист, а не дарвинист, и несомненно, что под воздействием личности этого человека и общих разговоров Мандельштам создает своего знаменитого «Ламарка» (1932).

Множество рецепций этого стихотворения практически не оставляют места для исследовательских догадок (см. достаточно полный обзор исследований по этому тексту в статье А. Жолковского [Жолковский, 2010]). Однако сам поэт всегда настаивал на значимости «поправки», говоря об искусственности всякого описания. «Мы описываем как раз то, чего нельзя описать, то есть остановленный текст природы, и разучились описывать то единственное, что по структуре своей поддается поэтическому изображению, то есть порывы, намерения и амплитудные колебания» [Мандельштам, 2002, с. 553]. Кроме того, эллиптический характер природы мандельштамовского дарования позволяет сделать круг, и, вспянь от текстового анализа, предложенного в русле поэтики выразительности А. Жолковским, вновь обратиться к биолого-биографической интерпретации текста. Только теперь такая интерпретация будет актуализирована в аспекте изучения жизнетворческих установок Мандельштама 30-х годов.

Исследователь М. Ямпольский, изучая историософские взгляды зрелого Мандельштама [Ямпольский, 2003], обосновал идею творческой эволюции поэта от платоновской модели истории, подразумевающей непрерывное восхождение к прогрессу (20-е годы) – к ламарковскому типу систематизации, подразумевающему пустоты, провалы и атемпоральное движение (30-е годы). Именно знакомство с натуралистами (эссе о которых поэт помещает в «Путешествии в Армению» (1933)) помогает выработать Мандельштаму концепцию идеального

развития действительности, в которой сцепление элементов должно происходить не по принципу восхождения (эволюции) и не по принципу наследования традиций (генезиса), а по *принципу магнита* – притяжения и отталкивания разнородных элементов. В этом ракурсе случайность и необходимость в истории (и культуре) уравниваются по законам «магнитного поля», и периоды «простоя» компенсируются «взлетами». Такая концепция искусства, несомненно, реализована в последнем периоде творчества Манделъштама, во всяком случае, она позволяет понять, каким образом в поэтических и прозаических текстах этого периода соседствуют Чаплин и Египет, американка и египетские пирамиды, Чаадаев и Данте и т.д. (хотя и раннее творчество Манделъштама отличалось неожиданностью сопоставительного ряда). Однако эта концепция не уточняет, каково же место самого поэта в его новой *идеальной* истории культуры и каково – в поисках собственной идентичности в совсем *не идеальной* эпохе?

Последнюю ступень верха или низа «подвижной» лестницы хочет занять герой Манделъштама в стихотворении «Ламарк»? Развертывание поэтической логики позволяет утверждать, что это движение сверху – вниз, от человеческой «горячей крови» – к хладнокровным беспозвоночным. В терминах платоновской модели развития – это путь вспять. Для Манделъштама же в его житнетворческих поисках – это способ сменить точку зрения на мир. Эпитет «подвижный» можно прочесть как «обратный», что позволяет поэту увидеть мир с другого конца, с противоположной стороны. Тогда лестница, двигаясь в пространстве (пусть мысленно), превращается в спираль, по структуре напоминающую человеческую ДНК, функционирование связей в которой напоминает связи в кристаллической решетке.

Интересно, что уже в основной работе Ламарка – «Философия зоологии» (1809) – был впервые подвергнут сомнению сам способ «чтения» живого мира, предложенный биологической наукой. Ламарк пишет: «Отнюдь не безразлично, с какого конца начать это общее распределение животных, <...> не от нашего выбора зависит, какую из крайних точек ряда принять за его начало. Установившийся, донныне сохраняемый обычай помещать во главу животного царства наиболее совершенных животных и заканчивать его наименее совершенными и самыми простыми по своей организации обязан своим происхождением, с одной стороны, склонности человека отдавать предпочтение предметам, которые производят на него впечатление, больше нравятся и больше интересуют его, с другой – тому обстоятельству, что предпочитают переходить от более известного к менее известному» [Ламарк,

1955, с. 363]. Господствующий тип систематизации излагает порядок *рассуждений* о природе, обратный порядку *самой* природы, наделяющей жизнью свои создания. М. Ямпольский так характеризует это противоречие: «Порядок нисхождения и деградации связан с *искусственным аранжированием* явлений, восходящий порядок от простого к сложному – с *естественным распределением* существ в истории (выделено – М. Я.)» [Ямпольский, 2003, с. 69].

Следовательно, Мандельштам предпочитает в стихотворении «начать с начала», то есть следовать логике самой природы, а не ее описателей. В данном случае – логика природы есть одновременно, по Мандельштаму, и логика Истории. Природная и социальная модели развития сведены в одной точке: основной носительницей биологической (= культурно-исторической) преемственности выступает отдельная особь – животная, человеческая, которая становится основанием для видообразования в системе Ламарка или основанием для осмысления Мандельштамом современного этапа развития общества *не как истории*, а как пустоты, промежутка. Всеобщая деиндивидуализация и нивелировка человеческой личности, усилившиеся к 30-м годам, приводят поэта, доводившего в этом «логику» современной «истории» до абсурда, к откату от человеческих прерогатив (главная из которых – речь) и воспеванию лестничного «низа» – беспозвоночных.

Беспозвоночные (насекомые и черви) населяют всю позднюю поэзию и прозу Мандельштама. Так, в метаописательных текстах поэт сравнивает фольклор с гусеницей, комментарии к текстам с саранчой («Рождение фавулы»), время предстает как «робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница» («Египетская марка»), смена кинокадров уподобляется движению ленточного глиста («Разговор о Данте»). Поэтические тексты Мандельштама 30-х годов «кишат» дождевыми червями, улитками, ящерицами, цикадами, кузнечиками, стрекозами, бабочками. В образе беспозвоночных (которые были поименованы так именно Ламарком) Мандельштаму видится модель «личности» новой эпохи, его прельщает примитивность, служащая гарантией целостности. Червь, гусеница, большинство насекомых могут изогнуться как угодно и под любым углом, не повредив при этом внутренних органов и наружных покровов, они не могут задохнуться, сломать хребет, у них нет заболеваний кишечника, так как эти органы не переминаются, микрочервь беспозвоночных достигает 90% [Цуриков, 2005, с. 184]. Такая природная организация воспринимается поэтом как идеальная модель существования в мире, где в один момент можно потерять все – голос, тело, дыхание.

У беспозвоночных нет артикуляционного аппарата – и отсутствует потребность выражать мир, замененная на звуки, производимые от соприкосновения их частей тела (например, при стрекотании кузнечик приподнимает и раздвигает надкрылья, а затем приводит их в вибрирующее движение из стороны в сторону, в результате чего зубчики «смычка» левого надкрылья трутся о рамку «зеркальца» правого надкрылья). При этом у многих насекомых есть звуковой аппарат – то есть базисные органы для издания звуков. Это прообраз того «немного» слова, на котором строилась вся ранняя акмеистическая эстетика Мандельштама, когда само «тело» (без дополнительных приспособлений) уже было текстом. Два противоположных чувства владеют героем – это стремление отречься от слова, и боязнь, что когда-нибудь это окончательно свершится (Ахматова вспоминает, что Мандельштам «больше всего на свете боялся собственной немоты, называя ее удушьем» [Ахматова, 1989, с. 122]). Артикуляция составляет, с точки зрения Мандельштама, главный «нерв» личности. В «Шуме времени» поэт вспоминает о В.В. Гиппиусе и В. Недоброво, особенности артикуляции которых трактуются Мандельштамом не только как выражение личностного начала, но и знак божественного «косноязычия». Так, о Гиппиусе говорится: «...вся сила его личности заключалась в энергии и артикуляции его речи. У него было бессознательное влечение к шипящим и свистящим звукам и “т” в окончании слов. Выражаясь по-ученому, пристрастие к дентальным и небным». Слушая русскую литературу в «исполнении» Гиппиуса, Мандельштам ощущал «радость внешнего неблагозвучия русской речи» [Мандельштам, 1991, с. 105].

Стремление отречься от артикуляции как от личностной составляющей возрастает у поэта в последнем периоде творчества. Парадокс жизнотворения состоял в том, чтобы *проартикулировать* то, что не поддавалось никакому озвучанию – пустота не порождала ничего, не аккумулировала, как в ранней поэтике, культурные формы будущего, а просто была. Это *бытие небытия* пугало и приводило к особой поведенческой стратегии: Мандельштам понимает, что «побег» от хищного века результативен для настоящего поэта только как *побег из языка*. В стихотворении, посвященном Б.С. Кузину – «К немецкой речи» (1932) – поэт наделяет себя свойством беспозвоночного – *фототропическим поведением* – перемещением в область более высокой освещенности, часто приводящим к гибели. Он желает избавиться от русской речи, осознавая смертоносность подобного поступка.

*Себя губя, себе противореча,
Как моль летит на огонек полночный,*

Мне хочется уйти из нашей речи

За все, чем я обязан ей бессрочно [Мандельштам, 1999, с. 255].

Обращает на себя внимание грамматическая «корявость», которая все чаще к этому времени становится у Мандельштама предметом поэтической рефлексии [Успенский, 2008, с. 63]. Поэт хочет уйти не «потому (что)», и не «из-за», а уйти «за» – это отмщение за обязанность *говорить*, за поэтическую каторгу, которую герой Мандельштама несет «бессрочно». Освобождением для поэта становится «чужая речь» как оболочка, как панцирь насекомого, и никакого перерождения при этом не происходит: поэт обращается к пушкинской строчке из «Пророка» «вырви мне язык», но кардинально перерабатывает ее смысл, отказываясь от всякого другого языка и от самой возможности говорить («*вырви мне язык – он мне не нужен*»), повторяя при этом миф о ласточке-Филомеле из раннего сборника «Tristia» и выбирая судьбу молчащего Пилада. И только присутствие в мире бога Нахтигала, пришедшего из стихотворения Гейне (где он поет, как Соловей – бог Слова [Ронен, 2008, с. 78]) хоть как то оправдывает существование Поэта.

Отказ от артикуляции осмыслен Мандельштамом и в танатологическом ключе. Став хоть кем, но не человеком (низшие формы есть частичное воплощение небытия), не страшно умирать: слово «гроб» в стихотворении связано внутренней рифмовкой и анаграмматически со словом «погребок», куда можно сбежать по ступенькам (тот же образ лестницы), «без страха», «за кружкой мозельвейна». Возникающие здесь аллюзии на «погребок Ауэрбаха» из трагедии Гете ценны тем, что по принципу звукового эха вводят имя Баха – следовательно, музыка (по Платону, «музыка небесных сфер») может присутствовать и в низшем мире, и услышать ее можно, совершив не только восхождение, но и нисхождение.

Образ лестницы присутствует еще в более раннем стихотворении Мандельштама – «Я по лесенке приставной...» (1922). М. Ямпольский обращает внимание, что это первый текст, который подвергает сомнению платоновскую модель истории как прогресса [Ямпольский, 2003]. Поэт «воспевает» пребывание внизу – молчаливое наблюдение за звучащим миром (при этом занимая пространственный верх на стоге сена), не желая торопиться, замедляя процесс обрастания лиры «*косматым руном*» – это метафора окультуривания, пути вперед. Сам сеновал превращен в «*древний хаос*», а современные поэты еще не выработали своего языка – они шуршат «*не своей чешуей*» и поют «*против шерсти мира*». Возможности эксперимента с грамматикой здесь тоже заданы: ритмическое начало первой строки (пиррихий с ямбом) позволяет пер-

воначально поставить ударение в слове приставной на второй, а не на третий слог – приставной. Такая поправка превращает стихотворение в движение по еще одной лестнице – лестнице приставок (графическое обозначение приставки напоминает ступеньку) – куда? Очевидно, к корню слова – это графический образ стога сена, вслед за которым можно обнаружить подобие суффиксов – рисунок изогнутого ковша в созвездии Медведицы (*«Звезд в ковше Медведицы семь»*), но далее – пустота. Окончания (последней ступени) этой лестницы нет, и, по Мандельштаму, быть не может. Мир как слово не просто не дописан, он пребывает в *«рое звучаний»*, в котором не всегда нужно ловить чудесный строй эолийской речи. Но в этом стихотворении, в отличие от более позднего *«Ламарка»*, поэт готов вернуться в *«родной звукоряд»*, сравнивая себя с выпавшим из гнезда щеглом, которого косари приносят назад. Это свидетельствует о том, что внутренняя антиномия «я – речь» еще не достигла здесь трагического накала, еще сохраняется внутренняя целостность бытия поэта, которая все больше начинает разрушаться, в том числе и под воздействием внешних факторов. И знаком этой нарушенной стройности становится прежде всего проза – *«Шум времени»* (1925), *«Египетская марка»* (1928). Сам переход Мандельштама к прозе, по мнению Н.Я. Мандельштам, свидетельствовал о нарастании неблагозвучия в мире поэта, его хаотичности. «Не целостная, гармоническая картина мира, а разорванная в клочья, прерывистая, страхом и смертью скомканная – таково было бытие, было сегодня» [Филипов, 1991, с. 5].

В статье «О природе слова», написанной в том же году, что и стихотворение «Я по лесенке приставной...», Мандельштам утверждал, что единственное настоящее, что есть в «неархитектурной» и хаотичной русской культуре – это язык. *«Столь высоко организованный, столь органический язык не только дверь в историю, но и сама история»* [Мандельштам, 1991, с. 247]. Что же заставляет поэта оставить эту последнюю «пристань» (вместо того, чтобы с ее помощью систематизировать мир вокруг)?

В ранней поэтике Мандельштама мир тоже содержал пустоты и промежутки, а слово стремилось вернуться в музыку, в молчание, стать непроизнесенным. Известный тезис Мандельштама о том, что акмеистическое искусство (готическое по своей сути) должно бороться с пустотой – есть уже *признание* этой пустоты и ее права на существование. Почему герой Мандельштама 30-х годов не просто покидает мир речи, наблюдая за ним со стороны, но покидает его, не желая больше туда возвращаться? Этот «языковой» бунт Мандельштама объясняется

изменением *характера связи* между элементами современного мира. В поэтике первых сборников пустота, разломы и промежутки («цезуры») *связаны* с сущностными началами культуры в единое целое – это *система* отношений, где пустота «вплетена» в мир, без нее невозможно представить готическое кружево («Notre Dame»), узоры Вселенной («Дано мне тело...»), камень-кружево-паутину мира («Я ненавижу свет однообразных звезд...») и т.д. В «Четвертой прозе» (1931) Мандельштам пишет: «*Настоящий труд это – брюссельское кружево, в нем главное – то на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы*» [Мандельштам, 1991, с. 191]. К середине 30-х годов мир уже «не держится» по причине кардинальной реорганизации: проколов и пустот становится так много, что узор-кружево вот-вот исчезнет. В связи с этим Мандельштам стремится вернуться к природной органичности, к культурному «накопительству», дифференцировать пустоту и сделать ее частью культуры.

Для истолкования «хаоса иудейского» поэт все чаще обращается к эпохе Средневековья, которая в свете ренессансного мышления представляется «провалом», а в свете нового умозрения Мандельштама – эпохой накопления и дифференциации культуры. Средневековые «кумиры» поэта осмыслены им через «догадку» – и Ариост, и Тассо – «*чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз*» («Не ищущай чужих наречий...», 1933). Слово «чудовище», как нам представляется, не несет в данном контексте эстетическо-оценочной функции, это указание на свойство первичного (первобытного) мышления – все грандиозно-непонятное, пугающее создавалось как хтоническое (студенистость и многоочитость несут в поэтике Мандельштама попеременно позитивно-негативные смыслы). И как ни парадоксально, но и «*тараканьи усищи*» и «*пальцы-черви*» в знаменитом опальном стихотворении поэта «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933) можно трактовать в этом же ряду: фигура вождя (Сталина) осмысляется в хтоническом ключе – как сущность, стоящая у начала времен, не обладающая речью («*бабачит*»), и потому не познавшая культуры («*тычет*»), в том числе и культурной оппозиции «жизнь / смерть» (что дает возможность для «обратного» (архаического) прочтения метафоры «*казнь – малина*», сопологающей силы Танатоса и Эроса).

Червь, отраженный в старославянской букве «червь» У, с которой писалось и слово «человек» (не будем говорить здесь о державинских реминисценциях), становился символом спасения от новой, «волкодавней» эпохи (в конце концов, волки не интересуются червями). То, что вначале видится в стихотворении «Ламарк» движением сверху-

вниз (нисхождением), на самом деле оказывается ценностным верхом, новым видом развития, нишей спасенной жизни, а не деградацией. Современному миру, по Мандельштаму, недостает добротной органической иерархичности, он пестрит «разломами», «глухотой», «*продольностью*» (в контексте стихотворения это символ невозможности соединения правого и левого полушарий мозга у человека – символ, скорее, физиологического, а не психического свойства) – человеку закрыта дорога к своей пра-червинею сути, поэтому поэт готов вести себя как Ламарк-фехтовальщик, рыцарь, борющийся за идеалы Истории, но не прогресса.

Поэт все больше тоскует по органичной иерархии, выработанной культурой Средневековья, и в статье «Разговор о Данте» (1933) метафорически сравнивает «Божественную комедию» с кристаллографией (алхимики трактовали кристаллы как вид философского камня): «Немыслимо объять глазом или наглядно себе вообразить этот чудовищный по своей правильности тринадцатитысячегранник. Отсутствие у меня сколько-нибудь ясных сведений по кристаллографии – обычное в моем кругу невежество в этой области, как и во многих других, – лишает меня наслаждения постигнуть истинную структуру “*Divina Commedia*”, но такова удивительная стимулирующая сила Данта, что он пробудил во мне конкретный интерес к кристаллографии, и в качестве благодарного читателя – *lettore* – я постараюсь его удовлетворить» [Мандельштам, 1991, с. 376]. Через кристаллографию поэту видится многое – так, кристаллическая решетка становится аналогом биологической систематизации Ламарка и аналогом понятию «история». «О. М. различал два ряда явлений – у него был как бы положительный ряд и отрицательный. К положительному ряду относятся – гроза, событие, кристаллообразование <...> Он применял эти понятия и к истории, и к искусству, и даже к становлению человеческого характера. Отрицательный ряд – все виды механического движения: бег часовой стрелки, развитие, прогресс», – пишет в «Воспоминаниях» Н.Я. Мандельштам [Мандельштам, 1989, с. 314]. В философском плане поискам поэта наиболее близка, на наш взгляд, система русского философа Н.О. Лосского, чей иерархический персонализм предстает еще одним «лестничным аналогом» как кристаллической решетки и биологической лестницы Ламарка, так и жизнотворческой модели зрелого Мандельштама.

Во множестве работ указывалось на увлечение поэта философией А. Бергсона (см.: [Демина, 2006]), начавшееся у Мандельштама после знакомства с его книгой в 1906 году. Н.О. Лосский, кстати, был пер-

вым философом, популяризовавшим идеи французского интуитивиста. Его книга «Интуитивная философия А. Бергсона» вышла в 1914 году, и Мандельштам мог читать ее. Нет фактов, указывающих на знакомство поэта (личное или книжное) с философией Николая Онуфриевича Лосского, что объясняется тем, что система Лосского окончательно сформировалась в эмиграции, куда он был выслан на знаменитом теплоходе 1922 года.

Прежде всего, Мандельштаму очень близка основная идея Н. Лосского о «мире как органическом целом» [Лосский, 1991]. Тезис Лосского «все имманентно всему» разворачивается во всем творческом наследии поэта, для которого интуиция выступала единственным адекватным средством познания живого органического мира, была синонимом сверхсознания. Интуитивизм Лосского – это тоже не что иное, как последовательно развернутое учение об открытости сознания. Требовалась некая организующая сила, та классицистическая стройность, которая сквозит в ранних сборниках Мандельштама, чтобы обуздать (хотя бы сознанием) тотально релятивистский мир. В философской системе Лосского эта сила обозначена как «*субстанциальный деятель*», на этой силе он создал свою философскую иерархическую лестницу. Низшую ступень на ней занимают электроны, протоны, «а может быть и какие-либо еще более простые существа, которые будут открыты со временем физикою» [Лосский, 1994, с. 334]. За ними идут деятели, составляющие царство органической природы, еще выше – наделенные сознанием и разумом, как человек, но и человек – далеко не высший среди субстанциальных деятелей, его превосходят более совершенные монады, менее зависимые от чувственного начала и наделенные большей творческой силой. Самую совершенную из них Лосский называет Высшей субстанцией (равной Богу) – это область метафизического познания. Бог при этом толкуется как Логос (Бог-Слово) – идея, несомненно, близкая эстетике и практике акмеизма (см.: [Кихней, 2000]).

Примечательно, что принцип соотнесения элементов высшего и низшего порядка Лосский черпает в социальной организации общества. «Образцом для понимания связи между Высшею субстанцией и остальными субстанциями может служить отношение между обществом и индивидуумом: общество не творит индивидуума, но некоторые деятельности индивидуума имеют общественный характер, то есть подчинены требованиям общественного целого» [Лосский, 1991, с. 47]. Следовательно, в центр иерархической системы русский философ ставит два начала – это Личность («субстанциальные деятели» разного

уровня) и некий Абсолют, связанные между собой по принципу Целого. При этом смысл Абсолютного может «просвечивать» на любом уровне – в том числе, бессловесном (нейронно-протонном, низших организмов и т.д.). «Абсолютного следует искать, восходя в область целого или, вернее, поднимаясь над нею, но никоим образом не среди элементов; элементы во всяком случае производны и относительны, то есть способны существовать только в отношении к *системе*, членами которой они служат (выделено – *Н. Л.*)» [Лосский, 1991, с. 341]. Более того, Лосский тесно сливается с поисками позднего Мандельштама в идее о вседуховности (свободе) созданных Богом объектов мира. Цель их существования – «выработать себе характер, то есть тип своей жизни», это «свободное творчество каждого существа» [Лосский, 1994, с. 54]. Философ проводит близкую поискам Мандельштама идею о «лимите» эволюции, говоря о том, что события эволюционного ряда не могут порождать сами себя, для саморегуляции (синергетики) эволюционного механизма необходим внешний «толчок» [Лосский, 1927, с. 255]. Метафору подобного «первотолчка» Мандельштам предлагает в своем первом стихотворении первого сборника «Камень» – это звук упавшего плода:

*Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...* [Мандельштам, 1999, с. 35]

Следовательно, «побег» Мандельштама из речи знаменовал не столько потерю ценностно-смысловых связей с эпохой, сколько новый (более адекватный) способ трансляции «хаоса». Прорыв к эмпирической и телеологической сущности бытия без разломов, пустот и провалов (не обладающих содержательностью) требовал от Мандельштама поведенческого монизма. Этот творческий максимализм трагически компенсировался биографическими «пустотами» – ссылка, запрет жить в определенных городах, лагерь, психическая болезнь. Жизнетворчество зрелого Мандельштама видится нам как некий «кристаллический» продукт, остающийся в результате исполнительского *порыва* и, как исполнительский *прорыв*, до конца не завершённый.

Литература

- Ахматова А.А. Из воспоминаний о Мандельштаме (Листки из дневника) // А.А. Ахматова. «Я – голос ваш...». М., 1989.
Генис А.А. Метаболизм поэзии (Мандельштам и органическая эстетика). М., 2002.

- Гинзбург Л.Я. Поэтика Осипа Мандельштама // Л.Я. Гинзбург. О старом и новом. Л., 1982.
- Демина А.С. Поэтическая философия О.Э. Мандельштама : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2006.
- Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Статьи и исследования. Воронеж, 1990.
- Жолковский А. Еще раз о мандельштамовском «Ламарке» // Вопросы литературы. 2010. № 2.
- Зинченко В.П. Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997.
- Кихней Л.Г. Осип Мандельштам. Бытие слова. М., 2000.
- Ламарк Ж.-Б. Избранные произведения : в 2 тт. М., 1955. Т. 1.
- Лекманов О. Осип Мандельштам. М., 2009.
- Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994.
- Лосский Н.О. Мир как органическое целое // Н.О. Лосский. Избранное. М., 1991.
- Лосский Н.О. Что не может быть создано эволюцией? // Современные записки. Париж, 1927. Т. 33.
- Макогоненко Д. «Соборы кристаллов сверхжизненных...» («Смысловые формулы» в поэзии Мандельштама) // Вопросы литературы. 2000. № 6.
- Мандельштам в архиве П.Н. Лукницкого // Слово и судьба. Осип Мандельштам. М., 1991.
- Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1989.
- Мандельштам О. Стихотворения. Екатеринбург, 1999.
- Мандельштам О.Э. Собрание сочинений : в 4 тт. М., 1991. Т. 2.
- Пак Сун Юн. Органическая поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2008.
- Ронен О. Поединки // Звезда. 2008. № 9.
- Успенский Ф.Б. Три догадки о стихах Мандельштама. М., 2008.
- Филипов Б. Проза Мандельштама // О.Э. Мандельштам. Собрание сочинений : в 4 тт. Т. 2. М., 1991.
- Худенко Е.А. Жизнетворческие стратегии в русской литературе XIX–XX вв. и концепция творческого поведения М.М. Пришвина. Барнаул, 2010.
- Цуриков М.Н. Беспозвоночные : следует ли их бояться? Воронеж, 2005.
- Ямпольский М. История культуры как история духа и естественная история // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.

КОММУНИКАТИВНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ ТЕКСТА В ПОВЕСТЯХ ДЛЯ ТЕАТРА В.М. ШУКШИНА

Г.В. Куличкина

Ключевые слова: коммуникативное напряжение, межтекст, интертекст, конфликт, драматические обстоятельства и характеры.

Keywords: communicative strain, between text, intertext, conflict, drama circumstances and characters.

Театральность прозы В.М. Шукшина как характерная черта творческого почерка писателя имеет достаточно солидный корпус литературоведческих исследований, но его «повести для театра» до сих пор недостаточно изучены. Их жанровое тяготение одновременно к двум родам литературы – эпосу и драме – вызывает у некоторых ученых ощущение художественной незавершенности произведений, переходности момента в писательской биографии. Необходимость дальнейшего изучения повестей для театра В.М. Шукшина, однако, существует. Актуальность обращения к их изучению обусловлена тем, что в самом жанровом подзаголовке этих произведений подчеркивается устремленность В.М. Шукшина к расширению коммуникации с аудиторией: к читателям и зрителям одновременно. В объединении текстов прозы и театра в своеобразный интертекст он сделал попытку усилить коммуникативное напряжение текста и тем самым расширить интерпретационное поле восприятия авторской мысли.

Цель данного исследования – выявить закономерности коммуникативного напряжения текстов прозы для театра В.М. Шукшина, что помогает восстановить «времен разорванную нить» между писателем-классиком и современным читателем. При достижении этой цели мы опирались на методологию М.М. Бахтина, одним из принципов которой является анализ диалогизма как сущностной черты художественного текста; на теорию текста Ю.М. Лотмана, согласно которой литературное произведение представляет собой своего рода информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности; на понятие коммуникативного напряжения в филологической теории текста А.А. Чувакина, когда взаимодействие коммуникативных и пространственных границ текста приводит к расширению интерпретационных читательских версий текста; на методику эвокации (А.А. Чувакин,

V. Skalička), способствующую исследованию эффективности коммуникации с опорой на категорию Homo Loquens.

Появление этой прозы свидетельствовало о том, что «начался новый, не очень-то привычный и знакомый Шукшин» [Шукшин, 2009, с. 302]. Новизна ощущалась не только на уровне формы, но и содержания. Радикальному пересмотру у позднего Шукшина подверглись многие мировоззренческие и эстетические категории. «В терминах современного литературоведения эволюцию взглядов Шукшина, – пишет А.И. Куляпин, – можно обозначить как переход от установки на транстекстуальность (то есть на естественный язык или действительность, реальность) к ориентации на интертекст (то есть на чужой текст и язык культуры). <...> Последние повести Шукшина (“Энергичные люди”, “До третьих петухов”, “А поутру они проснулись...”) не только логически завершали третий период творчества, но и предвещали новые перспективы развития» [Куляпин, 2006, с. 31–33].

Ориентация на интертекст, на наш взгляд, стимулировала обращение писателя именно к драме, как наиболее близкой к театру форме литературы. О взаимодействии эпоса и драмы в «шукшинском рассказе», о диалогичности, воплощающей общую мысль персонажей и автора, о драматической природе поступков шукшинских чудиков пишет Н.Л. Лейдерман [Лейдерман, Липовецкий, 2008, с. 84–86]. Театральность как одну из постоянных черт художественно-речевой структуры малой прозы Шукшина, репрезентирующей образ автора, отмечает Г.В. Кукуева. Она указывает на присутствие искусства театра в «рассказах-анекдотах», в «рассказах-сценках». «Даже в подтипах “рассказы-новеллы”, то есть в обращении Шукшина как бы к “чистой прозе”, она, эта театральность, опять-таки заявляет о себе, что приводит к новому способу выражения образа автора – “в точке пересечения разнополярных хронотопов, в самозапуске развивающегося события”» [Кукуева, 2009, с. 21–22]. Но если в малой прозе В.М. Шукшина предметом театрализации по преимуществу были «сельские жители», «чудики» из глубинки, то в 1970-е годы В.М. Шукшин все чаще задумывается о скрытых пружинах театра жизни (вспомним шекспировское «весь мир театр, в нем женщины, мужчины – все актеры»), об общих противоречиях мироустройства и их воздействии на человека. Одновременно усиливался его интерес к вековым проблемам народной жизни, к философскому осмыслению антропологических ценностей. Так осуществлялся объективный поворот художника к драме как наиболее адекватному его исканиям роду литературы.

Исходя из вышесказанного, коммуникативное напряжение текстов театральных повестей В.М. Шукшина целесообразно рассматривать с опорой, во-первых, на понятие «межтекст» как результат разности интенций автора в процессе художественного творчества [Основы теории..., 2003, с. 111]; в данном случае в роли межтекста выступают тексты повестей «Энергичные люди», «До третьих петухов. Сказка про Ивана-дурака...», «А поутру они проснулись...». Во-вторых, для исследования театрального начала этих повестей естественно применить некоторые понятия драмы как рода литературы, которые характерны и для театра. Речь идет о конфликте, драматических обстоятельствах и характерах (см. труды В.А. Сахновского-Панкеева, С.В. Владимирова, В.Е. Хализева, М.Ю. Барбоя и др.) В повестях для театра именно драматическое начало повести-межтекста провоцирует читателя на коммуникацию с автором. Оно заражает нас «предметом раздора» главных героев, их «упертостью» в мыслях и поведении, труднопреодолимыми обстоятельствами действия, то есть, всем тем, что создает напряжение драматического действия. А посредством него и коммуникативное напряжение в цепочке «персонаж – текст – читатель». Через сущностные черты драмы автор вводит читателя в мир индивидуальных эмоций и размышлений о мире и человеке. Что касается повествовательных элементов, то они выстраивают для читателя другую текстуальную рамку повести, уводящую от субъективных переживаний в более широкое пространство – общечеловеческого социально-философского экзистенциального контекста. «Сосуществование одновременно двух противоположных тенденций позволяет говорить о текстопорождающей функции организации / разрушения границ текста. Конфликт между этими двумя тенденциями создает особое *коммуникативное напряжение* между ними в структуре текста» [Основы теории..., 2003, с. 88]. Проследим коммуникативное напряжение текста на конкретных примерах из повестей для театра В.М. Шукшина 1970-х годов.

В сатирической повести «**Энергичные люди**» драматическое начало проявляется в первой же сцене, представляющей обозленных друг на друга супругов Кузькиных. Жене Вере Сергеевне надоела пьянка мужа, и она написала письмо прокурору, в котором сообщила, что муж занимается спекуляцией, и *«импровизирует не только с покрывками, но и с чужими женщинами»*. За бытовым противостоянием, однако, по мере развития действия обнаруживается два конфликта – комедийный, раскрывающий нравы «энергичных людей». И подлинно драматический, обнажающий противоречие: между морально-нравственными

ценностями «энергичных людей» и ценностями, закрепленными в правовых государственных актах, в христианской и народной морали.

Комедийность образов «энергичных людей» раскрывается Шукшиным не только в обрисовке скандальных действий супругов Кузькиных и подельников Аристарха Петровича. Автор использует и эпические средства раскрытия мизерности их ценностей, жизненных установок. Он лишает имен приятелей Кузькина по пьяному застолью и оставляет только клички – *Чернявый, Брюхатый, Лысый, Простой человек*. В таком нарративном приеме содержится авторский намек на существование целого сообщества жуликов и авторское ироническое отношение к ним. Внутренняя неустойчивость характеров «энергичных людей», их колебания между самопрезентацией себя как достойного члена общества и растущим страхом расплаты за жульничество также оценивается автором в иронических нарративных комментариях. Когда выяснилось, что конфликт между мужем и женой оказался мнимым, Шукшин сообщает, что «на душе у всех было мирно и хорошо». Но тут же опровергает это «мирно и хорошо» рассказом о шутке «преподобной Сонечки», которая вышла к накрытому в честь перемирия столу «с пистолетом в руках: наставила на всех и говорит: “Руки вверх! Я – из Обэхэса!”» Писатель сообщает, что в руках Сонечки была всего лишь открылалка для бутылок, но она «так СТРАШНО это сказала, что за столом обмерли». Написанное заглавными буквами одно слово среди прописных выражает ключевую ироническую позицию автора в его характеристике образов персонажей. Таким образом, коммуникативное напряжение текста повести при изображении образов «энергичных людей» возникало как результат соединения иронических средств эпоса и комедийных средств драмы в едином авторском пафосе отрицания нравов, представленных вниманию читателя. Анекдот из жизни на тему «импровизации с покрывками», благодаря авторским замечаниям, обретает потенциал иносказания о незавидной судьбе и печальной человеческой участи успешных с виду людей.

Что касается конфликта, связанного с двойной моралью и двойным набором ценностей, изнутри подрывающий стабильность всего современного автору социума, то его очертания в тексте повести можно сравнить с айсбергом, плывущим вблизи корабля. Он несет в себе скрытую, но явную угрозу, о масштабах которой автор позволяет догадываться с помощью образов обстоятельства времени и места действия. События в повести разворачиваются вечером одного дня и заканчиваются вечером другого, что наталкивает на ассоциации с сумеречностью существования энергичных людей. Место действия – «богато

обставленная комната», квартира, то есть территория частной жизни, которая вне контроля власти и общественности и поэтому практически неистребима. Поскольку в *«богато обставленной комнате»* находится целое сообщество принципиально нечестных людей, квартира Кузькиных к финалу повести ассоциируется с местом обмана и зла, скрытого от окружающих за внешней респектабельностью и крепкими замками. Пьяные импровизации спекулянтов с образами перелетных птиц, которые они увлеченно разыгрывают, ассоциируются у читателя с «перелетами-путешествиями», ведущими во мрак жизни. Драматизм общей ситуации поддерживается авторскими комментариями, сделанными в стиле сказок: *«жил-был на свете Аристарх Петрович», «жила-была жена его», «жили и живут», «им под сорок, конкретные жилистые люди»*. Возникает образ внутренней червоточины всего общества, в котором социальные блага получают недостойные, с нравственной точки зрения, «энергичные люди». Поэтому хотя в финале перед жуликами неожиданно появляются *«трое в милицейской форме»*, сюжетная концовка воспринимается чисто формальным приемом, как известие в пьесе «Ревизор» о прибытии чиновника из Петербурга.

Итак, коммуникативная напряженность межтекста «Энергичных людей» зарождается в комических коллизиях и характерах персонажей, живущих в достатке *«по негласному экономическому закону»*. Она поддерживается нарративными элементами иронии и сатиры, расширяющими анекдотический случай до типичной жизненной ситуации. Коммуникативная напряженность текста возрастает, когда содержание драматических обстоятельств входит в интертекстуальный диалог с сущностью комедийных характеров. Время и места действия определяются автором как пространство нескончаемых сумерек, лжи и обмана. В рамках комедии положений вырастает текст с рамками трагикомедии. Повествовательные авторские комментарии по поводу случившегося, «разбросанные» по всему сюжету, «распространяют» коммуникативную напряженность театрального начала на весь межтекст повести.

Но заявленный трагикомический конфликт не получает развития в сюжете, и амбивалентность авторских художественных интенций (комедия, драма, трагикомедия) приводит автора к открытому финалу. Не снятая ничем коммуникативная напряженность текста выходит через «открытые двери» драматического финала во внетекстовую действительность.

Созданная вслед за «Энергичными людьми» повесть-сказка **«До третьих петухов. Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за триде-**

вять земель набираться ума-разума», по мнению некоторых исследователей, не вписывается в ряд повестей для театра, так как «в большей степени опирается на жанровые законы сказки, а не на законы театрального действия» [Рыбальченко, 2006, с. 55]. Действительно, жанровые законы сказки видны в типах действующих лиц, в образах времени и места действия. Но исходная драматическая ситуация в этой повести В.М. Шукшина изначально полифонична, что сразу, как в «Энергичных людях», создает коммуникативную напряженность межтекста повести. Фольклорные образы персонажей наделены казенной речью советских бюрократов. Читатель становится свидетелем обсуждения в ночную пору ожившими литературными героями Иван-дурака, который *«позорит наши ряды»: «неловко с дураком рядом сидеть».* Современные *«умы библиотеки»,* представленные образами *Бедной Лизы, Обломова, Конторского, Лишнего,* изгоняют Ивана из своего общества, а по сути, сживают с законного места в отечественной культурной памяти. Текст сатирической сказки соединяется с элементами философской драмы, и коммуникативное напряжение текста повести про Ивана-дурака возрастает. Автор словно сам решил на импровизацию с образом Ивана и разыгрывает в межтексте повести разные варианты судьбы фольклорного героя в современном мире. Полифония интертекстуальных связей, возникающих как результат разных жанровых и стилевых способов авторской организации прозаического текста, стала источником коммуникативного напряжения текста повести.

Театральное начало в сказке активизируется в тот момент, когда обнаруживается противоречие в умонастроении главного героя. С одной стороны, Иван не согласен с решением «культурного общества»: *«Умники нашлись...».* С другой стороны, он ему подчиняется: *«Не поминайте лихом, если где пропаду...»* Когда герой Шукшина делает попытку отступить от традиционных идеалов и норм поведения и поступать, «как все», в тексте повести появляются черты мифологической и экзистенциальной драмы. И правы те исследователи, которые трактуют повесть «До третьих петухов...» как многоуровневую философскую прозу. Писатель обнаружил новый многоплановый источник драматизма современной действительности, он – в разрушении ментальных основ русского национального характера и традиционных устоев общинной повседневности. Соответственно, возникла экзистенциальная проблематика жизни и смерти героя, подлинности и мнимости его бытийного и социального существования. Обнаруженный драматизм автор раскрыл с помощью асоциального конфликта [Куличкина, 2005, с. 314–315].

Этот тип конфликта, нехарактерный для драматургии советского времени, выразился в повести в том, что за время ночной поры (время его путешествия) Иван-дурак *«поумнел»*. Он *«грех на душу взял»*: помог чертям обманом проникнуть за монастырскую ограду, осуществить желание этого *«охального племени»*. В его душе, прежде не знавшей сомнений, *«поселились»* противоречивые чувства: *«Он плясал и плакал. Плакал и плясал. <...> – Эх, справочка!.. – воскликнул он зло и горько. – Дорого же ты мне достaeшь!»* Он испытал унижение у Мудреца, который привез его к скучающей Несмеяне и *«решил сделать Ивана посмешищем: так охота ему стало угодить своей “царевне”, так невтерпеж сделалось старому греховоднику»*. Мудрец придрался, что Иван не умеет смеяться, а ведь народ *«умел смеяться»*, по сути он обвинил сказочного героя в *«отрыве»* от его национальной сущности.

Обстоятельства места действия, как и в *«Энергичных людях»*, обобщают общую драматическую ситуацию, и кульминации коммуникативное напряжение текста повести достигает в картинах описания нравов Канцелярии. Образ Канцелярии, где выдаются справки, воссоздается как вечный мир бездельников в чинах, где невозможно подлинное человеческое существование. Беготня Мудреца по кабинету с абстрактной угрозой *«Распушу!»*; его разглагольствования перед Чертом *«о возможном положительном влиянии крайне бесовских тенденций на некоторые устоявшиеся нормы морали»*, черт в кабинете Мудреца как свой человек *«с подкупающей улыбкой на мордочке»*, раздевание Мудреца молодыми людьми во главе с *«царевной Несмеянушкой»* в поисках у него *«лишнего ребра»* – все это образ действия людей ничемных. Авторская реплика, *«врывающаяся в действие»*, укрепляет читателей в такой трактовке. Автор называет Мудреца *«старым греховодником»*, а скучающую молодежь – *«бычками и телками»*. Пространство Канцелярии – обезчеловеченное и обезбоженное, в этой среде происходит развоплощение Ивана как народного героя, что зафиксировано в его репликах и авторских комментариях, то есть средствами драмы и прозы. Иван жалуется Медведю, что *«ему в душу вроде как удобрения свалили»*, *«так нехорошо – ложись и помирай»*, *«...такой грех на душу взял»*. Автор: *«И Иван пошел, опустив руки, пошел себя кругом, пошел пристукивать лапоточками. Он плясал и плакал. Плясал и плакал»*.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что коммуникативное напряжение повести *«До третьих петухов...»* возникает как результат совмещения в одном литературном тексте элементов разных

повествовательных текстов (сказки, путешествия, нравоучительной с элементами философии истории), разных типов драматических конфликтов (мифологический, экзистенциальный), разных типов пафоса: комического, сатирического и трагического. Внутри повести возникает «насыщенный раствор» интертекстуальности, а сам авторский текст в целом воспринимается как гипертекст, имеющий многоадресность, массовую коммуникацию и потенциал множественности интерпретаций. Интертекстуальные размышления Шукшина о русском национальном характере также, как и в «Энергичных людях» в тексте повести завершились открытым финалом, повышенная коммуникативная напряженность «вышла» во внетекстовую реальность. Проблематика «порога» между жизнью и смертью, расколотости сознания Ивана между Я-типичный национальный характер и Я-типичный социальный характер стали для читателей конца XX века актуальными вопросами сохранения национально-культурной неповторимости индивида в стандартизированной жизни социума.

Повесть для театра «**А поутру они проснулись**» повторяет основные черты театральной поэтики предыдущих повестей для театра и входит в театральный цикл творчества В.М. Шукшина как часть целого. В ней также мы видим «условно-гротесковую модель современного советского общества как фарсового действа, жизни как плохого театра, лишённого органичности, утратившего подлинность» [Рыбальченко, 2006, с. 56]. Здесь также наблюдается тяготение В.М. Шукшина к условным формам, персонажи «легко типологизируются на основании устойчивых портретных и речевых характеристик. Повторяющиеся, акцентированные автором детали внешности, одежды, речи легко приобретают символическое значение» [Куляпин, 2006, с. 43].

Место действия повести «А поутру они проснулись» по внешнему признаку – вытрезвитель, а по линии образного восприятия сгущается до символа – «*во тьме*», «*на том свете*». Реальное время действия – предыдущий вечер и утро, но физическое протекание часов и минут в этой повести сразу обретает тоже символическое звучание, ибо пробуждение в вытрезвителе знаменует отнюдь не просветление, а ощущение персонажами место своего пребывания чуть ли не «*ада*», а также подчеркивается автором в образе социолога как территории болезней, психических и социально-нравственных. Предельно обобщенный образ драматических обстоятельств «*полный мрак*», «*тьма*», «*тот свет*» сопрягается с приемами воссоздания характеров-типов: *очкарик, мрачный, урка, нервный, сухонький, электрик, тракторист...*, каждого из «*восьми голубчиков*». И только когда раскрывается глубин-

ное, экзистенциальное состояние персонажей повести, у них появляются имена и фамилии.

Шукшин предлагает сравнить существование посетителей вытрезвителя с библейской ситуацией жития после конца света, и символика предложенных автором ассоциаций порождает коммуникативное напряжение текста. Повествование помогает читателю увидеть одновременно и узнаваемые черты бытовой повседневности 1970-х годов и одну из опасных болезней духа в современном автору обществе.

Источником действия в этой театральной повести служит совокупность внутренних психо-физиологических привычек и потребностей, обусловленных состоянием похмельного синдрома. Здесь и невольное желание каждого вспомнить, как он дошел до «жизни такой». И задиристость в поведении с окружающими. И момент недоумения от собственных поступков в минуту опьянения. И отказ от анализа собственного состояния души. Когда, например, к пациентам вытрезвителя приходит социолог с прямым и острым, как лыжная палка на конце, вопросом: «*Как вы здесь оказались?*»

Автор каждому дает право на монолог – исповедь о том, почему человек «*крепко выпилиши*» оказался, и, таким образом, текст о вытрезвителе как месте действия обрел черты своеобразного чистилища духовного и душевного мира героев. Коммуникативное напряжение в монологах героев возрастает, ибо в воссоздании образа каждой «пропитой» души слышится живой голос, чувствуется живой характер. Выявляется и конфликт: он весьма необычен для драматургии советского времени, ибо развивается как полифония нескольких экзистенциальных драм индивидов, не нашедших своего места в жизни и отторгнутых ею как чуждых, ненужных. Писатель воссоздает драматические судьбы потерянных душ.

Из всех «восьми голубчиков» наиболее близок автору Очкарик с его нравственно-психологической позицией типичного представителя советской интеллигенции. «*Я напился с отчаяния*», «*Я решил, что наступило светопреставление*», «*Я решил, что дальше жить бессмысленно*» – в этих высказываниях скрыт источник драматизма его личной судьбы. Его попытка вывести продавца мясного отдела магазина «на чистую воду», сказать вслух при всех, что тот нагло обвешивает покупателей, завершилась унижением Очкарика. Продавец, или «*лоб*» и «*жулик*», как назвал его Гришаков, по прозвищу Очкарик, просто выставил своего «обвинителя» на улицу и закрыл дверь магазина. И никто из окружающих не воспротивился таким действиям. Не встал на защиту Очкарика. И он понял, что «*жить бессмысленно*», если в об-

ществе победителями живут не честные люди, а «жулики» и «лоботрясы». Другими словами, экзистенциальный кризис Гришакова был порожден бесчеловечной социальной ситуацией.

Таким образом, коммуникативное напряжение повести для театра «А поутру они проснулись» возникает как следствие создания внутри авторского «гипертекста» интертекстуальных отношений между текстами бытовых зарисовок из жизни вытрезвителя, библейских сюжетов о чистилище и апокалипсисе, социально-психологической драмы, экзистенциальной драмы.

Итак, создавая театральные повести как «межтекст», в котором сталкиваются свойства двух родов литературы – эпического и драматического, В.М. Шукшин тем самым заложил основы для постоянно смены культурных рамок разных текстов в едином авторском тексте, для постоянных интерактивных текстуальных отношений. Как следствие, во всех текстах повестей возникало постоянное коммуникативное напряжение. Театральное начало, воплощенное в конфликте, драматических характерах и обстоятельствах, как правило, активизировало коммуникативную напряженность авторского текста. Что касается повествовательных средств выразительности, они поддерживали коммуникативной напряженность авторского текста. Таким образом, в повестях для театра В.М. Шукшин в 1970-х годах опробовал новые для советской литературы способы организации художественного текста, ведущие к постоянной коммуникации в процессе «автор – текст – читатель».

Литература

- Козлова С.М. Энергичные люди // Творчество В.М. Шукшина : Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2007. Т. 3.
- Кукуева Г.В. Лингвоэпическая типология текстов малой прозы (на материале рассказов В.М. Шукшина) : автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2009.
- Куличкина Г.В. О художественном своеобразии «новой драмы» // Современная русская литература : Проблемы изучения и преподавания : в 2 ч. Пермь, 2005. Ч. 1.
- Куляпин А.И. Эволюция творчества. // Творчество В.М. Шукшина : Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2006. Т. 2.
- Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Русская литература XX века (1950–1990-е годы) : в 2 тт. М., 2008. Т. 2.
- Основы теории текста. Барнаул, 2003.
- Рыбальченко Т.Л. Повести для театра // Творчество В.М. Шукшина : Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2006. Т. 2.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 8 тт. Барнаул, 2009. Т. 7.

СТИХОТВОРЕНИЕ И ЦИКЛ В АРХИТЕКТОНИКЕ ЛИРИЧЕСКОЙ КНИГИ

О.В. Мирошникова

Ключевые слова: книга, цикл, композиция, контекст.

Keywords: book, cycle, architectonic, context.

История лирической книги еще не написана, а между тем, А. Белый сто лет назад произнес фразу, звучащую сегодня как завещание потомкам: «...Должно открыть в *сумме стихов циклы стихов*, их взаимное сплетение; и в этом-то открытии Лица творчества и происходит наша встреча с поэтами» [Белый, 1966, с. 550]. По современным представлениям, лирическая книга – это текстовая (материальная) проекция мироощущения поэта. В структурном плане она представляет собой то или иное «сплетение» циклов, разделов, отдельных микро и макроформ. В любом случае, она является дискретно-целостным артефактом, одновременно продуктом индивидуально-авторского, соавторско-редакторского творчества, а также иллюстративно-художественного и полиграфического производства.

Являясь одной из форм циклизации, она, как правило, структурирует большой массив полимотивных и разножанровых произведений. Главной архитектурной задачей при ее создании оказывается соподчинение компонентов-носителей единой авторской концепции, образно выражающей взаимоотношения человека и мира. По мнению многих исследователей, ведущей формой авторской циклизации является полижанровая: «...объединенные в единый контекст внежанровые и разножанровые стихотворения позволяют воплотить в пределах одного ансамбля отношение к разным сторонам действительности, сопоставить разные чувства» [Фоменко, 1990, с. 5].

Общеизвестно, что первый этап саморефлексии поэтов, обращенной на созданные ими же книги, сформулирован символистами и их современниками. Обобщая высказывания поэтов рубежа веков о циклизации, М.Н. Дарвин приходит к выводу об органичности ее, прежде всего, для лирического рода, где она выполняет контекстосозидательную роль вследствие «действия всеобщего для лирики онтологического закона: каждое отдельное лирическое произведение потенциально может вступить во взаимодействие с другими лирическими произведениями поэта. Создается впечатление, что лирика в сознании русских поэтов конца XIX – начала XX века вообще не существовала иначе как

в виде одного сплошного потока творчества, как бы на границе перехода из контекста в текст и обратно» [Дарвин, 1988, с. 13].

Отдельное стихотворение способно выразить лишь одну ситуацию духовной жизни поэта, отдельный цикл – один «разворот» мироотношения, но книга, (особенно принадлежащая к полициклическому типу), преодолевая «одномерность» компонентов, способна воплотить системное единство авторского мировидения. Акцентируем важный момент. Эстетическое качество книги как архитектурной конструкции тем выше, чем гибче и «нелогичнее» соотносены в ней части, чем более «музыкальность» ассоциативных связей превалирует над «головным», рационалистическим типом ее построения. Жанровые интенции произведений-частей не «истребляются» в составе большого контекста издания, но создают новое качество многоуровневой структуры, «соразмеряются» с доминирующим метажанровым смыслом. Единый миробраз, единая эмоционально-оценочная коллизия, лежащие в основе художественной целостности книги, уравнивают и «переподчиняют» компоненты в процессе авторского творчества и читательского сотворчества.

При неглубоком первоначальном чтении, композиционные функции стихотворения и цикла в составе лирической книги кажутся полностью адекватными. Каждый компонент призван служить фрагментом (частью, единицей) новой художественной целостности, быть элементом системы взаимосвязанных текстов, в совокупности составляющих циклический контекст (метатекст книги). Однако при непосредственном обращении ученых к художественному материалу (причем, к книгам разных типов) возникает много разногласий.

Книга лирики как объект изучения переместилась из области цикловедения в соседнюю сферу, которую принято называть комплексным филологическим книговедением. В процессе изучения лирическая книга приобрела дополнительные аспекты методологии исследования, а также усложнила прежние подходы. Различные принципы анализа макротекстовых форм демонстрируют, например, работы участников двух конференций, посвященных авторскому книготворчеству¹.

В одной из работ С.М. Козловой, посвященной современной книге стихов, речь идет о моментах, определяющих рецептивные страте-

¹ Авторское книготворчество в поэзии : Материалы Международной научно-практической конференции (Омск – Челябинск, 19–22 марта 2008 г.) : в 2 ч. Омск, 2008; Авторское книготворчество в поэзии : комплексный подход. Материалы Второй международной научной конференции (Омск, 12–14 мая 2010 г.). Омск, 2010.

гии творчества: «За два последних века развития русской поэзии происходило неуклонное смещение и аксиологическая переакцентация этих событий в направлении от автокоммуникации как наиболее ценного акта к партикулярной и общественной рецепции. И соответственно – от абсолютной ценности отдельного стихотворения к приоритетам лирического цикла и лирической книги» [Козлова, 2008, с. 104]. На основе многочисленных аналитических опытов попробуем определить ролевые функции произведений-компонентов в составе лирической книги¹.

Уточним: такие компоненты книги, как *стихотворение*, *цикл*, *отдел*, *трилогия* – контекстовые величины среднего объема, – нельзя считать адекватными, взаимозаменяемыми, они различаются и по генезису, и по степени текстовой целостности, и по мере «самодостаточности» в художественном пространстве метаобъединения. Поэтому, формулируя основные моменты, разграничивающие архитектурные функции компонентов книжного метатекста, основное внимание обратим на *стихотворение* и *цикл*:

– *стихотворение* обозначает момент, мгновенный «снимок» художественного мира поэта; *цикл* – существенную грань мировидения, этап процесса миростроения;

– *стихотворение*, как и *цикл*, в определенной мере, утрачивает самостоятельность, попадая в большой контекст, но стихотворение «теряет» меньше, оставаясь основной «атомарной» *единицей текстовой иерархии книги*; его смыслообраз в условиях контекстовых ассоциативных переключек одновременно «сужается», становясь более определенным, и «расширяется», обретая более многозначный ассоциативный ореол;

– *цикл*, в процессе подготовки лирической книги, чаще всего автором перестраивается и перекраивается в соответствии с новым, более объемным замыслом, теряя свою первоначальную текстовую целостность, из самостоятельной жанровой формы подчас превращаясь в *раздел книги стихов*; в этом случае целостность книги создается «поверх» жанровых *циклов-разделов* на основе общей концептуальности как метажанровое (и полижанровое) образование; если же книга основана на *хронологическом принципе* и представляет собой «историю души», «историю исканий» философского, религиозного или социального плана, «дневник», «духовное завешание», – *разделы-циклы* склады-

¹ Первая попытка создания подобного перечня на менее обширном материале находится в издании: [Мирошникова, 2002].

ваются в единое жанрово-хронологическое целое как *этапы* изображаемой истории, как *страницы* дневника, как «*пункты*» завещания или *границы* духовного «портрета художника»;

– в аспекте статики / динамики образного пространства книги *стихотворение* сохраняет исконную родовую роль – запечатлеть «остановленное мгновение» быстротекущей жизни; за *циклом* остается право выразить процессность внутренней жизни личности, калейдоскопичность и многоплановость окружающего мира, сложность и динамику миропереживания;

– динамический аспект книги включает, условно говоря, сюжетообразующие функции компонентов (особенно в тех книгах, где ответственность «сюжета», «повествования» является очевидной): *стихотворение* равно одной ситуативной фазе разворачивания мотива; *цикл*, как сюжетная линия в романе, осуществляет развитие определенного мотивного комплекса во времени и пространстве или создает мозаику внешних впечатлений и реакций на них (в циклах путешествий); жанровый цикл-раздел выстраивает цепочку эмоционально-образительных моментов в определенном ракурсе (элегическом, стансовом, сонетном), цикл монотематический – в рамках заданного лейтмотива, свойственных ему метафоричности, субъектного строя;

– в мелодико-ритмическом плане *стихотворения* – аккорды, *циклы* – мелодически развернутые музыкальные темы, взаимодействие которых обеспечивает сложную гармонию художественной структуры;

– *стихотворение* подчиняется жанровой и тематической доминанте цикла-раздела, в который оно входит; *циклы*, демонстрируя каждый свою жанровую, образно-тематическую установку и взаимодействуя друг с другом, обуславливают мотивно-жанровую специфику книги;

– *стихотворение* и *книга* – формы-антиподы (микро и макрожанр); *цикл* есть промежуточная макроструктура, интегрирующая малые компоненты в рамках своего контекстового объема, чтобы затем «передоверить» их многосферному объему книги; это жанр-посредник, причем иногда автор обходится без него, строя книгу вне разделов, тогда значимость отдельного стихотворения повышается, стихотворения лепятся «гроздьями, гнездами» (М. Цветаева), линиями лейтмотивов, – то есть циклизуются ассоциативно, без формальной рубрикации;

– *стихотворение* в составе книги может иметь или не иметь заглавие (как и вне книжного контекста), часто его теряет при переходе в книгу, – чем подчеркивается сравнительная однородность микрожан-

ров-фрагментов и их относительно равная подчиненность замыслу целого;

– *цикл* всегда имеет заглавие, сохраняемое и при переходе «под крышу книги», – что удостоверяет большую архитектурную значимость его как макрожанра; сочетанием и взаимосвязью циклов (равно как и стихотворений) создается метажанровое образование – книга стихов.

Ясное понимание жанровой природы циклической структуры позволило И.В. Фоменко дать объяснение архитектурной роли цикла в составе книги: «Именно потому, что циклы воплощают преимущественно ту или иную сторону мировосприятия поэта, ту или иную грань жизни, они <...> взаимодействуя друг с другом, образуют сложный “многогранник” книги» [Фоменко, 1992, с. 23].

Сравнительный анализ архитектурных функций как стихотворений, так и циклов, отделов в «Вечерних огнях» А.А. Фета, «Последних песнях» Н.А. Некрасова и в итоговых книгах «восьмидесятников» К.К. Случевского, А.А. Голенищева-Кутузова, К.М. Фофанова и других авторов дает неожиданные, на первый взгляд, результаты. Стихотворения-фрагменты в структуре книг Фета и Некрасова предстают в архитектурном аспекте значительнее циклов (сравнительно с изданиями их последователей). Объяснение этому явлению лежит и в сфере индивидуально-авторской, и в области общеэстетической.

Во-первых, степень художественности отдельных произведений поэтов первого ряда несоизмеримо выше, чем в лирике их не столь талантливых современников. Уже это делает их эстетически более «выпуклыми», более репрезентативными, то есть ярко и полно выражающими суть авторской концепции (основы мирообраза всей книги), отсюда, – более значимыми в роли «несущих конструкций» архитекторики. Во-вторых, большие поэты талантливо создают не только каждое произведение, но и связи между ними, ассоциативные переключки. Высокой содержательностью наделяется не только ритм отдельного текста, но и его звукопись, метафорическая лексика, события духовной жизни – контекстообразующие носители целостности. Автономность лирического текста опять, как в пушкинские времена, становится условием и показателем «плотности художественного вещества», смысловой насыщенности миникомпонентов, изоморфных целому.

Те же параметры контекстовых форм внутри книги, например, цикла с его макроритмом, сопоставимым с сонатным мелодикоритмическим построением, или раздела играют меньшую роль в создании симфонической полиритмии книги.

В-третьих, в изданиях больших поэтов реализован принцип со-размерности, пронизывающий все уровни книги, в том числе и архитектурный. Фрагменты соотнесены друг с другом «по горизонтали», в составе лейтмотивов (и, тем самым, каждый из них – с общим контекстом) и «по вертикали», в сфере взаимодействия мотивных комплексов и циклов так, что ни части не нарушают рисунка целого, ни целое не уничтожает эстетической суверенности частей.

Эти закономерности отражают процесс исторических трансформаций внутри лирического рода, в частности, изменение жанрового статуса отдельного произведения малой формы. В поэзии пушкинской плеяды отдельное стихотворение представляло «перлом создания», «магическим кристаллом», потенциально оно было метонимично по отношению ко всей лирической системе поэта. С течением времени микро-текст утратил былую значимость, по мнению многих поэтов и критиков конца XIX века, потерял способность максимально выражать динамику и сложность процесса миропереживания.

Подобная переориентация, таким образом, была связана с тем, что «поэзия безвременья», по сравнению с классикой «золотого» пушкинского периода и высокими достижениями крупнейших авторов середины века (Тютчева, Фета, Некрасова) не имела прежней «крепости и силы». В конце столетия «магический кристалл» классического искусства «был разбит вдребезги» (С. Андреевский). Следовательно, и отдельное стихотворение «последних могикан» уходящего века, потеряв высокую степень «плотности вещества», уже не вмещало смысловой «бездны пространства». Оно тяготело к объединению с другими, чтобы уже в составе контекстового образования выполнить свою художественную миссию. Эстетический акцент перемещался на более емкие книжные структуры.

Сборник стихотворений казался слишком формализованной конструкцией. Собрание сочинений для поэтов молодого и среднего возраста представлялось формой отдаленного будущего, к тому же громоздкой, как «многоуважаемый шкаф». Требовался жанр-посредник, способный соединить художественную локальность, «плотность вещества» традиционного микротекста с объемом, иерархичностью, интегративностью, концептуальностью и динамизмом авторской лирической системы. В качестве *жанров-посредников* стали восприниматься следующие: *многочастное фрагментаризованное* стихотворение, *диалогия* и *трилогия*, лирический *цикл* и параллельно развивавшаяся *книга стихов*.

Например: в «Песнях из Уголка» К.К. Случевского стихотворения начального комплекса маркируют выбор места и времени лирического «действия», выбор, который сразу же определяет маршруты совместного авторско-читательского путешествия как в реальном пространстве, так и в моделируемом загробном («единство события»). Для текстового массива второго, условно говоря, внеличного комплекса, существен характер обозначения социальных, географических, политических, бытовых, историко-культурных, фольклорных и других реалий (доминирует «со-противопоставленность» текстов).

В большом контексте книги, лишенной рубрик, важная роль принадлежит комплексу *опорных стихотворений* (ключевых текстов). В них находит выражение концепирующая системность авторского мышления, целеустремленность в обозначении главенствующих мотивов и образов. Подобный комплекс, перефразируя метафору А. Блока, есть продуманный круг «текстов-звезд», составляющих общее смысловое ядро произведения. Взаимодействие текстов определяется не только их мотивной или жанровой близостью. Лексические связи, мелодико-синтаксические и другие контакты могут также цементировать межтекстовое пространство целого.

Определение архитектурных функций отдельных произведений в составе книги должно ориентироваться и на *характер их адресации*, явной или неявной, конкретной или «неопределенно-личностной». Итоговые книги Полонского, Жемчужникова, Плещеева, особенно же, Случевского, выполняя функцию поэтических посланий-завещаний следующим поколениям, содержат большой диапазон разнообразных обращений к читателям. Это и конкретные адресации-посвящения современникам, и условные «окликания» читателя-прохожего в эпитафиях, и скорбные призывы к сотворческому раздумью в некрологических стихотворениях «Памяти...». Наряду с понятием «читатель-адресат» или «вероятный читатель» вполне допустимо дифференцированно обозначать и «читателя-получателя» или «читателя-оппонента». По мысли В.А. Сайтанова, разного рода лирические обращения в книге «призваны были фигурально, метафорически объяснить эстетическую позицию художника: “чернь”, “свет”, “толпа”, “публика”, “немногие”, “избранные”, “свой”, “все”. <...> Эти и другие подобные им понятия у каждого пишущего наполнялись своим конкретно-историческим, этическим, психологическим смыслом, субъективистски окрашивались, нередко прихотливо-своевольно интерпретировались», но «при всей разности толкований сохраняли в каждую литературную эпоху устойчивый содержательный объем, общее смысловое ядро» [Сайтанов,

1986, с. 142]. *Система адресаций* также выполняла контекстообразующую функцию.

Конечно, при определении роли стихотворения в книге следует учитывать и такие «мелочи», как его объем, жанр, тип субъектности, наличие или отсутствие при нем датировки, эпитафия. Однако эти «паспортные данные» отдельной единицы снижают свою значимость в контексте книжного массива, будучи «передоверены» художественному целому. Таким образом, композиционное решение той или иной конкретной многосоставной структуры определяется взаимодействием составляющих ее внутреннего контекста. Семантическое пространство ее подчас сравнимо с многозначной и «многозвучной» симфонической формой, внутри которой отдельные стихотворения, циклы, лейтмотивы, по известному выражению А.С. Кушнера, «перезваниваются», «подают друг другу руки».

Метажанр дает поэту уникальную возможность моделирования *масштабного событийного комплекса*, посредством которого и производится «концептуализация потока происходящего» [Кушнер, 1975, с. 8]. В то же время он сохраняет свойственную лирическому роду природу времени: «мгновенность как метонимию вечности», членимость потока бытия на отдельные фрагменты.

Давно отмечено, что «между жизненными ситуациями и “лирическими ситуациями” поэтического текста располагается определенная кодирующая система, которая определяет то, как те или иные явления из мира реальности преломляются в конструкции текста» [Лотман, 1996, с. 89]. Исследовательская практика подсказывает плодотворность выявления системы лирических ситуаций в анализе книги. В.А. Грехневу принадлежит следующее определение: «Ситуация – отдельное, относительно завершенное положение, “сцена” в картине сюжета» [Грехнев, 1998, с. 159]. Последовательность таких «сцен» определяется единой коллизией, неким *метасюжетом*, лежащим либо целиком в духовной сфере лирического субъекта, либо объективируемым через динамику хронотопа (путешествия в пространстве и времени, серия «поступков», внешних ситуаций).

Подчас ритмико-динамическое развертывание темы и сюжетное развитие мотивного комплекса трудно дифференцировать. Так, тема стихотворной книги Я. Полонского «На закате» – последняя вспышка жизненной энергии, интенсивность творческого дара у лирического героя, обостренность восприятия мира в момент перелома от зрелости к старости и смерти. Конкретное воплощение процесса происходит в различных планах: психологическом, социальном, эстетическом, есте-

ственно-природном. Поэтому в построении книги доминирует несколько повторяющихся мотивов и ситуаций, система которых создает *метасобытие ЗАКАТА* как всеобщего состояния, столь же естественного и прекрасного, сколько жестокого и безобразного в восприятии мыслящего существа.

Закономерным представляется высказывание известного исследователя жанровых процессов русской лирики, О.В. Зырянова: «Гермин “ситуация” (в отличие, например, от традиционного понятия “тема”) заключает в себе именно сюжетобразующие возможности <...> ситуация заявляет некую модель текста, обнаруживая при этом сам механизм текстопорождения» [Зырянов 2000, с. 57]. Например, одна из версий итоговой книги, книга-дневник, реализованная Жемчужниковым, состоит из ряда страниц-впечатлений, страниц-медитаций. Связь соседних стихотворений обеспечена линейной, хронологической последовательностью не самих ситуаций, но их «записей». В основе их системности – единство авторской личности в процессе ее самоопределения, размышлений о мире и о себе.

Как видим, рассмотрение *архитектоники* связано с проблемой *сюжетности* лирической книги, требует дифференцированного подхода к различным типам изданий и нуждается в дальнейшей разработке на основании обширного материала. Тем не менее, вопросы взаимодействия архитектуры и сюжетной динамики неизбежно встают при анализе любой книжной формы.

Литература

- Белый А. Стихотворения и поэмы. М. ; Л., 1966
- Грехнев В.А. Словесный образ и литературное произведение. Нижний Новгород, 1998.
- Дарвин М.Н. Русский лирический цикл. Проблемы истории и теории. Красноярск, 1988.
- Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова : жанровые процессы. Екатеринбург, 1996.
- Зырянов О.В. Ситуация любви к мертвой возлюбленной в русской поэтической традиции // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург. 2000. № 17.
- Козлова С.М. Рецептивная эстетика книготорчества Тимура Кибирова // Авторское книготорчество в поэзии : в 2 ч. Омск, 2008. Ч. 2.
- Кушнер А.С. Книга стихов // Вопросы литературы. 1975. № 3.
- Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
- Мирошникова О.В. Лирическая книга : архитектоника и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX века). Омск, 2002.
- Сайтанов В.А. Пушкин и рождение хронологического принципа // Редактор и книга. М., 1986. Вып. 10.
- Фоменко И.В. Лирический цикл : становление жанра, поэтика. Тверь, 1992.
- Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

СПАЦИАЛЬНОСТЬ УЧЕБНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

С.Б. Черемисина

Ключевые слова: поликодовый текст, пространство учебно-научного текста, ментальное пространство, спациальность.

Keywords: polysemiotic text, the space of scientific-educational text, cognitive space, spaciousness.

В настоящее время в поле пристального внимания ученых находятся различные типы текстов: рекламный текст, текст комикса, пресстекст, учебно-научный текст, телетекст, а также радио- и гипертексты. Авторы рассматривают текст в различных аспектах, однако для нас особый интерес представляют работы тех из них, которые анализируют поликодовые тексты в когнитивном аспекте. Интерес исследователей-когнитивистов к поликодовому тексту главным образом проявляется в изучении характера взаимодействия его компонентов, представленных разноприродными знаками в процессе смыслопорождения и способов влияния его результатов на мышление реципиента.

Несмотря на то, что количество исследований поликодовых текстов постоянно увеличивается, все еще существуют малоизученные типы текстов. Так, практически неизученным в когнитивном аспекте остается такой тип поликодового текста как учебно-научный. Этот тип текста является основной единицей учебно-научной коммуникации и служит источником гетерогенных познавательных структур, предназначенных для особого специфического реципиента – учащегося.

Вслед за И.В. Рогозиной, которая исследует медиатекст в когнитивно-семиотическом аспекте, мы считаем, что и учебно-научный текст представляет собой особый тип поликодового текста, который рассматривается нами как полисемиотическая, вербально-авербальная

система, состоящая из негомогенных возрастоспецифичных когнитивных структур, интериоризируя которые реципиенты-учащиеся формируют учебно-научную картину мира [Рогозина, 2003]. Учебно-научная картина мира является последовательно формируемой частью концептуальной картины мира реципиента-учащегося, что ведет к ее расширению через развитие его когнитивной системы. Поэтому изучение семиотически разноприродных составляющих учебно-научного текста помогает понять способы репрезентации действительности для специфического реципиента и особенности их влияния на формирование его когнитивной системы.

В процессе исследования текста ученые обращают внимание на его способность существовать в пространстве: как *ментальном* [Брудный, 1998; Лотман, 1999], так и *реальном* [Топоров, 1983; Брудный, 1998; Борисова, 2003] (курсив мой – С. Ч.). Исследованием категории пространства занимаются многие ученые (Яковлева, 1994; Рахилина, 1995; Апресян, 1995; Лотман, 1996; Кубрякова, 1997; Гак, 1998; Кобозева, 2000; Караулов, 2001; Борисова, 2003 и др.). Взгляд на пространство как на одну из «первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком...» [Гак, 1998, с. 670], всецело разделяется учеными, а пространственные отношения, отображающие соположение разнородных объектов реальности, рассматриваются в качестве фундаментальных. В рамках некоторых исследований пространство сравнивается с текстом [Бахтин, 1979; Топоров, 1983; Лотман, 1996; Брудный 1998, Борисова 2003]. Например, С.А. Борисова приписывает пространству такие характеристики текста, как протяженность, вместительность, читаемость и др. [Борисова, 2003]. В этом смысле можно говорить как о реальных пространственных характеристиках поликодового текста и его составляющих, участвующих в смыслопорождении, так и о ментальных проекциях этих пространственных характеристик. Тексту свойственны такие характеристики пространства, как протяженность, членимость на смысловые блоки, связность, относительную прерывность, не влияющую на цельность, трехмерность, то есть наличие размера, объема, глубины [Борисова, 2003]. Следовательно, учебно-научный текст представляет собой пространство, особым образом организованное, заполненное репрезентантами различных знаковых систем, преобразуемых мышлением в ментальные структуры, констатирующие учебно-научную картину мира.

В рамках отдельных работ пространственность текста раскрывается с разнообразных сторон. Прежде всего выделим ученых, которые исследуют пространство «ментального текста», по-разному трактуя

его. Ю.Н. Караулов говорит о пространстве языковой картины мира индивида [Караулов, 2001], подтверждая мысль о том, что ментальное пространство когнитивно значимо и фиксируется средствами языка. Ю.М. Лотман и Дж. Динсмор рассматривают в качестве ментального пространства когнитивную систему индивида и общества в целом [Лотман, 1996, 1999; Борисова, 2003]. При этом поднимается вопрос о принадлежности пространственных представлений донаучной [Яковлева, 1993; Апресян, 1995] и научной картинам мира [Николова, 1997]. Еще одна группа ученых сосредоточивает свое внимание на метаединицах описания пространства [Агеева, 1984; Яковлева, 1994; Рахилина, 1995; Кубрякова, 1997; Кобозева, 1997], что в рамках когнитивного подхода особенно актуально при конструировании языковой модели пространства.

М.К. Мамардашвили косвенно указывает на то, что сознание это пространство и приравнивает его к тексту [Мамардашвили, 1997]. Пространственные характеристики текста могут быть отнесены и к сознанию, в связи с его текстуальностью. Таким образом, внешнее пространство читается с помощью внутреннего и объективируется в том числе и в вербально-авербальном формате. Причем А.А. Брудный настаивает на том, что ментальное пространство предшествует вербальному, так как текст представляет собой объективацию ментального пространства [Брудный, 1998]. Иными словами, пространством учебно-научного текста является овнешненное ментальное пространство продуцента, которое представляет собой проекцию пространства физического. В свою очередь пространство учебно-научного текста интегрируется посредством ментального пространства реципиента.

Существует группа ученых, которые рассматривают текст как объект реального пространства [Топоров, 1983; Брудный, 1998; Борисова, 2003]. Согласно их точке зрения текст пространственен как в силу того, что сам отображает пространство, так и в силу того, что занимает его часть. Более того, В.Н. Топоров заявляет, что текст обладает *внутренним пространством*, однако речь ведется не о вербально-авербальных компонентах текста, а о реалиях бытия, описанных в вербальном тексте [Топоров, 1983]. Н.Д. Арутюнова тоже видит пространственность как характеристику объектов реальности, репрезентированных в тексте [Арутюнова, 1999]. Интерес к этой теме вытекает из понимания того факта, что пространство «не является простым вмещением объектов, а скорее наоборот – конституируется ими...» [Яковлева, 1994, с. 21], то есть не обладает самостоятельным бытием и является формой существования материальных объектов.

В свете сказанного становится очевидной новизна такой постановки вопроса как пространственное соотношение разнокодовых составляющих учебно-научного текста. Располагаясь в пространстве учебно-научного текста, гетерогенные компоненты создают возрастоспецифичную вербально-авербальную систему, успешно интериорируемую реципиентом-учащимся. Размерное соотношение компонентов учебно-научного текста когнитивно значимо, способствует когнитивному развитию реципиента-учащегося и поэтому требует тщательного изучения.

Ни в одной из упомянутых работ не рассматривается физическое пространство текста, сконструированное с помощью его вербально-авербальных элементов и трансформирующееся в пространство ментальное. Ученые приходят к выводу, что базовые (пространственно-временные) характеристики явлений мира можно отнести и к тексту [Брудный, 1998; Арутюнова, 1999; Борисова, 2003], то есть он обладает такими параметрами, как пространственность, темпоральность, множественность и сложность. Для нашей работы значимы не столько пространственные характеристики предметов реальности, отраженные в тексте, сколько когнитивно значимые пространственные характеристики вербальных и авербальных компонентов текста. Если ученые рассматривают пространственные отношения между объектами реальности, то мы предлагаем иной, в противоположность аутсайдерному, инсайдерный взгляд на текст: являясь объектом восприятия, занимающим некоторую часть пространства, репрезентируя «содержание» материального пространства, он и сам характеризуется пространственными отношениями его составляющих. Иными словами, коды, из которых состоит текст, вступают в пространственные отношения между собой. Эти отношения уже сами по себе когнитивно значимы: вербально-авербальные компоненты конституируют реальное пространство учебно-научного текста, которое трансформируется в ментальное пространство реципиента-учащегося, детерминирующее его когнитивное развитие.

Помимо прилагательных «пространственный», «протяженный» в некоторых работах встречается термин «спациальный» (от лат. *spacio*). Кому принадлежит этот термин, вопрос спорный, однако известно, что еще Ж. Бодрийяр понимал спациальность как перевод временных категорий в пространственные и говорил о спациальности таблиц, схем, то есть авербальных компонентов текста [Бодрийяр, 1995]. Мы же полагаем, что имеется возможность ввести этот термин в лингвокогнитив-

ную парадигму, в силу того, что он обладает определенными ориентирующими свойствами, детерминирующими его объяснительную силу.

Для нас важны слова С.А. Борисовой о том, что для ориентации в любом пространстве необходимы когнитивные структуры, обладающие пространственными характеристиками [Борисова, 2003]. Это отражает значимость категории пространства для познающего мир индивида, и в рамках диады «текст – пространство» указывает на взаимосвязь смыслового и знакового пространств, на обусловленность первого вторым.

Успешная ориентация в знаковом поле учебно-научного текста детерминирована степенью владения реципиентом пространственными когнитивными структурами, которая помимо других факторов обусловлена и возрастом реципиента. Так же как большой опыт определения пространственных отношений способствует хорошей ориентации индивида в пространстве, так и высокий уровень владения пространственными когнитивными структурами позволяет декодировать учебно-научный текст повышенной знаковой сложности. То есть характер завершенности пространства учебно-научного текста знаками разной природы зависит от возраста реципиента. Онтогенез ментальной деятельности индивида протекает по пути от конкретно-образного к абстрактно-понятийному мышлению, то есть уровень развития абстрактно-понятийного мышления реципиента-учащегося, позволяющий дифференцировать и анализировать не только целое, но и частности, с возрастом увеличивается [Серикова, URL]. Это позволяет с возрастом уменьшать спациальность авербальных составляющих учебно-научного текста и увеличивать спациальность вербальных, так как последние являются более сложным инструментом освоения мира [Серикова, URL; Сонин, 2006].

Согласно ученым, изучающим категорию пространства, пространственность заключается в расположении объектов в определенной позиции по отношению друг к другу (рядом, сбоку, внизу, внутри и др.), на определенном расстоянии друг от друга [Николова, URL], что мы наблюдаем и в учебно-научном тексте. Отсюда следует, что спациальность учебно-научного текста – это положение его негомогенных компонентов, обладающих определенной формой и размером, находящихся на определенном расстоянии друг от друга и располагающихся относительно друг друга в пространстве учебно-научного текста, в результате чего возникает когнитивно значимое соотношение. Под спациальностью мы будем понимать возрастоспецифичные размерные соотношения негомогенных элементов учебно-научного текста, тем

более, что существует мнение о том, что протяженность объектов является основополагающим фактором формирования пространственного значения [Рахилина, 1995]. Что касается топологических свойств объектов, мы будем обозначать их термином «локационный», что, на наш взгляд, поможет избежать путаницы при анализе учебно-научных текстов в когнитивно-семиотическом аспекте, тем более что мы исходим из принадлежности и специальных и локационных свойств объектов категории пространства.

Можем заключить, что спациональностью обладают гетерогенные элементы учебно-научного текста, участвующие в особой (обучающей) коммуникации между специфическими участниками (Продуцент – Текст – Учитель – Текст – Реципиент) для создания учебно-научного фрагмента картины мира реципиента. Вербально-авербальные компоненты учебно-научного текста обладают и спациональностью и локациальностью. Этими свойствами обусловлена возможность трансформации реального пространства учебно-научного текста в ментальное пространство когнитивной системы реципиента-учащегося.

Спациональность составляющих учебно-научного текста детерминирована возрастом реципиента. Сопоставительный анализ учебно-научных текстов для учащихся разных возрастов позволяет прийти к заключению о наличии когнитивно значимой корреляции между спациональностью вербальных и авербальных компонентов учебно-научного текста и степенью развития абстрактно-понятийного мышления реципиентов: чем оно более развито, тем менее оно нуждается в выраженной спациональности авербального компонента.

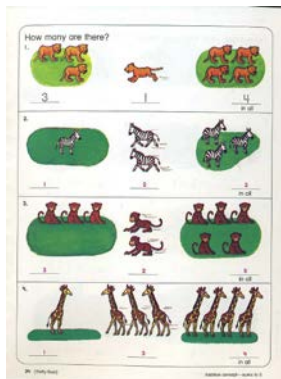

Рис. 1. Учебно-научный текст для младших учащихся

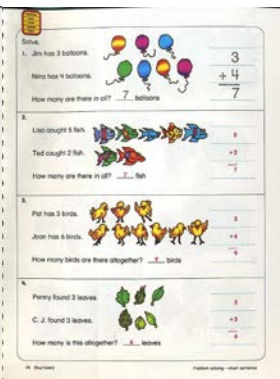

Рис. 2. Учебно-научный текст для учащихся средних классов

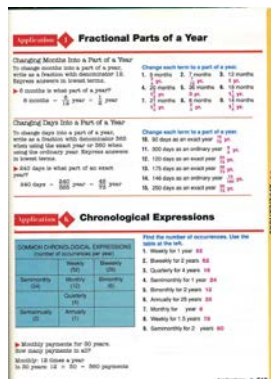

Рис. 3. Учебно-научный текст для старших учащихся

Так, в серии учебно-научных текстов по математике для учащихся разных возрастов можно наблюдать постепенное уменьшение спациональности авербальных компонентов по сравнению с вербальными, спациональность которых с возрастом реципиента наоборот увеличивается.

Таким образом, спациональность разнокодовых элементов учебно-научного текста, характеризующаяся возрастоспецифичностью, влияет на процесс интериоризации и при невозрастоспецифичном использовании может вызывать появление когнитивных шумов, то есть препятствовать интериоризации учебно-научного текста.

Литература

- Агеева Р.А. Категория пространства и способы ее выражения в языке // Категории и законы марксистско-ленинской диалектики и язык. М., 1984.
- Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. М., 1995.
- Т. 2.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.
- Борисова С.А. Пространство – Человек – Текст. Ульяновск, 2003.
- Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М., 1998.
- Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
- Караулов Ю.Н. Языковое сознание как процесс. София, 2001.
- Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 1997.
- Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка. СЛЯ. 1997. Т. 56. № 3.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.
- Лотман Ю.М. Текст как смыслопорождающее устройство. М., 1999.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символах и языке. М., 1997.
- Николова А. Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian.slavica.org/article113.html>
- Николова А. Функциональная грамматика. Способы выражения пространственных значений в русском языке (на фоне болгарского). Шумен, 1997.
- Рахилина Е.В. Семантика размера // Семиотика и информатика. М., 1995. Вып. 34.
- Рогозина И.В. Медиа-картина мира : когнитивно-семиотический аспект. Барнаул, 2003.
- Серикова И.А. Визуальное мышление младших школьников [Электронный ресурс]. URL: http://inka.duma.midural.ru/.../rabota_viz_mishl.html
- Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов. М., 2006.
- Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст : семантика и структура. М., 1983.
- Яковлева Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания. 1993. № 4.
- Яковлева Е.С. Пространство умозрения и его отражение в русском языке. М., 1994.

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ КАК ОТКЛИК НА ЗАПРОСЫ ВРЕМЕНИ

Н.А. Грищенко

Ключевые слова: лексический запас, формирование положительного образа, культурно-просветительское значение, практические причины.

Keywords: vocabulary, the creation of positive image, cultural meaning, practical reasons.

Сложные взаимоотношения между Великобританией и Россией на протяжении многих времен приобретают в конце XIX века более стабильный и спокойный характер. В связи с этим меняется и восприятие самой России британским обществом. Многие образованные англичане говорят о необходимости изучения русского языка. Примером тому могут быть высказывания известного филолога и переводчика В.Р. Рольстона, который писал: «Язык, на котором разговаривают миллионы людей, язык богатый, певучий, ясный, являющийся ключом, открывающим активно зарождающуюся, энергичную литературу, которой, я уверен, предназначено быть услышанной по всему миру. Чем больше людей будет изучать русский язык, тем больше людей в Англии освободится от поразительного невежества в отношении всего русского» [Riola, 1890, preface].

Мысль о необходимости изучения русской литературы, языка и менталитета россиян является основополагающей и во многих других работах. Так, профессор русского и славянских языков У.Р. Морфил в своей лекции о причинах изучения славянских языков утверждал, что отсутствие знаний о России уже привело к непониманию и серьезным негативным последствиям – Крымской войне. Он говорил об этом так: «Для того что бы правильно разобраться в Восточном вопросе <...> мы должны понять мышление Славян, знать их язык и литературу. Иначе эта раса так и останется для нас загадкой» [Morfill, 1890, с. 32].

Несомненный интерес представляет мнение Г. Риола, профессора русского языка и создателя грамматик и хрестоматий, который также с горечью отмечал ограниченность знаний своих соотечественников о стране, с которой их связывают столь давние отношения, и подчеркивал, что «необозримое множество новых, сильных, оригинальных произведений, включающих в себя неопределимые географические, этноло-

гические, лингвистические сокровища, результат жизни Славян, их мыслей, культуры России, за исключением нескольких ничтожных переводов и немногих имен, является пока недостижимыми знаниями даже для образованных людей Англии» [Riola, 1890, с. V].

О чрезвычайной важности изучения русского языка для англичан в начале XX века писал лектор новых языков и литературы Лондонского института С. Раппопорт. В предисловии к русской грамматике он говорил, что «несмотря на пренебрежение в прошлом, русский язык заставил обратить на себя внимания думающих людей Англии, и в настоящее время он становится не только ценен, но и действительно важен» [Rapport, 1903, preface].

Для того чтобы удовлетворить растущий интерес к русскому языку, были подготовлены для печати учебные пособия зарубежных русистов конца XIX – начала XX века, анализ которых показал существование нескольких причин изучения русского языка британцами.

1. Интерес к России, русскому народу и к русской литературе

Одной из причин изучения русского языка в Великобритании конца XIX – начала XX века был растущий интерес к самой России и к русской литературе в особенности, о чем свидетельствует такая отличительная черта учебных пособий по русскому языку, как широкое использование в них литературных произведений российских авторов. С.К. Милославская подчеркивает, что «с начала XIX века именно русской литературе суждено было стать важнейшим средством формирования образа России в учебниках РКИ и в XIX, и в XX веках» [Милославская, 2008, с. 265].

В подтверждение этому можно также привести слова Г. Риола, которыми он начинает свое руководство по русскому языку: «Русская словесность, бывшая долгое время подражательною, со времени Пушкина и Гоголя становится вполне национальною и самобытною» [Riola, 1890, preface]. Его «Книга для чтения» являлась примером учебных пособий, включающих прозаические и поэтические произведения таких наиболее известных деятелей российской культуры, как В.А. Жуковский, И.А. Крылов, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.И. Даль, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой и т.д. Необходимо также особенно отметить включение в данное пособие некоторых текстов («Петр Великий под судом», «Награда по заслугам» и др.), которые, представляя факты истории России, заставляют восхищаться моральными устоями и духовной твердостью людей Государства Российского. Предлагая для чтения сказки и басни, Г. Риол знакомит уча-

щихся с главными чертами характера, присущими именно русскому народу. Показательно, что автор обращает особое внимание читателей на смекалку и юмор русских людей, доказывая это на примерах русских народных сказок и анекдотов. Хотелось бы предложить высказывание самого автора, которое четко и ясно отражает цель данного учебного пособия: «Я верю, что мой скромный труд может оказать некую помощь в продвижении отношений в сфере просвещения между двумя великими нациями, от взаимного уважения и дружбы коих зависит в огромной степени благополучие всего мирового сообщества» [Riola, 1890, с. X].

Пособие Г. Риола не было единственным, ставившим своей целью обогатить учащихся в интеллектуальном, культурном и моральном плане и создать положительный образ России и русских в английской картине мира. Данная тенденция наблюдается и во многих других пособиях по русскому языку конца XIX – начала XX века. Так, автор одного из них К.А. Тим пишет о целях создания учебных пособий по русскому языку того периода: «Я надеюсь, что те, кто будет читать эти страницы, найдет помощь и поощрение в изучении литературы, вызывающей большой интерес, и познакомится с нацией любезной, культурной и высоко лингвистической» [Thimm, 1915, preface].

Характерно то, что многие из учебных пособий по русскому языку на рубеже веков предлагали достаточно полную информацию о России (ее истории, географии и т.д.), обращая особое внимание на менталитет русских людей. Для этого использовалась не только лексика, пословицы, поговорки, но и тексты, представленные в виде упражнений на закрепление грамматических правил, и отрывки или полные произведения российских авторов в виде упражнений для чтения.

Интерес со стороны англичан к характеру и душе русского человека нашел отражение также и в двух учебных пособиях по русскому языку профессора новых языков Королевского технического института в Пьячензе П. Мотти.

В своей «Русской грамматике для начинающих» (*Elementary Russian grammar*. London, 1890) автор предлагает обширную информацию об истории и знаменитых россиянах на примере текстов для чтения: «*Внимание и строгость Князя Потемкина*», «*Юность Петра Великого*» и т.д. Обращает на себя отдельное внимание также и глава «*Наиболее распространенные слова русского языка*», ознакомление с которыми символично начинается с религиозной лексики: *Бог, творец, рай, ад, ангел* и т.д., что дополняет образ русского человека, акцентируя внимание на его духовном мире.

«Русская разговорная грамматика» П. Мотти (Russian conversation-grammar. London, 1890) также целиком посвящена знакомству английских учащихся с Россией и «живым русским языком» (П. Мотти). Следует отметить, что в упражнениях на перевод с английского на русский автор предлагает большое количество текстов о России, взятых из произведения Д. Маккензи-Уолесса «Россия». Каждое упражнение посвящено определенной теме: города России, реки, горы, история, традиции и т.д. Кроме того, П. Мотти использует отрывки из известных произведений знаменитых русских писателей В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М. Горького с целью ознакомления учащихся как с литературой и историей России, так и с отношением русского народа к религии. Автор акцентирует внимание на такой форме народного творчества, как пословицы и поговорки, являющиеся в наибольшей мере отражением устоев и принципов, по которым живет общество. А тот факт, что пословицы предложены им не с переводом, а с английскими эквивалентами, позволяет рассматривать это как попытку выявить общее в языковой картине мира двух народов.

2. Практические цели – политические отношения России и Великобритании

По мнению историков, интерес к Российскому государству в конце XIX – начале XX века имел под собой политические основания. Крымская война послужила поводом к разрыву всяких дипломатических и торгово-экономических связей между двумя державами, что отрицательным образом отразилось на экономике как России, так и Великобритании. Вследствие этого конец XIX – начало XX века являлся периодом восстановления утраченных ранее взаимовыгодных отношений. Предпочитая «худой мир доброй ссоре», Российская и Британская империи мирным путем делят сферы влияния в Средней Азии, на Памире, в Китае. Естественно, что такое активное взаимодействие двух держав нашло отражение и в учебниках по изучению русского языка, созданных в Великобритании в этот период. Анализ учебных пособий конца XIX – начала XX века позволяет заключить, что многие из них были написаны людьми, имевшими отношение к армии и флоту, либо для колледжей, где велось обучение офицерского состава Британии.

Исключительно практическая направленность этих пособий, а также присутствие наряду с лексикой общего плана внушительного списка терминов, относящихся к военному делу (армии и флоту), является их особенностью.

Ярким примером учебников такого типа можно назвать и «Русскую разговорную грамматику» П. Моти с ее разделом «армия и флот», представленным словами, словосочетаниями, высказываниями, диалогами по военной тематике и художественными произведениями, затрагивающими эту тему. Например, в этом учебном пособии представлен отрывок из рассказа Л.Н. Толстого «*Севастополь в августе 1855*».

В этой связи, также обращает на себя внимание учебное пособие К.А. Тима «Английские, французские, турецкие, русские слова и разговоры». Особый интерес вызывает контрастный метод изложения лексического материала, который разбит на две группы.

1. *Война*, где предложена лексика, относящаяся к военной тематике, представлена на четырех языках. Кроме непосредственно военных терминов в этот раздел автором включены слова: *боль, кровь, смерть, названия болезней и ранений*, что является отражением собственных мыслей автора о войне, которые он хотел бы донести и до учащихся.

2. *Мир*, где предлагается лексика духовной тематики (*Бог, Создатель, Святой дух, ангел...*) и слова, выражения, диалоги, отражающие простую, повседневную жизнь людей в мирное время.

3. Практические цели – торгово-экономические отношения России и Великобритании

Прочные торгово-экономические отношения, связывавшие Россию и Великобританию на протяжении многих лет, также могут быть отнесены к причинам, которые пробуждали интерес англичан к русскому языку. В доказательство этому можно привести высказывание К.А. Тим, который в предисловии к самоучителю по русскому языку отмечал, что если Великобритания желает успешно сотрудничать с такой «Силой» (Россия), продвигая свою коммерцию и торговлю, британские школы должны серьезно задуматься об изучении русского языка для практического применения [Thimm, 1915, preface].

Среди пособий, предоставляющих для изучения наряду с общей лексикой торгово-экономическую терминологию, был учебник П. Мотти «Русская разговорная грамматика». Один из разделов данного учебника – это «Фразы для торговых дел и деловая корреспонденция». Следует особенно отметить детальное предоставление информации о деловой корреспонденции (*примеры деловых писем, векселей, таможенных деклараций*) на русском и английском языках. Как приложение в учебном пособии дана таблица весов, мер и денежных единиц.

Д. Бондар, учитель русского языка в муниципальной школе экономики Манчестера и создатель учебного пособия «Краткая русская грамматика» (Bondar's simplified Russian method (conversational and Commercial). London, 1915), также акцентирует внимание на важности изучения русского языка англичанами для достижения положительных результатов в сфере коммерции. Это пособие включает в себя курс делового языка, состоящий из деловой корреспонденции: *письма, терминология, касающиеся различных сфер коммерческой деятельности*. В завершении данного раздела вниманию учащихся предлагаются тексты для чтения деловой тематики. По мнению Д. Бондара, после тщательного изучения этого учебного пособия учащиеся должны получить хорошие знания русской грамматики и словарный запас, достаточный для активного языкового общения в сфере торговли и написания деловой корреспонденции [Bondar, 1915, с. IV]. Включая в учебное пособие необходимую как для каждогодневного, так и делового общения лексику, автор подчеркивает именно практическую цель изучения русского языка и объясняет это так: «В связи с постоянно развивающимися отношениями Англии и России, как в коммерческой, так и в социальной сферах, практическое знание русского языка день ото дня становится все более необходимо для англичан» [Bondar, 1915, preface]. Аналогичную структуру мы можем наблюдать и в других учебных пособиях по русскому языку этого времени.

Таким образом, русский язык на рубеже XIX – XX века был чрезвычайно востребован в среде носителей английского языка, и вся учебная литература явилась откликом на настоятельные запросы времени.

Литература

- Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М., 1979.
 Милославская С.К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. М., 2008.
 Bondar D. Simplified Russian method. London, 1915.
 Freeth F. A condensed Russian grammar : for the use of staff-officers and others. London, 1886.
 Freeth F. A first Russian reader. London, 1916.
 Ivanov A.A. (Gowan, Walter E.) Russian language Grammar. London, 1882.
 Morfill W.R. An assay on the importance of the study the Slavonic Language. London, 1890.
 Motti P. Elementary Russian grammar. London ; New York ; Boston ; Heidelberg, 1901.
 Motti P. Russian conversation-grammar. London ; New York. Boston ; Heidelberg, 1908.

Rapport S. Hossfeld's new practical method for learning the Russian language. London, 1903.

Riola H. How to learn Russian. A Manual for students of Russian. London, 1890.

Riola H. Key to the exercises of the Manual for students of Russian. London, 1878.

Riola H.A graduated Russian reader. London, 1891.

Thimm C.A. English, French, Turkish, Russian vocabulary and dialogues. London, 18(80).

Thimm C.A. Marshall, John Russian Self-Taught with phonetic pronunciation. Philadelphia, 1915.

Thompson A.R. Russian and English Dialogues. London, 1882.

ВКЛАД В.П. СВЕТОВА В РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ДЕРИВАТОЛОГИИ¹

О.Л. Арискина

Ключевые слова: история русского языкознания, морфемика, словообразование, термин.

Keywords: the history of the Russian linguistics, morphemics, derivation, term.

Наука требует преемственности, и не только чаяния перспективы, но и знания ретроспективы.

А.А. Реформатский

Историко-научные исследования не только помогают создавать общую картину развития науки, но и неизменно наталкивают на размышления о происхождении конкретных научных идей, теорий, концепций и о закономерностях смены одних теорий другими. Для решения проблем науки изучаются этапы ее становления и развития.

Различные ученые относятся к прошлому своей науки по-разному. Их отношение обусловлено двумя факторами – субъективным и объективным. Первый фактор не однозначен и зависит от склада ума ученого. Среди людей, занимающихся наукой, могут быть такие, которые по образу своих мыслей всегда готовы обращаться к урокам исто-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых, грант МК–2530.2011.6 «Терминологический аппарат учений о морфемике и словообразовании как показатель уровня развития русской лингвистической мысли (XVI–XVIII вв.)».

рии, и такие, которые всецело поглощены сегодняшним днем и не имеют ни времени, ни желания изучать прошлое. Второй фактор вполне однозначен: для решения фундаментальных проблем науки, когда требуется разработка новых понятий, гипотез, теорий, исторический подход к проблеме становится насущной проблемой, необходимостью.

Таким образом, чтобы лучше понять настоящее своей науки и взглянуть хотя бы в недалекое ее будущее, ученым необходимо обращаться к ее прошлому и искать в нем источники научных идей.

Словообразование и морфемика характеризуются как молодые науки, хотя зачатки учений о них находим в древности, в грамматических трудах XVI века. Естественно, с XVI века по XXI век морфемика и словообразование развивались, взгляды ученых на состояние этих разделов тоже эволюционировали, что в совокупности привело к становлению данных учений в качестве самостоятельных наук.

Вопрос о формировании учений о морфемике и словообразовании до сих пор не изучен и нуждается в историческом освещении, так как без знания начального этапа становления морфемики и словообразования и формирования их терминологий нельзя понять, объективно описать и оценить современные достижения ученых в этих областях: многие словообразовательные процессы, морфемные единицы и морфемно-словообразовательные термины, известные современной науке, ведут свое начало с доломоновских времен.

Необходимость создания истории словообразовательной науки ставили еще на I-ой Конференции по словообразованию в Казанском государственном университете (декабрь 1958 года). Тогда же было весьма актуально найти в истории науки опору для обоснования современных решений.

Словообразовательная наука создавалась в основном усилиями российских ученых, поэтому одна из задач современных исследователей – показать русский приоритет в этом разделе знания.

В данной статье речь пойдет о вкладе незаслуженно забытого лингвиста В.П. Светова в развитие русской дериватологии.

О Василии Прокофьевиче Светове – ученом XVIII века – до наших дней дошло совсем немного информации.

Известно, что он является автором таких лингвистических работ, как «Опыт нового русского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах Российских писателей» (СПб., 1773) и «Краткие правила ко изучению языка российского, с присовокуплением кратких правил российской поэзии или наука пи-

сать стихи, собранные из новейших писаний в пользу обучающегося юношества» (М., 1790).

В нашей работе впервые предпринята попытка проанализировать труды В.П. Светова с целью выявления в них сведений о морфемике и словообразовании русского языка.

В небольшой по объему (42 страницы) работе 1773 года сведений о морфемной стороне языка совсем немного. Они сводятся к следующему:

1) слова (речения) составлены из слогов (складов), которые, в свою очередь, составлены из букв¹ [Светов, 1773, с. 30];

2) предлоги рассмотрены как служебная часть речи, которая должна писаться раздельно с именами² («*Предлоги* отъ именъ отдѣляются. По сему несправедливо пишутъ: *загородомъ, восто кратъ, во-Тверь, по-берегу и др.*»³ [Светов, 1773, с. 27]); падежные окончания могут иметь варианты, которые различаются стилистически: -у характерно для просторечия, -ѣ – для церковнославянского языка [Светов, 1773, с. 26–27].

Как видим, морфемика тесно переплетена с морфологией, вернее, со словоизменением.

О словообразовании упоминается совсем кратко. Так, из текста работы понятно, что автор традиционно подразделяет языковые единицы на *производные* и *первообразные*, вслед за Ломоносовым гово-

¹ Морфемная и фонемная сторона в то время не различались, и слогораздел в видении ученых той поры часто совпадал с морфемной структурой слова.

² Впервые термин *предлог* без дефиниции встречается в ранних славянских грамматиках. Данный термин употреблялся в двух значениях: 1) служебная часть речи; 2) префикс. В средневековой лингвистике и в языкознании Нового времени эти значения долгое время не разделялись. Первое научное определение принадлежит В.Е. Адодурову: «Предлог – частица, которая никакого совершенного понятия не изъявляет, как только с помощью другого слова, которое от нее управляется» (Здесь и далее дефиниции из грамматик В.Е. Адодурова даются по кн.: [Успенский, 1975]). А.П. Сумароков определяет *предлог* как частицу слова. В грамматике П.И. Соколова дефиниция дается лишь к первому значению термина: «речения несклоняема», то есть неизменяемая часть речи. В то же время без дефиниции предлог функционирует в тексте и как префикс. В работе А.С. Никольского предлоги – это «частицы, которые поставляются перед именами для обозначения отношения к ним других имен, выражаемого предшеством глагола». Предлоги как часть речи обозначались еще терминами *присоединительные предлоги* (в работах Н.Г. Курганова) и *раздельные предлоги* (в работах М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, Аполлоса, П.И. Соколова). Предлоги в значении префикса назывались терминами *слитные предлоги* (в работах М.В. Ломоносова) и *сходственные предлоги* (в грамматике А.А. Барсова).

³ Здесь и далее иллюстрации из грамматик даются курсивом, термины морфемике и словообразования, функционирующие в лингвистических работах, – полужирным.

рит о *произвождении* и *сложении*, правда, не дефинирует эти термины. Данные терминологические единицы используются для объяснения орфографических норм, которые основаны на морфемном принципе: «Во *словах производных* надобно осторожно удерживать правописание *первообразных* ихъ; не писать: *скляница* вм. *сткляница*, *выслать*, то есть *вымостить* вм. *выстлатъ* <...> Тоже самое надлежит примѣчать и въ словах числительныхъ, не писать: *двацать*, но *двадцать*, такъ же *отворить*, но *оттворить*. Однако же въ семь должно смотрѣть, чтобъ не чрезъ чуръ явны были *слѣды произвожденія и сложения реченій*; на примѣръ не должно писать: *нужднѣй* вм. *нужный*, *обвозъ* вм. *обозъ*, *обворачивать* вм. *оборачивать*; *обязанъ* вм. *обязанъ*. <...> Наблюдать должно, *изъ какихъ частей оныя слова составлены*, и какъ *простыя* онѣ пишутся: ибо *срубъ* отъ *срубаю*, *причина* отъ *причинаю*, *срамъ* сокращенно отъ *соромъ*, *разоряю* отъ *разъ* и *орю*, *рукоятка* отъ *руки* и глагола *емлю*, *ити* отъ *иду*, *убійство* отъ *бію* *происходятъ*. Многіе подражая простому выговору вносятъ несправедливо въ *реченія* лишнія буквы, на прим. *струбъ*, *притчина*, *страмъ*, *ндравъ*, *разоряю*, *руковятка*, *идти*, *убивство*...» [Светов, 1773, с. 14–15].

Приведенная выше цитата наталкивает на следующие размышления:

1) в области морфемики В.П. Светов подразделял единицы на простые и сложные, использовал термин *части слова* как синоним современной морфемы;

2) в области словообразования он сделал (конечно, интуитивно) шаг к разграничению синхронного и диахронного словообразования: по сути дела, он приводит примеры опрощения (*обязан*, *обоз*, *оборачиваться*).

Нельзя, однако, умолчать о некоторых словообразовательных неточностях, например: инфинитив *ити* образован, по мнению автора, от одноименного глагола 1 лица, *убійство* от глагола *бью* (*бить*), а не *убить*; неверно утверждение автора, что неполногласное церковнославянское *срамъ* образовано от русского полногласного *сором*, якобы *сокращением*. Однако появление нового термина *сокращение* очень важно (ср. термин *сложносокращенные слова* в современном словообразовании).

Безусловно, в данном лингвистическом труде наблюдается динамика в изучении процессов морфемики и словообразования русского

языка. Правда, пока все новое появляется, подчиняясь не столько логике научных рассуждений, сколько интуиции.

Книга «Краткие правила ко изучению языка российского, с присокуплением кратких правил российской поэзии или наука писать стихи, собранные из новейших писаний в пользу обучающегося юношества» (М., 1790) представляет собой (в своей большей, собственно грамматической части) методически продуманное краткое изложение грамматики Ломоносова с большим количеством грамматических таблиц. Я.К. Грот писал: «В его трудах обнаруживается редкое для того времени понимание законов языка, так что в истории русского слова и письма нельзя забыть Светова» (См. об этом: [Клубкова, Клубков, 2001]).

В сравнении с предыдущим изданием этого автора данная работа, безусловно, большего объема, и учение о морфемике и словообразовании представлено более широко.

Начинается работа с определения *грамматики* – науки, «показывающей путь къ разсудительному языку употребленію» [Светов, 1790, с. 9]. Данная наука разделяется на четыре части: правописание, *произвождение*, сочинение, ударение слов.

Интересующая нас вторая часть трактуется так: «*Словопроизвождение* показывает *прямое происхождение, сложеніе, окончание* и другіе качества словъ» [Светов, 1790, с. 9]. Данное определение отлично от имеющихся в науке того времени. Под *прямым происхождением* впервые в словообразовательной науке имеется в виду производность, а не поиск этимонов. Вообще, надо заметить, что в данной дефиниции акцент со словоизменения смещен на словообразование, а это очень существенно для развития дериватологии.

Все имена в данном труде разделены на 1) простые и сложные; 2) первообразные; 3) собственные и нарицательные; 4) собирательные; 5) притяжательные; 6) отечественные; 7) отеческие; 8) фамильные; 9) увеличительные и умалительные; 10) числительные [Светов, 1790, с. 30]. Как видим, критерии здесь очень многообразны: и по структуре слова, и по его деривации, и по семантике, и по морфологическим показателям. Причем Светов не использует родовых терминов – *вид*¹ и *начертание*¹, что было характерно для его предшественников.

¹ Термин *вид* без дефиниции впервые употребляется в «Адельфотисе...» и в грамматиках Л. Зизания, П.И. Соколова. А.А. Барсов дает латинский эквивалент: *вид* – *species*. М. Смотрицкий определял *вид* как «первообразного речения и производного разделение». В работах Н.Г. Курганова *вид* может быть истолкован как способ словообразования и словообразовательное средство: «*Вид* есть различие между первообразным и про-

Простые «состоятъ безъ *приложенія* другихъ *частей слова*, какъ *Богъ, слово, Москва*», а *сложные* «составлены изъ многихъ дру-

изведенным словом». Традиционно грамматисты рассматривали *первообразный* и *производный вид*.

Первообразный вид впервые встречается в «Адельфотисе...». «Слова, которые от единого происходят: *небо, воздух, земля*» (Л. Зизаний). У А.А. Барсова употребляется в двух значениях: 1) как собственно производные, коренное слово, главный корень: «Первообразные, которые от других слов не происходят (*солнце, зрю, чист*)»; 2) как собственно производящая основа: «Первообразные, от которых есть происходящие другие речения (*свет – светлый*)». В грамматиках XVI–XVIII веков широко использовался синоним этого термина – *первообразные слова* (в грамматиках Е.Б. Сырейщикова, П.И. Соколова, В.П. Светова, Аполлоса, А.С. Никольского).

Производный вид впервые встречается в «Адельфотисе...». «Слова, которые от иного происходят: *небесный, воздушный, земный*» (Л. Зизаний). В грамматиках XVI–XVIII веков широко использовался синоним этого термина – *первообразные слова* (в грамматиках Е.Б. Сырейщикова, П.И. Соколова, В.П. Светова, Аполлоса).

¹ Термин *начертание* в значении морфемной структуры слова употребляется в грамматиках 1586 года – «Адельфотисе...», Л. Зизания, М. Смотрицкого, П.И. Соколова. А.А. Барсов дает латинский эквивалент: *начертание – figura*. М.В. Ломоносов использует данную единицу как графический термин: «Начертания, которые называются по нашему буквы». Традиционно грамматисты рассматривали *простое* и *сложное начертание*.

Простое начертание. «Речение просто сущее, в части значащие разделится не может, яко *слово*» (Грамматика 1586 года, «Адельфотис...», Л. Зизаний, Н.Г. Курганов). «Имя само от себя без примешения стоящее познавается, яко *славный*» (М. Смотрицкий). В грамматиках XVI–XVIII веков широко использовался синоним этого термина – *простые слова*. «Простые слова, которые ни из каких других слов не слагаются» (В.Е. Адодуров). А.А. Барсов дает две дефиниции: 1) «К которым ничего не приложено (*свет, гнев, страна*)»; 2) «Которые из других слов не сложены (*рука, горный, дело, покланяемый, славный*)». В более поздних грамматиках определяли простые слова как те, «которые не составлены из двух или нескольких слов (*мысль, честь, даю*)» (Е.Б. Сырейщиков, П.И. Соколов) или «не состоящие из других слов» (А.С. Никольский, Аполлос).

Термин *сложное начертание* впервые встречается в Грамматике 1586 года, потом в «Адельфотисе...». Л. Зизаний дает дефиницию: «Речение сущее в части значащие разделится может, яко *благословен*». М. Смотрицкий: «Двумя речениями состоящее имя познавается, яко *преславный*». Термин функционирует в работе Н.Г. Курганова. В грамматиках XVI–XVIII веков широко использовался синоним этого термина – *сложные слова*. В грамматике В.Е. Адодурова так называются единицы, «которые из некоторых других состоят». В грамматике А.А. Барсова употребляется в двух значениях: 1) «с которыми в одно слово спереди совокуплено еще одно речение или более (*прогневаю*)»; 2) «из других речений сложное (*рукоятка, нагорный*)». В грамматиках В.П. Светова и Е.Б. Сырейщикова используется только в одном значении: «составленные из многих других речений: *Богослов, словопрения*».

В некоторых работах выделяется еще и *пресложное начертание*. «Речение может разделиться на три части, яко *преблагословен*» («Адельфотис...», Л. Зизаний, Н.Г. Курганов). «Тремя речениями сложное имя предлагается, яко *препрославный*» (М. Смотрицкий).

гих речений, как *Богословъ, словопрение, Законосласткий, Подмосковский* и проч.» [Светов, 1790, с. 30]. Из примеров видно, что автор последовательно относит к простым единицы, состоящие из одного корня, а к сложным – в большей степени – единицы, образованные сложением основ, – и в меньшей степени – единицы, включающие в себя префиксальные образования.

Первообразные – слова, которые «ни отъ какой другой части слова не происходят: *рука, полкъ*», а **производные** – слова, которые «через **наращение многих складов** отъ другихъ происходят: *рукавица, рукоятка, порука, ополчение*» [Светов, 1790, с. 30]. Здесь мы встречаемся с различными терминами: для описания морфемной структуры слова используется номинация **приложение**, для словообразовательной – **наращение складов**. Кроме того, важный момент для словообразовательной науки: Светов показывает на примерах, что **наращение складов**¹ может представлять собой не только суффиксальную морфему, но и префиксальную (*порука*). А это – новая мысль в учении о словообразовании.

Все остальные разряды имен (**притяжательные, отечественные** и т.п.) рассматриваются не только со стороны семантики, но и со стороны словообразования. Однако в этом изложении Светов повторяет учение Ломоносова (вплоть до приводимых примеров).

Отдельной главой дается материал о происхождении женских имен от мужских, излагается подробно (по всем семантическим группам: **отечественные, фамильные** и т.д.), но это описание не выходит за рамки имеющейся традиции: никаких новых форм, моделей, словообразовательных аффиксов здесь не находим.

Несколько нелогичным на общем фоне выглядит учение о морфемной и словообразовательной природе местоимений. Так, к **первообразным** относятся 14 единиц: *я, ты, онъ, самъ, себя, иной, кто, что, тотъ, сей, чей, который, кой, оный*; к **производным** – 5: *мой, твой, свой, нашъ, вашъ*; о **простых** местоимениях не говорится ни слова; к **сложным** отнесены *нѣкто, нѣкий, нѣкоторый, кто нибудь, тотъ, эта, ето* [Светов, 1790, с. 63–68]. Не совсем ясно с позиций современности, в чем сложность трех последних единиц. Однако исходя из истории языковых фактов, известно, что начальный звук [э], присутствующий в данных словах, – бывшая указательная частица, и Светов

¹ Термин **наращение** впервые употребляется в грамматике А.А. Барсова и обозначает суффиксацию: «Приложенные незнаменательные склады (*светлый – светлостъ*)». В работах В.П. Светова появляется термин **наращение складов**, который употребляется в двух значениях: 1) аффиксация; 2) средство словообразования, аффикс.

это, видимо, знал. А, следовательно, местоимения *этой, эта, это* верно отнесены автором к разряду сложных слов.

Учение о морфемной и словообразовательной структуре глаголов не противоречит общей концепции Светова.

В аспекте формообразования мы не находим родового термина – **уравнение**¹, хотя понятийная основа данного явления излагается автором: «Свойства вещей, кои означают имена прилагательныя, бываютъ въ одной вещи превосходнѣе, нежели въ другой, и по тому имѣють три **степени: положительный, разсудительный и превосходный**» [Светов, 1790, с. 33].

Все степени также снабжены дефинициями:

1) **положительный**, «коим просто качество вещей описывается» [Светов, 1790, с. 33];

2) **разсудительный**, «коимъ одна вещь сравнивается съ другою въ свойствѣхъ» [Светов, 1790, с. 33];

3) **превосходный**, «который показываетъ превосходство одной вещи или лица передъ всѣми другими того же качества или свойства (*свѣтлый, свѣтлѣе, свѣтлѣйшій, пресвѣтлѣйшій, всепресвѣтлѣйшій; ученый, ученѣе, ученѣйшій, преученый* и проч.)» [Светов, 1790, с. 34]. (В примерах показаны все степени, несмотря на то, что речь идет лишь о превосходной).

Также говорится о чередованиях в основе при образовании степеней, о роли многозначности лексической единицы и разных степенях сравнения, образованных от одной и той же формальной единицы («Нѣкоторыя прилагательныя по различію знаменованія разные имѣють **разсудительныя степени: добръ, то есть милостивѣ, добръе; добръ, то есть хорошѣ, лучше, красенѣ, то есть цвѣтомѣ, краснѣ, красенѣ, то есть пригожѣ, краше**» [Светов, 1790, с. 56]), о невозможности образования степеней сравнения от некоторых прилагательных («Отъ прилагательныхъ матеріальныхъ **уравнительныя степени** не происходятъ, хотя качества въ одной вещи и могутъ быть превосходнѣе, нежели въ другой. Въ такомъ случаѣ говорится, на пр. *Одно золото чище другаго, а не одно золото золотѣе другаго*» [Светов, 1790, с. 56]). Заметим, что упор на анализ значения лексической еди-

¹ **Уравнение** – родовой термин к степеням сравнения. Впервые встречается в работах М.В. Ломоносова. В грамматике А.А. Барсова один из разрядов производного вида.

ницы при образовании степеней сравнения до Светова тоже никто не делал.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что вклад В.П. Светова в развитие русской дериватологии обусловлен следующими моментами:

- 1) введением в научную речь термина *части слова* (синонима современного термина «морфема»);
- 2) тенденцией к разграничению синхронного и диахронного словообразования;
- 3) осознанием того, что производные слова могут быть образованы не только суффиксацией, но и префиксацией.

Литература

Адельфотис : Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Львов, 1591.

Аполлос (Байбаков А.Д.). Грамматика руководствующая к познанию славено-российскаго языка. Киев, 1794.

Барсов А.А. Российская грамматика // Российская грамматика А.А. Барсова. М., 1981.

Грамматика славянскаго языка. Вильно, 1586.

Зизаний Л. Грамматика словенскаго совершеннаго искусства осми частей слова и иных нужных новоставлений. Вильно, 1596.

Клубкова Т.В., Клубков П.А. Грамматика в России XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: http://histling.nw.ru/saecula/XVIII/grammatika_XVIII.html

Курганов Н.Г. Книга письмовник, а в ней наука российскаго языка с семью присовокуплениями разных учебных полезнозабавных вещесловий. М., 1788.

Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскаго языка, с семью присовокуплениями разных полезных учебных и полезнозабавных вещей. СПб., 1769.

Ломоносов М. В. Российская грамматика // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. СПб., 1804.

Ломоносов М.В. Материалы к Российской грамматике // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Труды по филологии 1739–1758 гг. М. ; Л., 1952. Т. 7.

Никольский А.С. Основания российской словесности. СПб., 1792.

Светов В.П. Краткія правила по изучению языка российскаго. М., 1790.

Светов В.П. Опыт нового российскаго правописания утвержденных на правилах российскаго грамматики. СПб., 1773.

Смотрицкий М. Грамматика. М., 1648.

Соколов П.И. Начальные основания российской грамматики. СПб., 1788.

Сумароков А.П. К типографским наборщикам // Полное собрание всѣхъ сочинений, въ стихахъ и прозѣ, покойнаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія Члена, Александра Петровича Сумарокова. Ч. VI. М., 1787.

Сумароков А.П. О коренныхъ словахъ русскаго языка // Полное собрание всѣхъ сочинений, въ стихахъ и прозѣ, покойнаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія Члена, Александра Петровича Сумарокова. Ч. IX. М., 1787.

Сумароков А.П. О правописании // Полное собрание всѣхъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, покойнаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія Члена, Александра Петровича Сумарокова. Ч. X. М., 1787.

Сумароков А.П. О стопосложении // Полное собрание всѣхъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, покойнаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія Члена, Александра Петровича Сумарокова. Ч. X. М., 1787.

Сумароков А.П. Примечание о правописании // Полное собрание всѣхъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, покойнаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія Члена, Александра Петровича Сумарокова. Ч. X. М., 1787.

Сырейщиков Е.Б. Краткая российская грамматика, изданная для народных училищ Россійской имперіи по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины Вторыя въ Санктпетербургѣ. СПб., 1787.

Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке : Доломоновский период отечественной русистики. М., 1975.

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГИПО-ГИПЕРОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РАННИХ ЭТАПАХ РЕЧЕВОГО ОНТОГЕНЕЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

И.Н. Гридина

Ключевые слова: гипо-гиперонимические отношения, ментальный лексикон, временная детская языковая система, гипоним, гипероним, гипонимический ряд.

Keywords: hyponym-hypernym relations, mental lexicon, temporary child's language system, hyponym, hypernym, hyponym set.

В настоящей статье рассматривается специфика гипо-гиперонимических отношений в ментальном лексиконе детей и взрослых.

В рамках проблематики нашего исследования нас интересуют и вопросы категоризации. Взаимоотношение объектов класса и отражение этой системы в языке представляет собой серьезную проблему соотношения категоризации в языке и в сознании носителя языка. Под категоризацией, вслед за Е.С. Кубряковой, мы понимаем «главный способ придать миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других» [Кубрякова, 2004, с. 96]. Под ментальным же лекси-

коном человека (индивида) мы, вслед за А.А. Залевской, понимаем «чрезвычайно сложную систему многоярусных, многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится в более или менее полной готовности к употреблению в деятельности разносторонняя информация о предметах и явлениях окружающего мира, об их свойствах и отношениях, об их оценке индивидом, как и о лингвистических особенностях обозначающих их вербальных единиц» [Залевская, 1977, с. 73]. Поскольку на ранних этапах речевого онтогенеза ребенок может знать существенно больше слов, чем он использует, постольку при изучении лексикона целесообразно разграничивать пассивный и активный словарь.

Отношения гипонимии вместе с отношением несовместимости являются самыми фундаментальными парадигматическими смысловыми отношениями, посредством которых структурирован словарный состав языка [Новиков, 1982]. Эти отношения – самые общие и универсальные при анализе и построении семантических полей (иерархической системы классов единиц) в лексике и играют важную роль при формировании начального лексикона, что, в свою очередь, зависит от уровня когнитивного развития ребенка.

Вопрос о формировании статуса гиперонима и гипонима как членов двух- и более уровней иерархий представляет собой важную часть вопроса об усвоении детьми общих принципов языковой и внеязыковой категоризации. В рамках теории изучения гипогиперонимических отношений под гипонимом принято понимать «слово или словосочетание, а также выражаемое ими понятие видового, более специального значения по отношению к слову, словосочетанию, а также понятию родового, более обобщенного смысла (гиперонима)» [Никитин, 1983]. Гиперонимы и гипонимы образуют гипонимические ряды, в которых гипонимы занимают подчиненное положение по отношению к гиперонимам. В гипонимический ряд входят один гипероним, занимающий ведущее место и обозначающий общее понятие, и минимум два гипонима, занимающие подчиненное положение по отношению к нему. Гипонимы (согипонимы) в гипонимическом ряду находятся в равноправных отношениях, то есть в отношениях соподчиненности [Новиков, 1982].

Способность гиперонима организовывать специфическим образом свою семантику так, чтобы «занять место гипонимов, выпавших в силу каких-либо причин из лексической системы поля» [Николина, 2001, с. 12], свойственна и в некоторых случаях гипониму на ранних этапах речевого онтогенеза. Следует отметить, что родовой компонент

в составе значения – это общий компонент для всех членов семантического ряда. У слова есть только один родовой компонент, но кроме него, как правило, имеется также несколько дифференциальных и сопутствующих компонентов. Родовой компонент составляет основу для формулировки любого родового наименования класса. Дифференциальные компоненты – это компоненты, дающие каждому члену семантического ряда его особое место сравнительно с прочими членами данного ряда.

На базе данных теоретических положений был разработано и проведено экспериментальное исследование, которое было проведено в ДООУ № 30 Московского района Санкт-Петербурга. В эксперименте приняли участие 80 детей, равное количество мальчиков и девочек (четыре возрастные группы: 1-ая группа – 2,5–3,5 года; 2-ая группа – 3,6–4,5 года; 3-ая группа – 4,6–5,5 лет; 4-ая группа – 5,6–6,5 лет) и взрослые носители языка (5-ая группа) в возрасте от 21 года до 65 лет (20 человек – по 10 мужчин и женщин).

Эксперимент состоял из 8 заданий, которые заключались в том, что испытуемым были предложены серии картинок с изображениями объектов, принадлежащих к различным лексико-семантическим группам (ягоды, цветы, птицы, машины, рыбы, мебель, деревья, собаки, овощи, фрукты, игрушки, посуда), и картинки с изображениями объектов, не принадлежащих к этим группам, так называемые «обманки» (например, стрекоза, бабочка и самолет в группе «птицы» и т.д.); испытуемым предлагалось выбрать картинки определенной лексико-семантической группы, но в некоторых заданиях экспериментатор не называл гипероним, а просил назвать, что нарисовано на картинках, или распределить картинки по группам и дать общее родовое название для этой группы.

Результаты эксперимента показали, что одной из основных особенностей формирования и функционирования гипогиперонимических отношений является наличие двух различных путей, по которым идут дети дошкольного возраста, осваивая иерархическую связь между гипонимом и гиперонимом. Полученные данные позволяют сделать следующий вывод: дети, осваивая гипогиперонимические отношения, либо идут от общего к частному – от гиперонима к гипонимам («сверху вниз»), либо же идут от частного к общему – от гипонимов к гиперониму («снизу вверх»). Из 80 детей, принимающих участие в эксперименте, число детей, идущих по пути «сверху вниз» (от гиперонима к гипониму), составляет 28 человек и

число детей, склонных идти по пути «снизу вверх» (от гипонима к гиперониму), – 52 человека (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Количественное соотношение детей, использующих различные стратегии в процессе формирования гипо-гиперонимических отношений

возрастная группа	«сверху вниз» (от гиперонима к гипониму)		«снизу вверх» (от гипонима к гиперониму)	
	девочки	мальчики	девочки	мальчики
1 2,5–3,5	4	6	5	5
2 3,6–4,5	8	4	2	6
3 4,6–5,5	2	0	8	10
4 5,6–6,5	2	2	8	8
итого всего	16	12	23	29
	28		52	

Как видно из Таблицы 1, более склонны идти к пути «сверху вниз» девочки, а к пути «снизу вверх» – мальчики.

По результатам экспериментального исследования выделяем также другую особенность формирования гипо-гиперонимических отношений на ранних этапах речевого онтогенеза – формирование сигнификативного компонента значения гиперонима. Нас особенно интересует формирование сигнификативного компонента значения, а также возникновение соответствующих ему (на различных ступенях развития) «ярлыков».

Выявленная особенность формирования гипо-гиперонимических отношений и будут рассмотрена в данной статье подробнее.

Путь «сверху вниз» (от гиперонима к гипониму). Результаты анализа полученных в эксперименте данных показали, что дети в возрасте от 2,5 до 6,5 лет в зависимости от уровня когнитивного развития и объема словарного запаса и в соответствии со своей языковой стратегией используют для заполнения лакун (при отсутствии гипонима в активном словаре) родовое понятие – гипероним; так, при демонстрации изображений различных видов цветов (василек, ландыш, нарцисс, роза, ромашка и др.) ребенок во всех случаях пользуется гиперонимом

«цветок». При этом выбор слова «цветок» не случаен: ребенок верно определяет объем понятия, поскольку ни ежевику, ни желудь, ни калину, изображения которых также присутствовали в этом наборе картинок, словом «цветок» он не обозначил. Такой стратегии придерживается, например, Максим Т. (3,1).

Вместе с тем большинство придерживающихся подобной стратегии детей находилось уже на более высокой ступени речевого развития: часть согипонимов им уже известна, они их называют, однако в тех случаях, когда какой-то из согипонимов им неизвестен и / или неактуализирован, такие дети называют вместо него гипероним: «*Это пингвин, это курочка, это голубь, это птица* (про аиста)» (Аня С., 5,5). Такой стратегии придерживались 23 ребенка.

Среди детей, склонных к данной стратегии, встречаются и такие, которые вместо гипонима также используют генерализованное понятие, но в функции гиперонима в их ментальном лексиконе / речи выступает один из согипонимов (принявший во временной языковой системе статус гиперонима). Так, Настя М. (3,2) называла вороной и аиста, и воробья, и голубя, и пингвина и др. птиц; однако ни бабочку, ни самолет, ни стрекозу вороной она не назвала, следовательно, слово «ворона» временно приняло статус гиперонима «птица». Таких детей обнаружилось 4.

В некоторых случаях дети, склонные к обсуждаемой стратегии, используют гипероним, но не тот, который требуется в данном случае. Так, Максим Т. (3,1) на просьбу показать ягоды и назвать их назвал клубнику; указал на крыжовник и облепиху (но не назвал их); на изображения же малины и черной смородины он указал, но назвал их цветочками (напомним: в задании, где требовалось выбрать **ягоды** и назвать их). При этом ни на изображение дерева, ни на изображение ландыша, ни на изображение крапивы он не указал, что свидетельствует о том, что представление об объеме понятия «ягоды» у него сформировано. В таком случае можно говорить о том, что родовое понятие сформировано, но в активном лексиконе гипероним, его ярлык не актуализирован. На наш взгляд, сигнификат «цветочек» внедрен взрослыми, а ребенком расширена область его референции. В речевом плане слово навязано извне, а когнитивное развитие не позволяет адекватно соотносить его с соответствующим ему объектом или с группой объектов (ярлык присутствует, а сигнификат еще находится в стадии формирования).

Следует отметить, что дети, склонные к пути «сверху вниз», способны создавать свои, если можно так сказать, «подкатегории» в пре-

делах уже существующих категорий. Например, при номинации объектов, относящихся к группе «машины» («транспорт»), некоторые дети используют, например, слово «автобус» в целях субкатегоризации: автобус для детей – это и автобус, и троллейбус, и трамвай, то есть общественный транспорт большого размера, но, так как слово «транспорт» детям неизвестно, они называют его разновидности привычным для них согипонимом.

Важно отметить тот факт, что дети даже младшего дошкольного возраста (1, 2 группа – от 2,5 до 4,5 лет) в эксперименте с некоторыми сериями картинок безошибочно выбирают по просьбе экспериментатора среди предложенных изображений объектов – однородные, но часто неверно называют их. Это говорит о том, что на когнитивном уровне категория сформирована и имеет четкие границы, потому что все представители класса определены ребенком, но не все могут быть правильно им названы. На этой ступени можно наблюдать и случаи сформированности понятия (представления о нем) при недостаточно четких его границах. Так, по нашим наблюдениям, некоторые дети проходят стадию «собственной генерализации», когда делят класс на несколько подклассов. Так, например, среди птиц – два класса: птицы большие и птицы маленького размера. Так, Таня М. (3,5), которая безошибочно определяет членов класса «птицы», называет воробышком воробья, голубя, дятла и даже – с некоторым сомнением – пингвина; однако изображение самых больших птиц (аиста и страуса), хотя и выбирает, но никак не называет. В таком случае «воробей» выступает как генерализованное понятие, включающее в себя такие виды птиц как голубь, воробей, дятел и пр. («мелкие» породы), а птицы большого размера – страус и аист воспринимаются ей как «не-воробей».

«Воробей» в таком случае выступает как временное генерализующее понятие, из которого в дальнейшем «вычлняются» согипонимы.

Путь «снизу вверх» (от гипонима к гиперониму). Это стратегия, в соответствии с которой дети, выбирающие путь от частного к общему – от гипонима к гиперониму, заменяют неизвестные им названия видов не гиперонимом, а употребляют привычный для них согипоним; следует отметить, что среди детей данной группы частотны ответы на вопрос экспериментатора «забыл, не знаю». Так, Паша Л. (3,3) называет малину рябиной, черную смородину – черникой, ромашку – одуванчиком, воробья – дятлом и т.п., но ни разу не использует ни одного гиперонима (ягода, цветок, птица).

На наш взгляд, дети, которые идут путем дифференциации, приходят к представлению об общем (родовом) понятии позже, чем дети-«генерализаторы» (термин Г.Р. Добровой – см.: [Доброва, 2003]). Сигнификат формируется, видимо, путем накапливания признаков различных видов. Среди ответов детей, которых мы относим к данной группе, при номинации неизвестного представителя класса чаще всего встречаются согипонимы или же любое слово, в том числе почти случайное: клубника – яблонька. Обратим внимание, что детей, склонных к такому пути («снизу вверх» – от гипонима к гиперониму) оказалось 52.

Следует отметить тот факт, что определение четких рамок категории (выбор картинок с изображениями представителей данного рода) производится детьми безошибочно уже после трех лет. Это подтверждается тем, что такие дети, не произнося слова «цветы», выбирают цветы верно отделяя их от «не-цветов». Этому не противоречит даже то обстоятельство, что какой-то из видов цветов ребенок может назвать вообще случайным словом: ведь выбрал он его, выполняя задание указать на цветы, правильно. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что представление о гиперониме находится на стадии становления, хотя актуализированного в активном словаре слова для него еще нет.

На основе анализа данных можно сделать следующий **вывод**.

Одной из основных особенностей формирования и функционирования гипо-гиперонимических отношений является наличие двух различных путей, по которым идут дети дошкольного возраста, осваивая иерархическую связь гипонимов и гиперонима. Первый путь, которым идут дети, осваивая гипо-гиперонимические отношения, заключается в том, дети дошкольного возраста идут от общего к частному – от гиперонима к гипонимам («сверху вниз»); второй путь представляет собой движение от частного к общему – от гипонимов к гиперониму («снизу вверх»).

Литература

Доброва Г.Р. Значение слова: лингвистический и психолингвистический подходы. Личностные смыслы // Г.Р. Доброва. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб., 2003.

Залевская А.А. Лексикон человека как функциональная самоорганизующаяся система // А.А. Залевская. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.

Кубрякова Е.С. Язык и знание : На пути получения знания о языке : Части речи когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М., 1983.

Николина Т.С. Воздействие прагматического фактора на гипо-гиперонимические отношения в лексике французского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2001.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИХ ФУНКЦИИ В РЕЧИ Д.А. МЕДВЕДЕВА И В.В. ПУТИНА

Е.В. Саунина

Ключевые слова: вопросительные предложения, речевое воздействие, устная речь, письменная речь.

Key words: interrogative sentences, speech impact, spoken language, written language.

В данной статье рассмотрен один из способов речевого воздействия в политическом дискурсе – вопросительные предложения. В речи политиков их основная функция заключается в том, что они обращают внимание аудитории на какие-либо положения. Некоторые вопросы направлены на выделение важных, по мнению политика, моментов. Другие придают речи эмоциональность и экспрессивность.

Материал нашего анализа составляют тексты выступлений Д.А. Медведева и В.В. Путина в период с 2000 по 2010 год. Исследовалась их устная и письменная речь: тексты Посланий Федеральному Собранию (письменный текст, но озвученный самим президентом), тексты статей и интервью в СМИ, пресс-конференций, выступлений на заседании Совета при Президенте Российской Федерации, на различных встречах и совещаниях.

В интервью и устных выступлениях есть вопросы политика интервьюеру для уточнения вопроса. В таких переспросах содержится только запрос информации, способом воздействия они не являются, поэтому мы не включали такие вопросы в подсчеты (они единичны). При одинаковом объеме текстов (по 100 000 словоупотреблений), наибольшее количество вопросов (211) – у В.В. Путина-премьера, наименьшее (135 вопросов) – у Д.А. Медведева-вице-премьера. Разница в количестве вопросов может быть связана с двумя факторами. Во-первых, речь вице-премьера представлена в нашем материале довольно короткими репликами – минимонологами, и направлены они на непо-

средственно присутствующих на совещании. Вследствие этого вице-премьера нет необходимости обращаться к массовому адресату за пределами зала. Во-вторых, В.В. Путин стал занимать пост премьер-министра, имея опыт пребывания во главе государства, что определенным образом сказывается на его речи. Президент должен выстраивать свое выступление, опираясь на определенные нормы официального общения с учетом массового адресата. Возможно, именно поэтому у Д.А. Медведева и В.В. Путина на посту президента количество вопросов в нашем материале практически одинаково: у Д.А. Медведева – 140, у В.В. Путина их 145 (на 100 000 словоупотреблений).

В текстах Посланий (около 46 тыс. словоупотреблений) у В.В. Путина 36 вопросительных конструкций, а в трех Посланиях Д.А. Медведева (около 24 тыс. словоупотреблений) их 17. В статьях, написанных во время пребывания на посту президента (6300 словоупотреблений у Д.А. Медведева и 8920 у В.В. Путина), количество вопросов одинаково (единичны), но и здесь вопросительные предложения играют немаловажную роль в реализации способов речевого воздействия.

Рассмотрим характер и типы вопросов подробнее. Помимо описанного типа уточняющих вопросов мы выделяем еще пять типов вопросительных предложений. Первый тип – это вопросы, направленные на привлечение внимания аудитории: *Больше чем в среднем по экономике области, но все-таки это не 25 и не 30, понимаете?* (В.В. Путин, 08.04.10); *А если в течение определенного периода времени необходимости обращаться к врачу не будет – средства будут зачисляться на пенсионный счет гражданина. Понятно, да?* (В.В. Путин, 20.04.10). Данный тип вопроса содержит слова, помогающие привлечь и актуализировать внимание аудитории: *понятно, да*. Путин на некоторое время делает паузу, предлагая депутатам и телезрителям задуматься и проверить, насколько понятно предшествующее высказывание.

Рассмотрим употребление вопросов данного типа в интервью. У Д.А. Медведева данный тип вопроса не представлен. У В.В. Путина-президента он единичен, а у В.В. Путина-премьера их 8. Возможно, важным здесь оказывается последовательность занимаемых должностей: Д.А. Медведев сначала занимал пост вице-премьера, а потом стал президентом, а В.В. Путин после поста президента получил должность премьер-министра. Можно предположить, что пребывание на посту президента оказывает влияние на речь политика и в дальнейшей его речевой деятельности, поскольку президент чаще выступает публично, чем вице-

премьер, который общается с отдельными людьми или с небольшими коллективами, но широких публичных выступлений не практикует.

В статьях вопросы к аудитории не представлены, так как это письменная форма речи. Статья является лаконичным письменным выражением позиции политика, поэтому необходимость привлекать и поддерживать внимание читателей фактически почти отпадает. В текстах Посланий Д.А. Медведева и В.В. Путина вопросов данного типа тоже нет.

Второй тип выделенных вопросов – это вопросно-ответные формы. Они представляют собой запрос информации, но направлены на ее предоставление в своем же ответе, в котором формулируется некий план, что помогает политику логически выстроить свою речь. Это вопросительные предложения в функции самовопроса [Паршина, 2007]. Здесь мы выделяем два подтипа, которые различаются только по форме представления информации в ответе.

1. Вопросы, на которые следует либо прямой ответ, либо повтор одного из слов или выражений вопроса: *Чем обусловлена? Обусловлена несколькими вещами* (Д.А. Медведев, 23.11.09).

2. Вопросы, ответы на которые содержат объяснение, рассуждение: *Почему я с этого начал разговор? Даже в Москве организация питания школьников не идеальная, а в целом по стране картина совсем пестрая, а в отдельных регионах просто плохая* (Д.А. Медведев, 09.10.07). В ответах на такие вопросы нет прямого ответа. Государственный деятель высказывает свою точку зрения, делает комментарии по обсуждаемой теме.

Вопросно-ответные формы могут содержать дискурсивные слова *знаете, понимаете*, которые обращены к аудитории: **Знаете, что самое главное, на мой взгляд? Самое главное – это доверие населения к политическому руководству страны** (В.В. Путин, 11.02.02). За счет этого создается впечатление, что В.В. Путин сокращает дистанцию между собой и аудиторией и обращается к ней напрямую. Вопросно-ответные формы также помогают Д.А. Медведеву и В.В. Путину структурировать свою речь, облегчают аудитории восприятие сложной информации. Для этого в ответе на свой вопрос политики употребляют слова, упорядочивающие речь: *во-первых / первое, во-вторых / второе, прежде всего*: **Что нужно? Нужны минимум четыре вещи. Во-первых, нужно продолжать бороться с наиболее отвязанными представителями террористического бандитского подполья всеми доступными средствами <...>. Второе, мы должны помогать возрождать режим законности <...>. Третье. Такого рода борьба невоз-**

можно без духовной основы <...> (Д.А. Медведев, 24.12.08). Причем Д.А. Медведев чаще, чем В.В. Путин использует подобные слова в своих выступлениях. Вопросно-ответные формы являются наиболее распространенным типом вопроса и у Д.А. Медведева и у В.В. Путина. На посту президента у Д.А. Медведева их – 104, у В.В. Путина – 63, у Д.А. Медведева-вице-премьера – 91, у В.В. Путина-премьера – 94. В речи Д.А. Медведева этот тип преобладает, поскольку составляет большую долю среди всех вопросов (74,3%).

Таким образом, особенностью употребления вопросно-ответных форм в устных выступлениях является их высокая частотность, а у Д.А. Медведева – это наиболее распространенный тип вопроса (74,3% от общего количества вопросов в должности президента, 67,4% – вице-премьера; ср. 43,5% у В.В. Путина-президента и 44,6% у В.В. Путина-премьера). В Посланиях Д.А. Медведева – 12 вопросно-ответных форм. В Посланиях В.В. Путина – 19.

Третий тип – риторические вопросы. Риторический вопрос – это вопросительное по форме предложение, которое эмоционально усиливает смысл высказывания. Его цель – не сообщить информацию, а посредством опоры на систему ценностей адресата – внушить ему определенные оценки. Безличная форма риторических вопросов воспринимается как «информация к размышлению». В любой форме это так называемый аргумент к человеку. В риторическом вопросе прослеживается отношение говорящего к предмету речи, за счет чего и реализуется суггестивная функция [Седов, 2011]. Таким образом, риторический вопрос во многих случаях отражает ценностную систему взглядов политика. Риторические вопросы в нашем материале бывают двух подтипов.

1. Риторические вопросы без ответа: *Разве это плохо?* (В.В. Путин, 20.04.10); *Это война, что ли?* (В.В. Путин, 23.07.10); *О чем тут говорить?* (Д.А. Медведев, 16.03.07).

2. Риторические вопросы с ответом. Несмотря на то, что риторические вопросы не нуждаются в ответе, так как он очевиден, политик иногда все равно дает на него ответ или комментарий: *Разве они хотели войны с соседями? Конечно, нет* (В.В. Путин, 20.09.03); *Мы что, должны это делать каждый день, каждый год? Это просто бессмысленное дело!* (В.В. Путин, 05.05.05). Необходимо отметить, что риторические вопросы, и в частности риторические вопросы с ответом, являются характерной особенностью речи В.В. Путина. На обеих должностях риторический вопрос у него встречается чаще, чем у Д.А. Медведева: 27 в должности президента, 22 – премьера, при 8 у

Д.А. Медведева-президента и 5 – вице-премьера. В статьях Д.А. Медведева риторических вопросов нет, а у В.В. Путина – 1. В посланиях Д.А. Медведева 2 риторических вопроса, а В.В. Путина – 5. Таким образом, на обеих должностях и в любых исследуемых жанрах риторических вопросов у В.В. Путина больше, чем у Д.А. Медведева.

Четвертый тип выделенных нами вопросов – это цитируемые и косвенные вопросы. Цитируемые вопросы представляют собой передачу слов другого человека (*Кстати говоря, госпожа Меркель ставила передо мной этот вопрос в один из своих первых приездов в Москву. Именно она в этом зале сказала: «Не могли бы Вы рассмотреть вопрос о том, чтобы хотя бы частично газ с этого месторождения направлять в Европу и в Германию?»* (В.В. Путин, 10.10.06)) или косвенные высказывания, которые вводят в речь политика косвенное вопросительное предложение (*Уместен вопрос: насколько эффективно были потрачены эти весьма значительные средства? Конечно, это – законный вопрос* (В.В. Путин, 14.09.10)). Особенностью вопросов данного типа является то, что в отличие от вопросно-ответных форм, на косвенные и цитируемые вопросы государственный деятель не дает ответа. Функция цитируемых и косвенных вопросов заключается в том, что при передаче слов другого человека или самого говорящего, речь политика становится живее, в нее добавляются элементы диалогичности. Это вызывает интерес аудитории, и тем самым, вопросы выполняют свою основную функцию – служат способом речевого воздействия.

Пятый тип – цепочка вопросов. Она представляет собой последовательность двух или более вопросов. Употребление ряда вопросов имеет несколько функций, которые определяют тип вопросов в цепочке.

1. Второй и последующий вопросы повторяют, перефразируя или распространяя первый: ***Но зачем? Зачем? Но я хочу сказать, что мы это сделаем, если не увидим ответной реакции*** (В.В. Путин, 23.07.10); ***С чем это связано? Почему возникла такая диспропорция? Потому что, несмотря на наши многократные упоминания, своевременно не повышали этих тарифов*** (В.В. Путин, 20.04.10); ***Почему она это сделала? Почему она поступила так по отношению к абсолютно невиновным людям? Очевидно, что здесь несколько причин*** (Д.А. Медведев, 07.11.09).

2. Второй и последующий вопросы могут содержать в себе возможные варианты ответа на первый вопрос: ***И с чем это связано? То ли с общими тенденциями, по которым развивается мировой кинемато-***

граф или российский кинематограф, или же это все-таки искусственная рестрикция такая? Тоже было бы интересно понять вашу точку зрения (Д.А. Медведев, 01.06.07).

Самое большое количество цепочек вопросов у В.В. Путина-премьера: 30 цепочек – 75 вопросов, у В.В. Путина-президента – 17 цепочек – 45 вопросов. У Д.А. Медведева на обеих должностях количество цепочек и вопросов в них практически одинаковое: 9 цепочек в должности президента (25 вопросов) и 11 цепочек (25 вопросов) у вице-премьера. Самый распространенный тип вопросов, встречающийся в цепочке вопросов, – это вопросно-ответные формы и риторические вопросы без ответа, причем в речи президентов преобладают риторические вопросы, а в речи не-президентов – вопросно-ответные формы. В цепочках вопросов встречаются все выделенные нами типы вопросов.

Почему я об этом сейчас говорю? Потому что мы сейчас принимаем решение о поддержке наших национальных производств (вопросно-ответная форма). Это правильно. Что делать дальше? Держать этот пакет в собственности государства? (ответ в виде вопроса). *Но это вроде бы не отвечает представлениям о рыночной экономике, которые сложились в Америке в XX веке (Д.А. Медведев, 03.06.09).* В данном примере вопросы служат развитию идей Д.А. Медведева, так как каждый последующий вопрос содержит ответ на предыдущий вопрос. В статьях и Посланиях цепочек вопросов нет, они встречаются только в устной речи. Количественное соотношение типов воздействующих вопросов представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Вопросы в устных выступлениях
Д.А. Медведева и В.В. Путина

Тип вопро- са	Характер вопроса	Говорящий			
		Д.А. Медведев		В.В. Путин	
		Президент	Вице- премьер	Президент	Премьер
Вопросы к аудитории	Направленный на привлечение внимания	0	0	1	8
Вопросно- ответные формы	Ответ- повторение кон- струкции вопро- са	76	51	36	42
	Ответ- объяснение	28	40	27	52
Риторические вопросы	Риторические вопросы без ответа	5	5	21	17
	Риторические вопросы с отве- том	3	0	6	5
Цитируемые и косвенные вопросы		2	12	5	7
Цепочка вопросов		25	25	45	75
Всего рассматриваемых вопросов		140	135	145	211

Таким образом, решающую роль для появления воздействующих вопросов играет форма речи: воздействующие вопросы типичны для устной речи, но не свойственны письменной речи ни Д.А. Медведева, ни В.В. Путина. Большую роль играют и условия речи, а поскольку они связаны с должностными обязанностями, то важна и должность государственного деятеля, и даже предыдущая должность. Однако играет

определенную роль и личность деятеля, только сказывается это уже на преобладании того или иного типа воздействующих вопросов.

Литература

Паршина О.Н. Российская политическая речь. М., 2007.

Седов К.Ф. Дискурс как суггестия : Иррациональное воздействие в межличностном общении. М., 2011.

ОБОСНОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАРИАНТОВ СОГЛАСОВАНИЯ В РАМКАХ ОДНОЙ СТРУКТУРЫ

Т.Ю. Храмова

Ключевые слова: семантическое согласование, формальное согласование, расчлененная множественность.

Keywords: semantic agreement, formal agreement, dismembered plurality.

Актуализационно-функциональная комбинаторика лексических единиц зависит от характера выражаемых ими понятий, которые в свою очередь представляют ментальный слепок с объекта. Таким образом, основы явления семантического согласования могут быть определены только при соотнесении трех планов – отношения «объект – количественный признак» в реальной действительности, когнитивное восприятие отношений и их языковая представленность.

Возможные позиции согласования можно представить в виде иерархии, определяющей степень детерминированности характера согласования существительного с единицами других лексико-грамматических классов в их синтаксической актуализации (см. Схема 1). Степень проявления семантического согласования возрастает по мере утраты словом системно закрепленной референтности.

Известно, что предикатные слова (глагол и прилагательное) не имеют денотата. Их признаковая сущность определяет их онтологическую зависимость от характеризуемого ими объекта, чем, собственно,

сущность – a body or an institution. В примере (2) компоненты некуса формально рассогласованы. Тип связи в данном случае определяется согласованностью не на поверхностном уровне структуры некуса «подлежащее ↔ сказуемое», а на глубинном уровне смысловой интерпретации понятий. Здесь существительное *jury* актуализирует ту составляющую «фрейма знания», которая представляет объект как совокупность некоторых компонентов:

the jury = juror1 + juror2 + juror3... + juror_n = the jurors

Этот фактор обуславливает форму глагола во множественном числе.

Расширение структуры подлежащего по модели N → NP не изменяет характера формальных и смысловых отношений в некусе.

(3) *As soon as **the rest of the team was in place**, and making sure again that there was no sign of Posleen, he trotted through the brambles to the side road (J. Ringo).*

(4) *He turned away to meet **the rest of the team who were now landing one by one**, yelling and punching the air in triumph (J. Rowling).*

Сущностно в сравниваемых примерах (1, 2 и 3, 4) наблюдается одно и то же явление, которое интерпретируется выявлением соотносительности «часть : : целое»:

A. **the rest of the team was in place**

the rest of the team = part of the whole, independently of how many

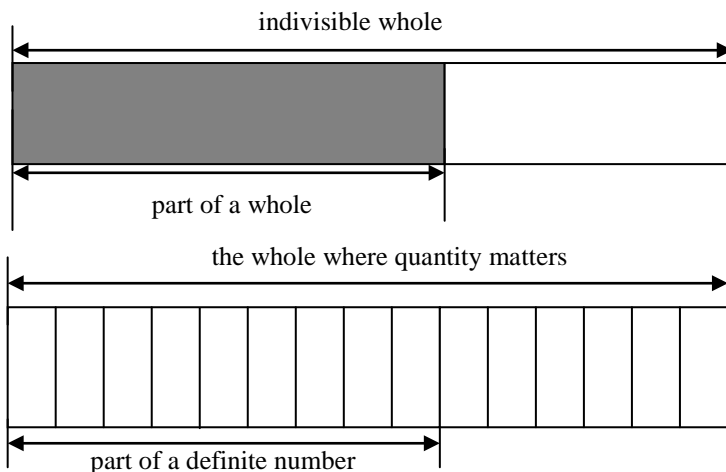
B. **the rest of the team were landing**

the rest of the team = those members who had not landed yet

Значимость количества и расчлененность восприятия в последнем случае поддерживается контекстуальной описательной вербализацией: *one by one*.

Наблюдающееся актуализационное различие можно представить в виде рисунка, демонстрирующего характер расхождений в осмыслении объекта.

Рисунок 1. Характер осмысления объекта относительно множественности составляющих

Если в примерах (1) и (3) существительные имеют значение совокупной множественности, то в (2) и (4) они актуализируют сему расчлененной множественности. Здесь доминирующей компонентой является представление действия в активной динамике его развертывания. Контекстуальные показатели также способствуют созданию динамичной ситуации и детерминируют представление собирательного имени (конструкции с собирательным значением) как совокупности дискретных единиц.

В том случае, когда глагол (в силу ограниченности морфологической парадигмы) не способен передать расчлененность в структуре совокупного объекта, язык использует другой системный ресурс.

(5) *As soon as the **jury** had recovered and **their** slates and pencils had been found and handed back to **them**, **they** set to work very diligently to write out a history of the accident (L. Carroll).*

В данном примере этим ресурсом является личное местоимение третьего лица, имеющее в системе противопоставление по линии категории числа: he / she / it : they (them) и притяжательное местоимение *their*. Эти показатели компенсируют недостающую глагольной форме простого прошедшего времени функцию представления множественности как совокупности отдельных (расчлененных) объектов, реализуя, таким образом, семантическое согласование в дистантной позиции (Модель 3: N...– Prn).

Аналогичная ситуация актуализируется в нижеследующем примере.

(6) *The bell rang. **Everyone** signed off **their** desks or hurriedly typed in reminders to **themselves**. **Some were** dumping lessons or data into their computers at home. **A few** gathered at the printers while something **they** wanted to show was printed out (O. Card).*

Здесь контекстуальными актуализаторами расчлененной множественности являются притяжательное местоимение *their* и возвратное местоимение *themselves*. Механизм семантической иррадиации [Виноградова, 2004] сообщает местоимению *everyone* значение расчлененной множественности. Соответственно из двух возможных интерпретаций: 1) *everyone = each of...* и 2) *everyone = all of...* адекватной является вторая, проявляющаяся в оппозиции «каждый (один) : : все (много)».

Анализ фактологии языка позволяет говорить о системной семантической амбивалентности неопределенных местоимений в отношении представления множественности / единичности обозначаемого ими объекта, что представляет собой «шифтерный триггер» для актуализационного согласования.

Приведем несколько примеров.

(7) – *Somebody parked a million bucks here about an hour ago.*

– ***That somebody was me, and the money is yours** (J. Grisham).*

(8) *Possibly **somebody** may take me for a Dutchman; in which **they** are mistaken (D. Defoe).*

Неопределенное местоимение *somebody* (= *someone*) семантически определяется как «кто-то **один** из некоторого **множества** людей» (причем, этот «один», персонально является неизвестным, равно, как и «множество», в которое он входит, является неизвестным количеством). Поэтому говорящий, обозначая неизвестного человека, припарковавшего машину (пример (7)), прибегает к формальному согласованию местоимения *somebody* как в местоименном сочетании, так и в структуре некуса. Вместе с тем, тот факт, что количественно объект не определен, а в семантике местоимения *somebody* присутствует сема множественности, дает основание согласовывать его с коррелирующими единицами по линии множественного числа (пример (8)). Согласование обусловлено когнитивно, в осмыслении отражаемой ситуации происходит «шифт» (смещение референта).

Наряду с типом связи, обозначенным как семантическое согласование, где связующей семой выступает сема «расчлененной множественности», можно наблюдать и обратную ситуацию, когда субъект в форме множественного числа согласуется с коррелятами (глаголом,

указательным местоимением) в форме единственного числа. Здесь также реализуется семантическое согласование при эксплицитной грамматической рассогласованности. Связующей семой в данном случае является сема «совокупной множественности». Такие структуры могут реализовать семантическое согласование не только в структуре нексуса, но и в атрибутивной позиции (Модель 2: $\text{Prn}_{\text{dem}} / \text{Art} - \text{NP}$): **this last two weeks; a happy three months**. В данной ситуации на понятийном уровне множественность, эксплицируемая существительными, оказывается нерелевантной и представляется нерасчлененной.

Проведенный анализ языковой фактологии позволяет также заметить, что для совокупного множества доминирующим является локативный компонент, пространственная очерченность, а также совершение действия в ограниченный период времени. Единицы, актуализирующие совокупную множественность, часто употребляются с глаголами чувств, именными сказуемыми. Субъект воспринимается как целостная совокупность, ситуации свойственна статика.

В свою очередь, можно говорить о том, что собирательные имена, актуализирующие сему расчлененной множественности, направлены на целенаправленное действие, что подтверждается частотностью их употребления с глаголами движения. В результате множество воспринимается как некоторое дискретное количество, ситуации свойственна динамика.

Подход к решению вопроса о выборе типа согласования и как следствие согласовательных форм коррелятов не лишен субъективизма. Однако развитие лингвистической теории, углубление в логику, теорию познания, психологию мировосприятия и концептуализации, как представляется, подводит к решению этой, безусловно, сложной проблемы. Семантическое согласование основывается на членности объекта как его онтологической характеристике и в то же время когерентности понятия об объекте и его квантитативного признака на ментальном уровне. В зависимости от характера восприятия и осмысления множественного признака как целостного / расчлененного актуализируется синтаксическое / семантическое согласование соответственно.

Литература

Виноградова Н.Г. Синтаксические конструкции актуализации семантики аксиологической оценки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.

Источники

- Card O.S. Ender's Game [Электронный ресурс].
URL: http://www.fictionbook.ru/author/card_ender_s_game.html
- Carrol L. Alice's Adventures in Wonderland [Электронный ресурс]. Digitale Bibliothek Band 59 : English and American Literature.
- Defoe D. The True-Born Englishman [Электронный ресурс]. Digitale Bibliothek Band 59 : English and American Literature.
- Grisham J. The Rainmaker. New York, 1995.
- Ringo J. When the Devil Dances. [Электронный ресурс].
URL: http://www.fictionbook.ru/author/ringo_when_the_devil_dances.html
- Rowling J.K. Harry Potter and the Order of the Phoenix. [Электронный ресурс].
URL: http://www.fictionbook.ru.rowling_harry_potter_5.html

СЕМАНТИКА ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ (на материале наименований людей)

Ю.В. Седойкина

Ключевые слова: диалект, семантика, фразеологизм, междиалектное, межязыковое контактирование.

Keywords: dialect, semantics, phraseological unit, dialect contact, language contact.

Диалектными фразеологизмами принято считать устойчивые словосочетания, не зафиксированные словарями литературного языка, имеющие лексическое отличие от литературного фразеологизма в компонентном составе и грамматическое отличие в структуре сочетаний [Чагишева, 1975, с. 149].

Семантическое своеобразие диалектных фразеологизмов определяется прежде всего словесным составом сочетания. Относительно лексической наполняемости устойчивых словосочетаний существует два подхода. Ф.П. Филин отмечал: «В Словаре должна быть представлена фразеология, то есть устойчивые словосочетания, в составе которых имеются диалектные слова или диалектные значения слов. Фразеологизмы, в составе которых нет диалектных слов, как правило, в словарь не включаются, поскольку нет данных, которые могли бы позволить определить такие фразеологизмы, как диалектные явления,

имеющие изоглоссы на территории русских говоров» [Филин, 1961, с. 150–151]. В.В. Силина же полагает, что в лексико-фразеологическую систему входит круг фразеологических сочетаний, как имеющих в своем составе диалектные слова, так и состоящих из общенародных слов. При этом свободные значения этих слов могут совпадать со значениями, представленными в литературном языке, а значения фразеологически связанные имеют специфически диалектный характер [Силина, 1961, с. 162]. В данной работе мы рассмотрим семантику диалектных устойчивых словосочетаний на примере говоров Брянской области. Источником наших наблюдений послужили диалектные фразеологизмы, извлеченные из брянских словарей: «Словаря народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева (далее СР), «Словаря брянских говоров» (далее СБГ), «Брянского областного словаря» (далее БОС), а также наши собственные наблюдения.

В большинстве исследований, посвященных анализу семантики фразеологических единиц (далее ФЕ), подчеркивается антропоцентрический характер устойчивых словосочетаний. Региональная фразеология в этом плане представляет несомненный интерес: носители говоров порождают множество новых фразеологизмов, связанных с характеристикой человека, подмечают вокруг и отражают в них свои тонкие наблюдения.

Рассмотрим диалектные брянские фразеологизмы, характеризующие особенности характера и поведения человека: *балда́ пон е-де́лшина, не хватает одной клепчины, монуса кусок, голова не ст е-га́ет. Балда́ понеде́лшина* – бестолковый человек [БОС, 2007, с. 21]. Слово *понеделшина* связано с трудным и тяжелым будничным днем – понедельником. В словаре литературного языка с пометой «просторечное, бранное» *балда* приводится в значении «бестолковый человек, дурак» [СОШ, 2001, с. 34]. Выражение *балды бить* в других говорах означает бездельничать, зря тратить время, пустословить; в калужских говорах *балда́* – болтливая женщина [СРНГ, 1966, с. 79]. Устойчивое словосочетание *не хватает одной клепчины* говорит о глупом человеке [БОС, 2007, с. 150]. Во «Фразеологическом словаре русского языка» А.И. Молоткова находим устойчивое выражение *клепок (винтиков) не хватает (недостает) в голове* – так говорят о человеке глуповатом, придурковатом или со странностями [ФСМ, 1967, с. 504]. В брянских говорах *клепчина* – тонкая дощечка, из которых составлялась бочка, кадка и др. подобная деревянная посуда; клепка [БОС, 2007, с. 150]. С оттенком бранности характеризует человека и фразеологизм *монуса кусок*, называющий глупого человека [БОС, 2007, с. 209]. Лексема *ку-*

сок усиливает отрицательную коннотацию. В литературном языке со словом *кусок* тоже чаще используются негативные устойчивые выражения: *кусок в горло не идет* – кто-либо не может есть от усталости, волнения, *перебиваться с куска на кусок* – жить очень бедно, терпеть нужду, лишения [ФСМ, 1967, с. 218] и др. О несмышленном человеке, который не может что-то придумать, сообразить, брянцы говорят: у него *голова не стегает* [БОС, 2007, с. 74]. Глагол *стегать* – в литературном языке переходный, в местном говоре он теряет переходность по аналогии с литературным языком: *не варит (голова)*. Можно заметить, что фразеологизмов с общим значением «умный человек» в говоре немного, фразеологизмов же, характеризующих глупого человека, значительное количество.

В диалектных устойчивых сочетаниях широко отражаются условия жизни народа, его быт, материальная сторона. Фразеологизмы с этими значениями, естественно, разделяются на две группы: 1) устойчивые сочетания, характеризующие благополучную жизнь людей, достаток; 2) устойчивые сочетания, показывающие жизнь человека в бедности, в трудных материальных условиях. Диалектный фразеологизм *по нем беда не ходила* – о человеке, который не испытывал нужду, не бедствовал. Фразеологизм *божья благодать* (полный достаток) мотивирован христианским представлением об общении с Богом, который дает человеку все самое лучшее: *Он живёт в божий благодати, фсё ё, фсиво багата* [СБГ, 1976, с. 64]. Ср. в смоленских говорах: «видеть Бога» – испытывать некоторое счастье [СРНГ, 1968, с. 41]. Выражение *божья благодать* известно и в других русских говорах в разных значениях, связанных не только с материальным благополучием: 1) гроза (самарское, архангельское, северодвинское); 2) дождь после засухи (самарское); 3. обеденный стол (вологодское); 4. хорошая летняя погода (архангельское) [СРНГ, 1968, с. 63]. В русских говорах Белоруссии, уже в гомельских говорах – выражение *божий хлебушек* означает «клевер» [СРГБ, 1989, с. 13]. В олонекских же говорах выражение с определением *божий* обозначает, против всех ожиданий, явно отрицательное явление – плохую погоду, метель, слякоть. Такое отрицательное значение фразеологизма со словом *божий* знают и брянские говоры: фразеологизм *как у Бога за дверями (за дверьми)* фиксируется со значением «плохо жить», что подтверждается иллюстративным материалом: *Анны живут, как у Бога за двирями, плоха, милый, живут* [СБГ, 1976, с. 62]. В тоже время в донских, например, говорах (по сообщению уроженца Дона профессора В.И. Макарова) фразеологизм имеет явную положительную семантику: «Жить хорошо, вольготно, в

полном достатке». Такое же положительное значение «материальное благополучие, спокойная, без лишних хлопот и неприятностей жизнь» означает и в псковских говорах.

Бедность народа отражена на Брянщине во фразеологизмах, внутренней форма которых прозрачна: *выходить на ботвинью* – вступать брак с неимущим [СБГ, 1976, с. 74], *кишка кишке кушки кажет* – голодать, *горькую редьку грызть* – жить в тяжелых условиях и др. В брянских говорах *ботвинье* – ботва растения. Однокоренные лексемы находим в русских говорах Гомельщины [СРГБ, 1989, с. 15]. В донских говорах *ботвень* – то же [БТСДК, 2003, с. 52]; СРНГ указывает на широкое использование этого корня и лексем в русских говорах: калужских (*ботвинья*), рязанских (*ботвин* – ботва картофеля, *ботвинья* – стебель ботвы), курских (*ботвина* – ботва свеклы), псковских, тверских (*ботвинина* – стебель свекольной ботвы), иркутских, забайкальских (*ботвинья* – квас из свеклы) [СРНГ, 1968, с. 133–134].

Среди диалектных фразеологизмов, характеризующих человека по внешнему виду, выделяется группа устойчивых сочетаний, дающих общую положительную или отрицательную оценку внешности человека. Выражение *казиные тиски* употребляется преимущественно в городской речи для характеристики худого («кожа да кости»), малорослого человека любого возраста, чаще всего ребенка [СР, 1973, с. 128]. Этимология данного выражения пока не поддается полному определению. Однако в донских говорах находим выражение *взять в тисы, зажать в тисы* в значении «лишить свободы действий, взять в тиски»: «*Зажать иё, как гайку, ф тисы*» [БТСДК, 2003, с. 528].

Человека, который не желает работать, тот, кто ходит без дела называют *бриндой* или *брындой*. Этимология слова *брында* темна и требует дальнейших разысканий. Семантика брянского слова в какой-то мере соотносится с его семантикой в других говорах. Ср.: в вятских говорах – девушка небольшого роста, не отличающаяся умом и ленивая, на Среднем Урале – капризный, обидчивый человек [СРНГ, 1968, с. 218]. В территориально близких смоленских говорах *брынды бить* – значит ничего не делать, праздно проводить время, бездельничать. СРНГ указывает единственно на смоленские говоры [СРНГ, 1968, с. 219]. В брянских говорах фразеологизм *брынды бить* означает то же: разгуливать по улице, ничего не делая. Этот же фразеологизм знают носители русских говоров Гомельской области, однако семантика слова *брында* в словаре этих говоров не раскрывается [СРГБ, 1989, с. 17]. Синонимичный фразеологизм в местных говорах – *байды бить* [СР, 1973, с. 47]. В литературном языке данным фразеологизмам соот-

ветствует выражение *бить баклуши*, праздно проводить время, бездельничать. Первоначально означал «раскалывать, разбивать осиновый чурбан на баклуши (чурки) для изготовления из них мелких щепных изделий (ложек, поварешек и т.п.), то есть делать очень несложное дело» [ФСМ, 1967, с. 36].

В Трубчевском говоре известен фразеологизм *лынды бить* – «бездельничать, избегать работы» [БОС, 2007, с. 196]. В брянских говорах *лында* – лодырь, бездельник: «*Сынок, займися дялами, ня будь лындай*». В русских говорах Белоруссии фразеологизм отмечен в таком же значении [СРГБ, 1989, с. 112]. На Дону *лында* – человек, не только слоняющийся без дела, но и неопрятно одетый [БТСДК, 2003, с. 271]. Рассмотренные выше брянские диалектные фразеологизмы с глаголом *бить*, как и фразеологизмы литературного языка, характеризуются определенным «опустошением», размытием его семантики. Е.И. Зиновьева отмечает использование глагола *бить* во фразеологизмах псковских говоров со значением «изготавливать что-либо особым образом» и возникновение на базе этого значения целого ряда фразеологизмов, специально выделяющих в языке «отрицательно маркированных в народном сознании качеств и действий человека». В составе фразеологизмов такой семантики автор приводит и фразеологизмы *банды бить* – говорить от безделья, бездельничать; *брынды бить* – уклоняться от работы, бездельничать и пр. [Зиновьева, 2003, с. 8]. В донских говорах *бить баглаи* (*баглай* здесь – бездельник) – бездельничать [БТСДК, 2003, с. 31], *бить байдаки* (*байдак* – «бездельник» или «килевое судно с одним парусом») – то же [БТСДК, 2003, с. 31], *бить байки* (*байка* – «чучело для приманивания лисы или небольшой вымышленный устный рассказ») – то же [БТСДК, 2003, с. 32]; *бить байдики* (*байдик* – посох, палка для опоры, палка вообще) – бить баклуши, бездельничать [БТСДК, 2003, с. 31], *бить в обморок* – о наступлении обморочного состояния [БТСДК, 2003, с. 45]. Очевидно, что лишь во фразеологизме *бить байдики* исходная семантика глагола еще сохраняется: «бить посохом, палкой по земле во время хождения». Во всех других фразеологизмах, в том числе и брянских, глагол выполняет грамматическую функцию – может указывать на время действия, число деятелей.

В брянских говорах известно устойчивое словосочетание *лодырь от комя* в значении «ленивый от рождения человек»: «*Сын у яе лянивый такой, лодырь ат камля, ничога ей ни памагаить*» (Злынковский район) [БОС, 2007, с. 163]. Семантической основой данного фразеологизма послужила, в частности, лексема *комель*, известная и в брянских

говорах и в литературном языке в значении «нижняя часть дерева» [СОШ, 2001, с. 286]. Кроме того, в других говорах обнаруживаем и иные значения: на Дону: 1. нижняя часть дымохода русской печи, 2. нижняя часть снопа [БТСДК, 2003, с. 228]; в русских говорах Белоруссии: 1. нижняя часть дерева, 2. нижняя часть снопа [СРГБ, 1989, с. 92].

К фразеологизмам, называющим трудолюбивых людей, в брянских говорах относится еще одно устойчивое словосочетание модели «от + S род.» – (человек) *от земли*, характеризующее того, кто любит усердно трудиться на земле [БОС, 2007, с. 121]. Однако фразеологизмов с такой положительной семантикой в брянских говорах не так много, что подтверждает на новом материале высказанную Е.И. Зиновьевой мысль о том, что «в говорах более детально разработаны те языковые средства, которые связаны с обозначением природных явлений и традиционных ремесел, а также (мы особо подчеркиваем это. – Ю.С.) негативно воспринимаемых (осуждаемых) коллективным сознанием носителей диалекта действий и поведения человека» [Зиновьева, 2003, с. 83].

В Гордеевском районе составителями БОСа зафиксировано именное устойчивое словосочетание *старый гриб* – ироническое название старого и слабого человека: *Ну шо, **старый гриб**, ще топчаши, зямлю-матушку топчаши?!* [БОС, 2007, с. 80]. Относительно семантики имени существительного в данном фразеологизме возможны разные суждения. Авторы БОСа связывают его со словом *гриб* в значении «губа» и совершенно верно приводят произведенные от него фразеологизмы *грибы распустить* – «расплакаться», *грибы развесить* – «засмотреться на что-либо, отвлечься» [БОС, 2007, с. 80]. Еще П.А. Расторгуев для Трубчевского района привел выражение *распустить грибы*. С этим значением отмечен этот же фразеологизм и в псковских говорах [СРНГ, 1972, с. 140]. Иное дело – мотивация фразеологизма *старый гриб*. Представляется, что он возник скорее на основе использования слова *гриб* в ботаническом значении. Во-первых, форма «гриб» (губа), как пишут авторы, чаще используется в форме множественного числа. Во-вторых, качество старости больше выражает метафорическое использование слова *гриб* в значении растения, тем более что и сущ. *гриб* (растение) и сущ. человек – оба мужского рода.

В брянских говорах зарегистрировано устойчивое словосочетание, называющее говорливого человека. В говоре Почепского района с помощью фразеологизма *кила наговорная* характеризуют человека очень болтливую [БОС, 2007, с. 149]. В литературном языке и в гово-

рах лексема *кила* известна в значении «грыжа» [СОШ, 2001, с. 273], «гнойный нарыв, чирей» [БТСДК, 2003, с. 215]; это вообще всякая болезнь, которая возникает, по суеверным представлениям, от наговора, навета. Во владимирских говорах о надоедливом, ворчливом человеке говорят: *килу наговаривать* – ворчать [СРНГ, 1977, с. 206]. Видимо, *кила наговорная* буквально значит: наговоренная болезнь, затем, в результате переноса, появилось значение «больной человек» и, наконец, осуществилась конкретизация значения, что-то вроде «больной на язык». В донских говорах отмечено выражение *кила сядь* – «пожелание болячки на язык, чтобы разговорившийся человек замолчал» [БТСДК, 2003, с. 215].

В местной речи Климовского района известно устойчивое выражение *пойти в примак*. *Примак* – зять, принятый в семью жены, живущий в доме жены. В говоре Мглинского района брянскими лексикографами зафиксирована лексема *примка* – женщина, которая приняла мужа в свой дом [БОС, 2007, с. 282]. Можно предположить, что обе лексемы реально известны и в Климовском, и в Мглинском говорах. *Примак* в этом же значении известен соседним с брянским русским говорам Гомельщины [СРГБ, с. 173], донским [БТСДК, 2003, с. 422] и другим русским говорам.

Таким образом, различные устойчивые словосочетания в диалектной системе брянских говоров обладают богатыми возможностями для разносторонней характеристики человека: особенностей характера и поведения (*докучливая басня, комара не зашибет, кила наговорная*), умственных способностей (*балда понеделешная, голова не стегает, не хватает одной клепчины, монуса кусок*), трудовой деятельности (*от земли, бриндзы бить, байды бить, лынды бить, лодырь от комля*), благосостояния человека (*как у Бога за дверьми, по нем беда не ходила*), особенностей душевного состояния (*грибы распустить*), их внешнего вида (*казиные тиски*).

Для диалектных фразеологизмов характерна десемантизация отдельных их компонентов, преимущественно глагольных, выполняющих в местном говоре фактически грамматическую функцию (бить, делать и пр.). Русские диалектные фразеологизмы, в том числе и брянские, обладают более широкой, чем в литературном языке, заменяемостью их компонентов в пределах региональной фразеологии, которая создает большую вариативность, чем в литературном языке. Накопленный по брянским говорам богатый лексико-фразеологический материал позволяет сделать вывод, что среди большой развитости здесь экспрессивных фразеологизмов фразеологизмы со сниженной экспрессией

(*балда понеделнишная, не хватает одной клепчины, голова не стегает, по нем беда не ходила* и пр.) значительно преобладают над фразеологизмами с экспрессивностью высокой (*божья благодать, человек от земли*).

Литература

Зиновьева Е.И. Семантическая структура глагола бить по данным памятников русского языка и современных псковских говоров // Псковские говоры : синхрония и диахрония. Псков, 2003.

Силина В.Б. О некоторых типах диалектной фразеологии // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1961. Вып. 2.

Филин Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров» АН СССР. М. ; Л., 1961.

Чагишева В.И. К изучению семантики диалектных фразеологизмов (на материале брянских говоров) // Брянские говоры. Л., 1975. Вып. 3.

Словари

БОС – Брянский областной словарь. Брянск, 2007.

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

СБГ – Словарь брянских говоров. Л., 1976–1988. Вып. 1–5.

СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001.

СР – Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины : Материалы для истории словарного запаса говоров. Минск, 1973.

СРГБ – Манаенкова А.Ф. Словарь русских говоров Белоруссии : Ветковские говоры. Минск, 1989.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. ; Л., 1965–2002. Вып. 1–35.

ФСМ – Фразеологический словарь русского языка. М., 1967.

ОЧЕРК О КИТАЙСКИХ ГЛАГОЛАХ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ *lai* и *qu*

Ду Хунцзюнь

Ключевые слова: китайский язык, семантика, глаголы направления движения, направленность движения в пространстве, глаголы *lai* и *qu*.

Keywords: the Chinese language, semantics, verbs of movement, movement in space, verbs “*lai*” and “*qu*”.

В отличие от русского языка, в китайском языке не выделяется группа глаголов движения, однако представлена особая система глаго-

лов, которые «в силу своей специфики как пространственных координат НАП-М [направительная морфема] образуют относительно замкнутую систему единиц, выражающих значение изменения пространственного положения» [Тань Аошуан, 2002, с. 197]. Такие глаголы принято называть глаголами направления движения. В данной статье, применяя когнитивный подход, на примере глаголов *lai* ‘прийти’ и *qu* ‘уйти’ мы попытаемся показать систему данной группы китайских глаголов.

Глаголы направления движения могут быть охарактеризованы с точки зрения грамматического и семантического аспектов. Они как самостоятельные глаголы могут функционировать в качестве глагольного предиката, так называемого глагола направления движения, а как служебные глаголы – в качестве дополнительного члена, именуемого либо направительным дополнительным членом¹, либо НАП-М [Тань Аошуан, 2002], либо модификатором [Задоевко, 1986]. «Дополнительный член указывает признак (в самом широком смысле этого слова), который приобретает лицо или предмет, выраженный подлежащим или дополнением, в результате действия, обозначенного глаголом-сказуемым» [Яхонтов, 1957, с. 32].

Основное семантическое значение у глаголов направления движения – направленность движения в пространстве. Направительные дополнительные члены характеризуются тремя грамматическими значениями: направленностью, результативностью и состоянием [Лю Юехуа, 1998, с. 1–2].

Что касается количественного состава глаголов направления движения, то до сих пор не имеется единой точки зрения. Однако все лингвисты выделяют глаголы *lai* и *qu* в отдельную подгруппу. Глаголы направления движения образуются от простых (односоставных) и сложных (двусоставных) глаголов. Согласно [Задоевко, 1986, с. 320–322], по значению и грамматической функции простые глаголы направления движения подразделяются на две группы. К первой группе относятся семь глаголов, обозначающих движение, ориентированное в пространстве: 1) *jin* ‘войти’, 2) *chu* ‘выйти’, 3) *shang* ‘поднять(ся)’, 4) *xia* ‘спустить(ся)’, 5) *hui* ‘вернуться’, 6) *guo* ‘пройти (через)’, 7) *qi* ‘подняться (оторваться от поверхности)’. Вторую группу составляют два глагола, обозначающих движение, ориентированное по отношению к говорящему (к нему или от него): *lai* ‘прийти’ и *qu* ‘уйти’.

¹ Китайские лингвисты наряду с дополнением (*binu*) рассматривают также особую синтаксическую категорию, называемую дополнительным элементом (*butu*) [Горелов, 1989, с. 128].

Сложный глагол направления движения может иметь два модификатора, которые следуют в определенном порядке: сначала идет модификатор первой группы, а затем – *lai* ‘прийти’ или *qu* ‘уйти’. Такой двусложный модификатор уточняет ориентацию движения как в пространстве, так и в отношении говорящего [Задоевко, 1986, с. 322].

«Действие может быть ориентировано относительно либо говорящего: *lai* “к говорящему”, *qu* “от говорящего”, либо, в случае сложных направительных сочетаний, какого-то иного ориентира. В сочетании с простыми НАП-М *lai* и *qu* глагольная основа обозначает способ передвижения» [Тань Аошуан, 2002, с. 151–152].

В сложном направительном компоненте первая НАП-М выполняет функцию локатива (*shang* «[в]верх», *xia* «[в]низ») или указывает направление (например, по отношению к замкнутому пространству – *jìn* «войти», *chū* «выйти»). Так, *nà* «взять» с *shang* (*xia*) и *lai* (*qu*) образует лексемы *nà shang lai* «принести сюда» (говорящий находится выше объекта) и *nà xia qu* «отнести вниз»; *zou* «ходить» с *chū* и *lai* (*qu*) образует лексемы *zou chū lai* «выйти» (говорящий находится вне замкнутого пространства) и *zou chū qu* «выйти» (говорящий внутри этого пространства). Такие лексемы соответствуют одному русскому глаголу, иногда с локативом. Выбор такого глагола определяется характером движущегося объекта и способом передвижения. Его основа отражает способ передвижения, а префикс (в сочетании с локативом или без него) – направление [Тань Аошуан, 2002, с. 152].

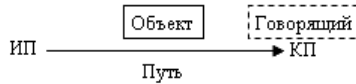
Таким образом, глаголы направления движения *lai* и *qu* характеризуются специфическими особенностями на морфологическом и синтаксическом уровнях. Кроме того, следует обратить особое внимание на ориентированность движения в пространстве у данных глаголов.

Глагол *lai* толкуется как ‘передвижение из другого места к местонахождению говорящего’, а глагол *qu* – ‘передвижение из местонахождения говорящего к другому месту’ [ССКЯ, 2005; ВССКЯ, 1980; СГУ, 1999], то есть они обозначают противоположные действия. Согласно традиционной точке зрения, на местонахождение говорящего ориентируется как глагол *lai*, так и глагол *qu*.

В соответствии с концепцией «рамка события движения», любое событие движения в пространстве может включать в себя четыре релевантных компонента: *figure* (фигура или объект), *ground* (фон или ориентир), *path* (путь), *motion* (движение) [Talmy, 1985]. Событие движения воспринимается и когнитивно обрабатывается каким-либо наблюдателем (говорящим), поэтому под фоном (ориентиром), как правило, понимается местонахождение говорящего. Любое перемещение – это

перемещение «откуда-то» «куда-то»: оно образуется переходом из исходного пункта (ИП) в пространстве (в котором объект находится в начальный момент времени) в конечный пункт (КП) (в который объект попадает в конечный момент времени) [Шмелев, 2002, с. 181]. Таким образом, семантические значения глаголов *lai* и *qi* могут иллюстрироваться в представленных ниже схемах:

Общая образ-схема *lai*:

Например:

Fuqin (объект) *cong Beijing* (ИП) *lai Shanghai* (КП) / Отец приехал из Пекина в Шанхай.

Общая образ-схема *qi*:

Например:

Fuqin (объект) *cong Beijing* (ИП) *qi Shanghai* (КП) / Отец уехал из Пекина в Шанхай.

«Антонимическая пара НАП-М *lai* и *qi* произошла из глаголов, обозначающих перемещение объекта в сторону наблюдателя или от него. При наличии *lai* место наблюдателя совпадает с КТД (конечная точка действия), а при наличии *qi* оно совпадает с НТД (начальная точка действия)» [Тань Аошуан, 2002, с. 198]. По отношению к денотативному пространству и точке отсчета ситуация перемещения объекта в пространстве может описываться с точки зрения либо контакта (положительное значение), когда подчеркивается сближение объекта с КТД, либо дистактности, когда подчеркивается его удаление от НТД (отрицательное значение) [Тань Аошуан, 2002, с. 198]. «НАП-М *lai* и *qi* сами по себе несут признак контактности, который у *lai* принимает положительное значение, у *qi* – отрицательное, причем эти значения устойчивы лишь тогда, когда эти НАП-М выступают как глагольные основы» [Тань Аошуан, 2002, с. 199].

Сложные НАП-М с *lai* и *qi* в качестве вторых компонентов направительного сочетания, согласно: [Тань Аошуан, 2002, с. 200], фиксируют (эксплицитно или имплицитно) КТД или НТД, значение контактности сочетания в целом определяется не исходными значениями

lai или *qu*, а релевантным для данного сообщения характером контактности выделяемой зоны. Это либо КТД с положительным значением, либо НТД с отрицательным значением. То есть в таких случаях точка наблюдателя является иррелевантной, контактность задает первая НАП-М.

Например:

X *tiao jin* (+) *shui li* (КТД) *qu* (-) *le* «X впрыгнул (+) в воду (КТД) от наблюдателя (-)» = X *xianzai zai shui li* [+]
«X сейчас находится в воде» [+].

X *zuan chu* (-) *tou lai* (+) *le* «X вынырнул (-) головой в сторону наблюдателя (+)» = X *cong shui li* (НТД) *zuan chu* (-) *tou lai* (+) *le* [-]
«X из воды (НТД) вынырнул (-) головой в сторону наблюдателя (+)» [-]

Однако сама точка наблюдателя для *lai* и *qu* может оказаться в фокусе выделения. Тем самым контактность сочетания согласуется с этим морфемами, даже если предшествующая НАП-М изначально имеет другое значение по этому признаку. Например:

X *cong qiao shang* (НТД) *zou guo* (-) *lai* (+) *le* «X прошел (-) с моста (НТД) и пришел (+)» = X *zou dao wo zhe li* (КТД) *lai* (+) [+]
«X пришел сюда (КТД) (+)» [+].

Данная точка зрения об ориентированности сложных НАП-М с *lai* и *qu* в качестве вторых компонентов направительного сочетания отличается от точек зрения китайских лингвистов, которые представлены ниже.

Действие может быть ориентировано относительно центра высказывания (как правило, это местонахождение подлежащего): *lai* – от некоего места к центру высказывания, а *qu* – от центра высказывания к некому месту. Сложные динамические слова с *lai* и *qu* в качестве вторых компонентов имеют аналогичный простым динамическим словам *lai* и *qu* ориентир [Люй Шусян, 1944, с. 132].

Глаголы первой группы *lai* и *qu* ориентируются на местонахождение говорящего, глаголы второй группы *shang*, *xia*, *jin*, *chu*... – на предмет или позицию за пределом местонахождения говорящего, глаголы третьей группы *shanglai*, *xialai*, *jinlai*, *chuqu*... интегрируют характер ориентации первых и вторых групп. Например, основное направительное значение у сложных глаголов *jinlai* – движение к говорящему, к тому же еще значение – вхождение в закрытое пространство [Ху Юйшу, 1979, с. 296–297].

Группа глаголов направления движения *lai* и *qu* ориентирована относительно говорящего: *lai* – к говорящему, а *qu* – от говорящего. Группа *shang*, *xia*, *jin*, *chu*... не ориентирована по отношению к гово-

рящему, а придерживает направление действия передвигающегося объекта. Двуслоговые глаголы направления движения имеют два ориентира, которые действуют отдельно [Люй Цзипин, 1983, с. 83–85].

В работе «Общее толкование направительных дополнительных членов» Лю Юехуа отмечает, что *lai* и *qi* ориентируются на говорящего: *lai* – движение к говорящему, *qi* – движение от говорящего. Простые направительные дополнительные члены *shang*, *xia*, *jin*, *chu*... обозначают относительное изменение местонахождения человека или предмета и не имеют фиксированного отношения к местоположению говорящего. Направление их движения ориентировано относительно конкретного места в пространстве (это либо НТД, либо КТД, либо некая точка в середине траектории движения). В сложных направительных дополнительных членах само направление движения отождествляется с первыми компонентами *shang*, *xia*, *jin*, *chu*..., а субъективный ориентир совпадает с *lai* и *qi* [Лю Юехуа, 1998, с. 3–8].

Другими словами, китайские лингвисты считают, что ориентированность сложных глаголов направления движения определяется вторым компонентом *lai* или *qi* и совпадает с ним, при этом движение также ориентировано относительно некого пространственного ориентира. Данная точка зрения совпадает с [Задоевко, 1986, с. 322].

Следует обратить внимание на то, что глагол *lai* в китайском языке характеризуется сдвигом ориентира:

1. Местом завершения движения (ориентиром) является местонахождение слушающего в момент речи:

Wo zai shanghai, ni deng Wo, Mingtian Wo lai Beijing / Я в Шанхае, жди меня, завтра я приеду в Пекин.

Ч. Филлмор называет такое языковое явление «дейктической проекцией» [Fillmore, 1997]. В целях выражения уважения к слушающему говорящий не ориентируется на свое местонахождение, а переориентируется на местонахождение слушающего.

2. Местом завершения движения (ориентиром) является местонахождение говорящего в момент завершения движения:

Ni mingtian lai Xiexiao / Завтра ты придешь в университет (в момент речи говорящего нет в университете. Когда завтра ты придешь в университет, говорящий обязательно будет).

3. Местом завершения движения (ориентиром) является постоянное местонахождение говорящего в момент завершения движения:

Ta mingtian lai Beijingdaxue, henyihan mingtian Women dou buzai / Завтра он придет в Пекинский университет, но, к сожалению, нас не будет.

Ч. Филлмор говорит о так называемой «родной базе». В понятие «родной базы» можно включить не только родной дом говорящего, как это предлагает исследователь, но и место работы или место рождения. То есть это может быть любое место, которое кажется важным для говорящего и с которым он себя связывает.

Кроме того, лицо говорящего (1, 2, 3) также может влиять на ориентированность глаголов *lai* и *qi*. С точки зрения Л.О. Чернейко, можно выделить различные типы субъекта-наблюдателя – это субъект-повествователь (нарратор, автор текста); субъект речи – наблюдатель, существующий в иллюзорном пространстве текста (говорящий); субъект слушающий – наблюдатель, декодирующий текст, то есть автор текста чтения (метанаблюдатель) [Чернейко, 1996, с. 63]. В статье «Некоторые вопросы о направительных дополнительных членах *lai* и *qi*» Лю Юехуа отмечает, что в соответствии с лицом подлежащего предложения ориентир глаголов *lai* и *qi* может изменяться [Лю Юехуа, 1980, с. 36–39]:

1. При присутствии говорящего или употреблении первыми лицом для повествования ориентиром является местонахождение говорящего или первого лица, например:

– *Wei, xingqitian ni neng huilai ma?* / – Алло, в воскресенье ты придешь? (ориентир – мое местонахождение).

2. При употреблении третьим лицом для повествования говорящий может принять местонахождение повествуемого лица за ориентир, например:

...*Ou Yanghai shoule zhongshang. ...Cheshang de ren yedou henkuai xiale che, xiang Ou Yanghai paolai* / ...*Оу Янхай получил тяжелую травму. ...Люди вышли из машины и прибежали к Оу Янхай* (ориентир – местонахождение повествуемого лица *Оу Янхай*).

3. При употреблении третьим лицом для повествования говорящий может принимать повествуемое место за ориентир, например:

Huichangli ye zuole bushao ren, zheshi hai buduan youren jinlai / *В конференц-зале уже сидит не мало людей, но все еще входят* (ориентир – повествуемое место *конференц-зал*).

Таким образом, можно сделать вывод, что китайские глаголы направления движения представляют собой особую группу глаголов с рядом грамматических и семантических особенностей и могут выступать в предложениях как самостоятельный глагольный предикат, а также как направительный дополнительный член. Среди всех глаголов направления движения глаголы *lai* и *qi* занимают основополагающую позицию. Они являются основными компонентами для образования

сложных глаголов направления движения, могут обозначать действие, ориентированное относительно говорящего, либо сближение к нему, либо удаление от него. Ориентированность сложных глаголов направления движения также зависит от них.

Литература

- ВССКЯ – Восемьсот слов современного китайского языка. Пекин, 1980.
- Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. М., 1989.
- Задоненко Т.П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. Основной курс. М., 1986.
- Лю Юехуа. Некоторые вопросы о направительных дополнительных членах *lai* и *qi* // Преподавание и исследование языков. 1980. Вып. 3.
- Лю Юехуа. Общее толкование направительных дополнительных членов. Пекин, 1998.
- Люй Цзипин. Основы грамматики китайского языка. Харбин, 1983.
- Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка : в 3 тт. Пекин, 1944. Т. 2.
- СГУ – Словарь глагольных употреблений. Пекин, 1999.
- ССКЯ – Словарь современного китайского языка. Пекин, 2005.
- Тань Аошуан. Проблема скрытой грамматики : Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на материале китайского языка). М., 2002.
- Ху Юйшу. Современный китайский язык. Шанхай, 1979.
- Чернейко Л.О. Позиция наблюдателя в художественном тексте как импликатура метафорической номинации // Вестник Московского университета. Сер. 9 : Филология. 1996. № 1.
- Шмелев А.Д. Из пункта А в пункт В // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.
- Fillmore C. Lectures on Deixis. Stanford, California, 1997.
- Talmy L. Lexicalisation Patterns : Semantic Structure in Lexical Forms // Language Typology and Syntactic Description. Vol. III : Grammatical Categories and the Lexicon. Cambridge, 1985.

АДЪЕКТИВАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Н.Ю. Полуничева

Ключевые слова: действительное причастие настоящего времени, адъективация причастий, адъектив.

Keywords: present active participle, adjectivisation of participles, adjective.

В результате углубленного внедрения в исследовательскую практику идей функционального подхода традиционная проблема образования новых номинативных единиц языка в современной теории языкознания получает новый импульс развития за счет охвата нового материала, ранее остававшегося за пределами дериватологии. Целью данной статьи является выявление и систематизация факторов, способствующих и препятствующих процессу адъективации действительных причастий настоящего времени, а также особенностей этого процесса.

Существует ряд условий, необходимых и препятствующих процессу адъективации этой группы причастий. Проанализируем их состав, предварительно рассмотрев типы лексических значений причастных форм.

Семантика причастных форм в целом (в отличие от личных форм глагола) имеет свои особенности. Выделяются три типа лексических значений причастных форм: глагольные, стативные и адъективные [Сафонова, 2008, с. 14–15].

Глагольные значения – лексические значения глагола, свойственные всем его грамматическим формам, в том числе и причастиям. Напр.: *Дети, бегающие вокруг фонтана, громко смеялись* и *Дети бежали вокруг фонтана и громко смеялись*. Однако для русского глагола характерно отсутствие или неупотребительность причастных форм (особенно страдательных причастий прошедшего времени) у некоторых типов вторичных, переносных значений. Ср.: *Наша школа получила прекрасного педагога по физике* и неупотребительное *Прекрасный педагог по физике, полученный нашей школой*.

Стативные значения – это лексические значения страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида, выражающие не-процессуальный признак, значение состояния, результата действия и реализующиеся только в причастных оборотах, а не у одиночных причастий. Стативные значения имеют полные и краткие формы, находя-

щиеся в регулярной корреляции, ср.: *Вереск, распространенный в северных широтах, цветет довольно долго – Вереск распространен в северных широтах.*

Употребляясь в конструкция того же типа, что и причастные обороты, причастия в стативных лексических значениях не выражают грамматического значения страдательности, а краткие их формы не имеют значения пассива. В.В. Виноградов относил значения этого типа к «категории состояния».

Причастия со стативным типом значения не выходят за рамки глагольной семантической зоны, не переходят в прилагательные. Они толкуются всегда через глаголы, так как обозначают состояние лица или предмета, связанного с действием (ср.: *влюбленный в кого (что) – влюбившийся в кого (что) – влюбиться в кого (что)*).

Для стативных лексических значений причастных форм, как и для глагольных, характерна регулярная субстантивация.

Адъективные значения – это лексические значения причастий, которые возникают в процессе адъективации и обозначают действие или состояние как признак, свойство в их отвлечении от временной приуроченности: *обесцвечивающие средства, обещающий взгляд, подавляющая тишина, сбитая подкова.*

Адъективные значения причастных форм, как и стативные, не могут быть отнесены к именам прилагательным, поскольку они обозначают такие свойства или состояния лица и предмета, связанные прежде всего с процессом действия или его результатом. Причастия в адъективных значениях сочетаются с тем же кругом существительных, которыми глагол управляет в личных формах (*взволнованный человек – взволновать человека, лимитировать подписку – лимитированная подписка*) или с существительными, называющими семантический и грамматический субъект действия (*думающий инженер, знающий специалист*).

Многие адъективные значения существуют только в полных формах (*выдержанный табак, забытые лица, заинтересованные лица*). Краткие формы адъективных значений, как и краткие формы стативных значений, не имеют значения пассива, не входят в залоговое соотношение «актив – пассив».

Часто адъективные значения семантически соотносительны с возвратными глаголами (*сломанные часы – часы сломались*).

Адъективные значения могут быть источником омонимии – довольно регулярного образования прилагательных, сочетающихся с кру-

гом существительных, которыми глагол не управляет: *взволнованный вид, лицо, голос, речь; растерянный вид, лицо, глаза.*

Образование адъективных значений причастий – продуктивный процесс в современном русском языке.

Данная классификация была положена в основу анализа группы адъективированных действительных причастий настоящего времени, извлеченных из Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова путем сплошной выборки. Общее количество адъективированных действительных причастий настоящего времени составило 136 единиц. Данная группа причастий анализировалась с учетом следующих параметров: синтаксическая и лексическая сочетаемость, лексическое значение причастия, лексическое значение определяемого имени, характер словообразовательной структуры. При анализе учитывались изменения морфологических характеристик адъективированных форм причастий данной группы и изменение их парадигматических отношений в языко-речевой системе.

Фактор сочетаемости

Для того чтобы рассмотреть сочетаемость адъективированных действительных причастий настоящего времени, нам необходимо уяснить само понятие «сочетаемость лексемы». Оно включает в себя следующие компоненты.

Сочетаемость в общем смысле – это информация о требованиях, которые представляет слово А к слову В, синтаксически связанному со словом А [Кобозева, 2000, с. 146–147]. То есть это способность языковых элементов сочетаться друг с другом в речи.

Синтаксическая сочетаемость слова – информация о части речи слова В и о его грамматической форме.

Семантическая сочетаемость слова – информация о том, какими семантическими признаками должно обладать слово В, синтаксически связанное со словом А.

Лексическая сочетаемость – информация о том, каким должно быть слово В (или класс слов $V_1, V_2, V_3 \dots V_n$), находящееся в определенной синтаксической связи с А. Таким образом, лексическая сочетаемость – это способность слова соединяться в речи со словами определенной семантики, образуя целостное, с точки зрения формы и содержания, высказывание. Она проявляется в избирательности лексем. В пределах словосочетания знаменательные слова вступают друг с другом в определенные, более или менее устойчивые отношения, нарушение которых приводит к нарушению лексической сочетаемости

Класс причастий с глагольным типом значения

Для причастных форм с глагольным типом значений характерны следующие типы синтаксических конструкций: причастный оборот после определяемого слова; причастный оборот перед определяемым словом; причастие без поясняющих слов перед определяемым словом (одиночная препозиция).

Состав синтаксических связей причастий с глагольным типом значений реализуется в следующих схемах [Ожегов, 2008]:

Прич. + сущ. Р.п. (с объектным значением): *алчущий подробностей, бредущий бороду, взыскующий простоты;*

Прич. + предлог + сущ. Р.п.: *вихляющий вокруг клумб, подходящий для ребенка;*

Прич. + сущ. Д.п.: *внемлющий пению, присущий помещению, противозлежащий стороне;*

Прич. + предлог + сущ. Д.п.: *бегущий навстречу машине, восходящий к царям, негодующий по поводу;*

Прич. + сущ. В.п.: *вызывающий жажду, вяжущий соперника, давящий плечи;*

Прич. + предлог + сущ. В.п.: *входящий в состав, незначащие на вид, указующий на опасность;*

Прич. + сущ. Т.п.: *блестящий боками, впечатляющий объемом, выдающийся делами;*

Прич. + предлог + сущ. Т.п.: *вьющийся за спиной, пишущий под псевдонимом;*

Прич. + предлог + сущ. П.п.: *непреходящий во времени, отсутствующий на территории, трудящийся в области;*

Прич. + инфинитив: *желающий говорить, начинающий привыкать;*

Прич. + предлог + местоим. Р.п.: *исходящий от него, независящие от него;*

Прич. + местоим. Д.п.: *недостающий вам;*

Прич. + местоим. В.п.: *отталкивающий его, умоляющий меня;*

Прич. + предлог + местоим. П.п.: *недремлющий во мне;*

Прич. + наречие: *отъезжающий отсюда, лениво текущий, тихо шипящий.*

При анализе синтаксической сочетаемости данной группы адъективированных причастий нами была выявлена следующая особенность. Данные причастия входят в ряд однородных членов предложения, образуемых причастными оборотами (*человек, бредущий бороду и расхаживающий в одних подштанниках; фронтовик, не умеющий и не же-*

лающий говорить менторским тоном; гондольер, машущий мне своей соломенной с алой лентой шляпой и зазывно кричащий). Помимо однородных членов, образуемых причастными оборотами, причастия данной группы могут вступать в отношения однородности с прилагательными (*полуподвал, довольно просторный, но сырой и мало подходящий для ребенка*).

Лексическая сочетаемость причастных форм с глагольным типом лексического значения соотносится с сочетаемостью исходного глагола. Причастия в этих значениях взаимодействуют с тем же кругом лексических единиц, которыми управляет глагол в личных формах (*умоляющий меня – умолять меня; желающий говорить – желать говорить; входящий в состав – входить в состав*).

Класс причастий с адъективным типом значения

У адъективных значений причастных форм синтаксическая сочетаемость сокращается до одной формы – одиночной препозиции, причастия без поясняющих слов перед определяемым словом (*взыскующий герой, недостающий материал, правящий класс*).

Особенностью синтаксиса адъективных причастных форм является вхождение их в ряды однородных членов, образуемых одиночными причастиями (*алчущий свой, жаждущий клюв; взыскующий и вопрошающий герой*), либо прилагательными (*динамический и восходящий поток; ты, вездесущий, щедрый, вседержавный*).

У адъективных значений сохраняется лексическая сочетаемость с исходным глаголом (*недостающий материал – материал, которого не хватает; правящий класс – класс, который правит*). Причастия в этих значениях сочетаются с существительными, называющими семантический и грамматический субъект действия (*думающий инженер, знающий специалист*).

Класс адъективов (отпричастных прилагательных)

Особенность синтаксической сочетаемости адъектива проявляется в функционировании его как препозитивного одиночного определения (*блестящий вид, вопиющий факт, кричащий цвет* и т.д.). Вследствие этого адъективы могут входить в синонимичные ряды, образованные прилагательными (*здоровый и блестящий вид; горький, всепобеждающий запах; резкий, вяжущий вкус* и т.д.), а также причастиями (*возвышенный и всеобъемлющий характер*).

При образовании адъективов кардинально меняется характер лексического значения. Это проявляется в изменении состава сочетаю-

щихся с ним лексем по сравнению с мотивирующим глаголом (*блестящий шар – блестящий боками – блестящий вид*).

Отдельную группу составляют прилагательные, образованные от причастий способом сложения. По характеру синтаксической сочетаемости они похожи на группу причастий с адъективным значений и адъективов, также образуют причастные конструкции после определяемого слова, перед определяемым словом и одиночное причастие без поясняющих слов перед определяемым словом (одиночная препозиция).

По типу лексической сочетаемости причастия, образованные сложным способом, отличаются от всех выявленных групп причастий. Они больше приближены к производящему глаголу. Однако они в отдельных случаях могут изменять характер лексической сочетаемости, что свидетельствует о разной степени их окачествления (лексикализации).

Таким образом, устойчивое образование адъективных значений связано с изменением их синтаксической и лексической сочетаемости исходных причастных форм.

Фактор лексического значения причастий и отпричастных адъективов с учетом лексического значения определяемого имени

В результате адъективации причастных форм происходит изменение не только на уровне синтаксической и лексической сочетаемости, но и на лексическом уровне. Рассмотрим изменение в семантике причастных форм.

На основе анализа Толкового словаря русских глаголов Л.Г. Бабенко [Бабенко, 1999] нами были выявлены следующие идеографические группы причастных форм с глагольным типом значения:

- активное воздействие на объект с целью нанесения ему вреда (*отравляющий*); соиздание объекта в результате физического действия (*производящий, связующий*); круговое покрытие объекта (*вьющийся*); очищение и удаление объекта (*бреющий*); соединение (*вяжущий*);
- однонаправленное перемещение, ориентированное относительно исходного пункта (*захватывающий, отталкивающий, текущий*); помещение объекта в определенном месте каким-либо образом (*окружающий*); разнонаправленное движение субъекта (*бегающий*); субъектное помещение (*входящий*); замена (*переходящий*);
- звучание (*кричащий, шипящий*);

- речь (*тянущий*); речевое сообщение (*желающий, указывающий*); убеждение (*умоляющий*);
- поступок и поведения (*нющий*); принуждение (*взыскующий*);
- приведение в эмоциональное состояние (*потрясающий, вызывающий, давящий*); пребывание субъекта в эмоциональном состоянии (*негодующий*);
- обладание (*имущий, располагающий*);
- управление (*правлящий, руководящий*); деятельность по достижению целей (*подходящий*); профессионально-трудовая деятельность (*трудящийся*); решение (*решающий*);
- сравнение и сопоставление (*соответствующий*);
- бытие (*недостающий*);
- начало события и действия (*начинающий*);
- проявление признака (*блестящий*).

Среди рассмотренных глаголов половину составляют причастия с объектным типом значения, например, *отравляющий, имущий, захватывающий* и т.п.; вторую половину составляют причастия с субъектным типом значения: *выдающийся, переходящий, кричащий* и т.п.

В отличие от причастных форм, адъективированные причастия выражают широкий спектр **качественных** значений, указывающих на:

- признаки лица: *блестящий лектор, всеведущий голос, выдающийся филолог, вызывающий тон, давящий страх*;
- признаки абстрактных понятий: *вопиющий факт (обман, несправедливость), вяжущий вкус, грядущее событие*;
- признаки конкретных предметов (артефактов): *долгоиграющий диск, завалиющий кусочек колбасы (товар), кричащий наряд (цвет, заголок)*;
- признаки предметов (натурфактов): *дикорастущий терн (кустарник), неувядающий лавр, огнедышащая гора*;
- признаки событий (действий, состояний): *предстоящий день (сезон), предыдущий приезд, текущий момент (год)*;
- терминологическую лексику: *деревобрабатывающий завод (промышленность), звукопроводящая среда, исходящий номер (почта, звонок)*.

Образование адъективов на основе причастных форм чаще всего связано с метафорическим или метонимическим переносом имени (*блестящий вид, бреющий полет, вопиющий обман* и т.д.). Это приводит к образованию многозначных лексем производных прилагательных: *блестящий лектор (успех, вид), всеведущий корреспондент (го-*

лос), выдающийся ученый (достижения). Способность некоторых адъективов иметь несколько значения является следствием их функционирования в разном контекстном окружении.

Причастия с адъективным типом значения обозначают свойства и состояния лица или предмета, которые связаны прежде всего с процессом действия и его результатом. Поэтому по своей семантике, оставаясь в рамках глагольного типа значения, они приобретают лишь некоторые семантические признаки, свойственные относительным прилагательным: *бегающий силуэт, жаждущий клюв, вихляющий мотив*. В этом отношении они сближаются с некоторыми адъективами, носящими терминологический характер, например, *исходящий номер, коксующийся уголь, свеклосеющий комбайн*. Их различия заключаются, главным образом, в характере лексической сочетаемости. В терминологических сочетаниях лексическая сочетаемость носит устойчивый характер. Обычно это одна лексическая единица, входящая в состав устойчивого терминологического сочетания.

Отпричастные адъективы как лексические единицы вступают в синонимические и антонимические отношения между собой и с другими группами адъективной лексики: *алчущий, жаждущий клюв; здоровый и блестящий вид; тяжелый и давящий страх*.

Таким образом, с семантической и функциональной точки зрения среди действительных причастий настоящего времени выделяются формы с глагольным типом значения, которые противопоставлены в этом отношении образованным на их основе адъективам. Отнесение последних к классу имен прилагательных представляется возможным в связи с изменением не только их категориальной, но и лексической семантики, а также с изменением их сочетаемостных свойств и лексической парадигматики. К причастиям с глагольным типом значения примыкает группа причастных форм с адъективным значением, которая сохраняет лексическую сочетаемость исходных форм причастий, но содержит в себе семантические признаки, сближающие их с группой отглагольных относительных прилагательных. Группа слов с терминологическим типом значения, сохраняя некоторое семантическое сходство с причастными формами, тем не менее относятся к классу адъективов по характеру их функционирования. Они характеризуются устойчивостью внутреннего состава и воспроизводимостью.

Перспектива работы связывается с рассмотрением в функционально-семантическом аспекте других групп причастий.

Литература

- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : Ок. 65000 слов и фразеологических выражений. М., 2008.
Сазонова И.К. Толково-грамматический словарь русских причастий. М., 2008.
Толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М., 1999.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *WEAK – СЛАБЫЙ*

А.О. Топоева

Ключевые слова: ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, семантическая зона.

Keywords: associative field, associative experiment, semantic zone.

Значение *weak / слабый* представлено в русском и английском языках отдельными словами, входящими в «фундамент повседневной коммуникации» [Петроченков, 1996, с. 51]. Лексикографические источники предлагают разное количество значений данных полисемантических прилагательных. Так, например, в толковом словаре английского языка [Free Online Dictionary, URL] их 33. В Оксфордском иллюстрированном словаре английского языка предложено семь дефиниций [Oxford, 1998]. В словарях русского языка наибольшее количество значений зафиксировано в словаре Даля – 14 [Даль, URL]. По данным Толкового словаря Ожегова прилагательное *слабый* имеет восемь значений [Ожегов, Шведова, 1999, с. 727]. Анализ словарных статей показывает, что ведущим значением в обоих языках является недостаток физической силы, которое, как правило, относится как к человеку, так и к неодушевленным предметам и явлениям. Следует отметить, что дефиниции, характеризующие человека, составляют менее половины приведенных значений в большинстве изученных нами словарей. Например, в толковом словаре английского языка [Free Online Dictionary, URL] их 39%, а в словаре Даля – 35% [Даль, URL].

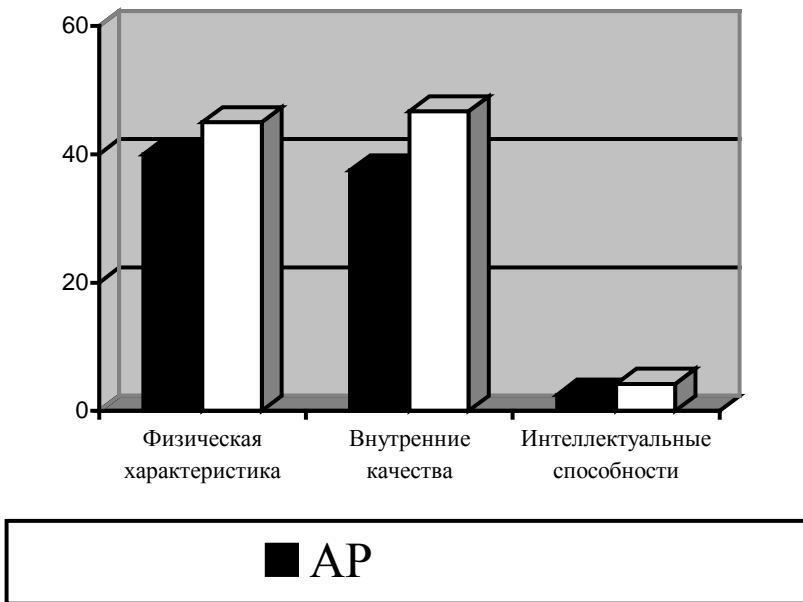
Среди дефиниций, непосредственно относящихся только к человеку, представлены такие признаки, как состояние здоровья (*feeble, sickly, болезненный, хилый*), отсутствие интеллектуальных (not possess-

ing intellectual, logical, moral strength) и моральных качеств (*нет стойкости, самостоятельности, твердости*).

Для изучения особенностей вербализации признака *weak / слабый* в языковом сознании современных носителей английского и русского языков нами был проведен в 2009 году свободный ассоциативный эксперимент. В нем принимали участие 40 англоязычных и 133 русскоязычных респондентов. Англоязычные респонденты (АР) были представлены жителями США и Великобритании, из которых 23 респондента женского пола и 17 – мужского. Среди русскоязычных респондентов (РР) 64 представителя мужского пола, 69 – женского.

Анализ первых реакций обеих групп респондентов позволил выделить следующие три общие семантические зоны (СЗ), объединяющие вербальные ассоциации характеристики человека с точки зрения: а) физической силы или состояния; б) внутренних качеств; в) интеллектуальных способностей.

Диаграмма 1. Распределение ассоциат в структуре общих СЗ

Как видно из представленной диаграммы, в структуре реакций AP лидирует СЗ «физические характеристики» (40%). За ней с небольшим отрывом следует СЗ «внутренние качества» (37,5%).

В структуре реакций PP первые позиции заняли те же семантические зоны, и разница между ними оказалась незначительной. Лидирующее место занимает СЗ «внутренние качества человека» (46,7%), а на втором месте стоит СЗ «физическая характеристика» (45%).

СЗ «интеллектуальные способности человека» в обоих языках объединила наименьшее количество реакций: у PP – 4,2%, у AP – 2,5% ассоциат.

Ассоциативное поле первой СЗ у AP представлено такими нейтральными частотными реакциями, как: *body* (4) «тело» и *small* (3) «маленький», *tired* (2) «уставший». Единичные реакции характеризуют физическую слабость и слабое здоровье (*feeble* «немошный, хилый», *spindly* «плохо развивающийся»), строение тела (*thin* «худощавый»), недостаток энергии (*passive* «пассивный»), а также возможную причину слабости (*hunger* «голод»). Отличительной особенностью ассоциативного ряда AP является наличие иронично-оценочных реакций (*Sissy boy* «неженка, мамин сын», *witru* «изнеженный»), принадлежащих респондентам мужского пола.

Ассоциативное поле PP представлено следующими реакциями, характеризующими недостаточную физическую мощь или активность: *хилый* (14), *беззащитный* (5), *бессильный*, *беспомощный*, *вялый*, *худой*, *худенький*, *медленный*, *физически*. Существенную долю составляют частотные ассоциаты, связанные с недостатком здоровья: *больной* (5), *немошный* (3), *дохлый* (3). Большинство из приведенных реакций (20) относится к разговорно-просторечной лексике и носит негативную окраску – *хилый*, *дохлый*. Нейтральные реакции относятся к гендерной характеристике *пол* (7), *женский пол*, указанию на возраст (размер) *маленький* (7), спортивной терминологии *бросок*, *борец*. Следует отметить, что гендерно маркированные реакции в виде как отдельных слов, приведенных выше, так и мужского рода всех реакций-прилагательных были приведены только PP женского пола.

Вторая СЗ, связанная с характеристикой внутренних качеств человека, представлена следующими реакциями AP: *will* (4) «воля», *dishonest* (3) «нечестный», *fearful* (2) «боязливый», *petty* «мелкий, мелочный», *shrimp* «ничтожный человек, ничтожество», *pathetic* «жалкий», *emotional* «эмоциональный», *reliant* «зависимый, доверчивый», *confused* «смущенный», *suicide* «самоубийство». Следует отметить достаточно

широкий диапазон оценочных значений в данной СЗ, среди которых преобладают волевые и моральные качества человека.

Ассоциативное поле второй СЗ у РР представлено также в основном оценочными реакциями негативного характера. Например, *трусливый (7), неуверенный в себе (4), неуверенный (3), жалкий (2), трус (2), пессимист (2), заяц (2), мышь (2), хлюпик, подчиняющийся, подчинение, лень, наркоман, нерешительный, слабохарактерный, зависимый, несмелый, забитый, тихоня, наивный, скованный, неуравновешенность, растерянный человек, без силы воли, плаксивый, безответственный, человек, который киснет при пустяках*. В данной СЗ реакций разговорно-просторечного характера оказалось существенно меньше – *хлюпик, лох*. К лидирующим негативным качествам относятся *трусость и неуверенность*. Кроме нейтральных ассоциаций *характер (5), дух (2), сомнение (2) и сила воли* выявлены также реакции позитивного характера *добрый, совесть, мягкий, чувствительный, ранимый, скромный*, отсутствующие у АР.

Таким образом, основными внутренними качествами слабого человека, по мнению АР, являются нечестность и боязливость, по мнению РР – неуверенность в себе, сомнение и подчинение. К специфике ассоциативных связей в языковом сознании РР следует отнести особенности структуры гендерного восприятия. Так, приведенные выше позитивные реакции на слово *слабый*, были обнаружены только у РР мужского пола. В свою очередь у РР женского пола встречаются реакции, отсутствующие у мужчин, но они носят негативный характер: *пессимист, хлюпик, подчиняющийся, лень, плаксивый, наивный*.

В третьей СЗ, характеризующей интеллектуальные способности, оказались единодушно отрицательные реакции респондентов только мужского пола из обеих групп испытуемых. У АР выявлена одна реакция *nerd (тупица, болван,)*, у РР – три ассоциата *глупый (3), недоразвитый и слабая голова*.

К группе ассоциаций, которые называют неодушевленные предметы и встречаются в реакциях только АР (20%), относятся следующие реакции: *breakable (3), frail (2), aluminum*. Ведущим значением служит непрочность и хрупкость предметов, с другой стороны, представлено и антонимичное значение прочности в названии металла *алюминий*.

Название явлений природы (*дождь*) встречается только у РР мужского пола.

Таким образом, сопоставительный анализ ассоциативного поля прилагательных *weak / слабый* позволил выявить следующие закономерности и особенности:

– Антропоцентричность языкового сознания англоязычных и русскоязычных респондентов. Превалирующее количество ассоциат, составивших ассоциативное поле прилагательных *weak* – *слабый*, оказались семантически «привязано» к человеку в отличие от данных лексикографических источников.

– Сходство семантических зон, объединяющих первые реакции респондентов обеих исследуемых групп по оценочному или критериальному признаку.

– Преобладание в ассоциативном поле РР негативно-оценочной характеристики физической слабости.

– Более высокую степень гендерной маркированности ассоциативного поля «слабый» в языковом сознании РР женского пола.

– Наличие позитивной коннотации в ассоциативном поле «слабый» в языковом сознании РР мужского пола.

– Преобладание в ассоциативном поле АР ассоциаций, характеризующих волевые и моральные качества человека.

Литература

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-37534.htm>

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000.

Петроченков А.В. Предисловие // А.В. Петроченков. Англо-русский словарь : 2000 наиболее употребимых слов английского языка. Смоленск, 1996.

Free Online Dictionary – A Free Online English-English Dictionary [Электронный ресурс]. URL : <http://ardictionary.com/Weak>

Oxford – Иллюстрированный словарь английского языка Oxford. Oxford University Press, 1998.

РЕЦЕПТИВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА «ВИШНЯ» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА

В.В. Трубицына

Ключевые слова: Пушкин, эротическая поэзия, песня, фольклор.

Keywords: Alexander Pushkin, erotic poetry, song, folklore.

В 1820–1840-х годах многие из ранних стихотворений А.С. Пушкина («Казак» (1814), «Романс» (1814), «Черная шаль» (1820),

«Узник» (1820) и др.) были положены на музыку, а некоторые стали достоянием общественности в качестве песен еще до их публикации в печатных изданиях. Это определило особую судьбу большинства пушкинских текстов на границе между литературой и фольклором. Интерес в этом смысле представляет рецептивная трансформация стихотворения Пушкина «Вишня» (1815). По причине своего откровенно эротического содержания оно не публиковалось до середины XIX века. Б. Бродский, включая «Вишню» Пушкина в сборник «Эротика в русской поэзии» (Берлин, 1922), отметил синтетизм поэта в развитии эротической темы, сочетавшего «полухолодную», «медлительную» эротику Е. Боратынского, эротику античного склада А. Дельвига и эротику, подчеркнута реальную, «непосредственную» Н. Языкова. Однако в отношении эротизма «Вишни» следует назвать более раннюю традицию, идущую от «пастушьих» песен А.П. Сумарокова и поэтов «сумароковской школы», в основе которой была собственно народная поэзия. Пушкин выстраивает свое стихотворение по типичной сюжетной схеме народных эротических песен: «небольшая зарисовка с натуры, житейская сценка, включающая диалог парня и девушки, и описание любовного соединения <...> полная свобода девушки или женщины в выборе партнера и <...> полное отсутствие какого-либо регоризма или хотя бы оттенка морального осуждения» [Топорков, 1995, с. 17]. В то же время «Вишня» очень близка стихотворению А.П. Сумарокова в жанре «пастушьей» песни «Негде в маленьком леску» (1755), где поэтически разработан сюжет соблазнения пастухом пастушки, весьма популярный в народной среде¹: пасторальная картина в начале песни; повествование о любовном свидании, во время которого пастушка нечаянно падает в траву, и лукавый пастух спешит ей на «помощь», о податливости героини и настойчивости, ловкости героя («*Зацепила за траву, / Я не знаю точно, / Как упала в мураву, / Вправду иль нарочно. / Пастух ее подымал, / Да и сам туда ж упал, / И в траве он щекотал девку без разбору*»); в концовке – фривольная, традиционно двусмысленная развязка: «*Только эхо по реке / Отвечало вдалеке: / Ай, ай, ай! – знать, они дрались*» [Сумароков, 1957, с. 265]. Эти же мотивы, но в несколько иной и более детально разработанной ситуации, составляют пушкинский текст: прелестная пастушка ранним утром идет на рынок, проходя мимо вишенника, хочет полакомиться высоко висящими спелыми «плодами», взбирается на дерево, видит неподалеку пас-

¹ По указанию А.В. Позднеева, песня «Негде в маленьком леску» «весьма популярная» фиксируется в рукописных песенниках XVIII века в сорока вариантах. См.: [Позднеев, 1996, с. 385].

туха; засмотревшись на него, падает, зацепившись юбкой за сук, пастух спешит на «помощь».

Близость к песенной народной и литературной традиции привела к возникновению и распространению песенных вариантов пушкинского стихотворения в XIX веке. В частности, о популярности и бытовании одного из них можно судить по рассказу «Старая барыня» (1857) А.Ф. Писемского: « – *Постой, садись около меня, – проговорил гуляка и, взяв Грачиху за руку, посадил рядом с собой. – Слушай, – произнес он и начал заунывным тоном: “Туманы седые плывут к облакам, пастушки молодые спешат к пастушкам”*» [Писемский, 1959, с. 429–430]¹.

Впервые «Вишня» была опубликована в 1857 году, но и тогда, по определению Главного управления цензуры (№ 151466, 1857 год), из текста были исключены семь четверостиший откровенно эротического характера. Между тем, как следует из доклада цензора И.А. Гончарова, некоторые из стихотворений Пушкина, «хотя и не были напечатаны, но ходили по рукам в рукописях и давно известны в публике наравне с напечатанными» [Щеголев, URL].

Печатная публикация песенного варианта «Вишни» Пушкина под аналогичным названием выявлена М.Я. Мельц в сборнике «Альбом золотых мотивов» (1884)² с пометкой «Выявленное искажение текста: не приведены первые 8 строк» [Мельц, 2000, с. 94]. В действительности искажение авторского текста в «Альбоме» гораздо значительнее³. Следуя песенному канону, стихотворение сокращено почти наполовину. Опущено подробное у Пушкина эротическое описание встречи пастуха и пастушки от момента ее падения с дерева до «окропления» травы соком раздавленной вишни. Происходит не только сокращение, но и перестановка отдельных частей текста: четвертая и двенадцатая строфы стихотворения Пушкина переставлены на другое место в соответствии с новой логикой развития лирического сюжета, который, минув поэтические описания природы и внешности персонажей, устрем-

¹ Примечательно, что Топорков, внук бывшего управителя имения госпожи Пасмуровой, обученный «как дворянский сын» и долгое время проживший в Москве, а ныне окончательно опустившийся и записанный в рекруты за деревенских мужиков, помимо «Пастушки» пытается спеть Грачихе еще ряд песен, оставляя их каждый раз незаконченными. После двух неудачных запевов, когда Грачиха упрекает Топоркова в нескладности пения, «гуляка» пытается угодить хозяйке постоялого двора и запекает «Пастушку», но вновь бросает ее, на сей раз сам неудовлетворенный своим пением или выбором.

² Песня помещена в третьем разделе «Русские, цыганские романсы» без указания авторства под номером 136.

³ Текст мог быть помещен в сборнике, как в авторской редакции составителей, так и воспроизведен с рукописей, записи по памяти и «со слуха».

ляется к основному событию. Фокусируя на нем внимание, песня устранивает поэтическое обобщение и конкретизирует ситуацию, заменяя множественное число на единственное: вместо «*Пастушки молодые спешат к пастухам*» – «*Пастушка молодая спешит к пастухам*». У Пушкина разница грамматического числа служит способом отличия героини: в то время как все прочие «*пастушки спешат к пастухам*», целомудренная «*молодая пастушка на рынок спешит*». Устранение этого различия создает в песенном варианте логическое противоречие: пастушка спешит одновременно и к пастухам, и на рынок. Но подобная смысловая небрежность несущественна и незаметна в песенном исполнении, так же как и еще более грубая оплошность, возможно допущенная наборщиком: вместо «*утеха страданий двух юных сердец*» напечатано «*успеха страданий двух юных сердец*».

Меняется ритмическая и графическая организация оригинала: пушкинские катрены двухстопного амфибрахия заменяются двустипшиями четырехстопного амфибрахия. Это перестроение, возможно, связано с переложением стихов на музыку, на что есть указание в конце «Альбома»: «Ко всем помещенным в настоящем “Альбоме” операм, <...> русским и цыганским романсам, цыганским, венгерским и народными песням – продаются ноты для пения и фортепиано во всех музыкальных магазинах» [Альбом., 1884, с. 309]. Сравним зачин оригинала и песенной переделки:

А.С. Пушкин [Пушкин, 1937–1959, с. 326]	«Альбом» [Альбом., 1884, с. 235]
<p><i>Румяной зарею Покрылся восток, В селе за рекою Потух огонек. Росой окропились Цветы на полях, Стада пробудились На мягких лугах. Туманы седые Плывут к облакам, Пастушки молодые Спешат к пастухам. С журчаньем стремится Источник меж гор,</i></p>	<p><i>Туманы седые плывут к облакам, Пастушка молодая спешит к пастухам. Пастушка молодая на рынок спешит И вдаль, припевая, прилежно глядит. Румянец играет на полных щеках, Невинность блистает на робких глазах. Искусной рукою коса убрана, И ножка собою прельщать создана. С журчаньем стремится источник меж гор, Вдали золотится во тьме синий бор¹.</i> <...></p>

¹ Текст печатается с соблюдением орфографии и пунктуации первоисточника.

<p><i>Вдали золотится Во тьме синий бор. Пастушка младая На рынок спешит И вдали, припевая, Прилежно глядит. Румянец играет На полных щеках, Невинность блистает На робких глазах. <...></i></p>	
--	--

У Пушкина стихотворение начинается с традиционного для пасторального жанра описания места и времени события, то есть того, что, собственно, изначально представляет «пейзаж». Начало песни, напротив, упрощено до картины, близкой к фигуре образного параллелизма в народных песнях: «*Туманы седые плывут к облакам / Пастушка младая спешит к пастухам*». В описании внешности героини исключаются строки, содержащие фривольный эротический намек («*Корсетом прикрыта / Вся прелесть груди / Под фартуком скрыта / Приманка людей*»). Оставшееся от пейзажа упоминание журчащего «источника» и «синего бора» сохраняется в качестве пасторального топоса, но переносится на место после описания красоты пастушки, логично предшествуя приходу героини в вишенник.

Пушкинская героиня, залезшая на дерево и, очевидно, успевшая сорвать вишню до того, как увидела пастуха, засмотревшись, падает, цепляясь платьем за сучок, и обнажает «*всю прелесть*» перед «*удивленным*» пастухом. Сорванная вишня позднее оказывается раздавленной, поскольку «*прельщенный красою / Младой пастушок / Горячей рукою / Коснулся до ног. / И вмиг зарезвился / Амур в их ногах; / Пастух очутился / На полных грудях*»¹. Мотив «окропления» при этом соединяет начало и конец стихотворения («*росой окропились цветы*» и «*соком багряным траву окропил*»), символизируя собой естественную жизнь природы и человека. В песенном варианте светского «Альбома» целомудренная пастушка сопротивляется искушению наслаждением, представшим в образе спелых вишен: «*путь к ним опасен, бедняжку*

¹ Можно рассмотреть образ румяной вишни, раздавленной в самом соку, как символ собственно молодой девушки, лишенной невинности. Символика вишни в разных культурах противоречива, но всегда связана с антитезой невинность-порочность. Само англ. «cherry» (вишня) используется в значении «девственность, невинность» (например, to lose one's cherry – потерять невинность).

страшит», «младая» «прилежно глядит», «невинность блистает на робких глазах», «бедняжка» «робко ступает ногой меж ветвей». В качестве искусителя выступает повествователь и, словно внимая его ободряющим словам «Бери плод рукою – / И вишня твоя», героиня решается на действие: «Уже достигает / Награды своей», но «Вдали усмотрела, спешит пастушок, / Нога ослабела, / Скользит башмачок», – пастушка падает, зацепившись за сучок. Такое развитие ситуации создает ощущение незаконченного действия: вишня не сорвана. Появление и «помощь» пастуха также не лишают пастушку невинности, пастушок лишь прижимает ее к своей груди, и «страдания двух юных сердец» заканчиваются не «утехами» в траве, а «успехом» целомудрия и ожиданием супружеского венца:

*Успеха страданий двух юных сердец,
В любви ожиданий супругам венец.*

Образ сорванной, раздавленной вишни, мотивы сокровенной «до времени» прелести пастушки, резвой игры Амура, «кипения крови», окропления земли «багряным соком» уходят из текста вместе с веселой авторской иронией по поводу «робости», «несчастья» пастушки, ожидания супружеского венца; торжество вольных природных жизнетворных сил приведено в светском романсе к моральному кодексу домо- строя.

Несомненно, что в народной среде, свободной от сковывающих норм светской морали и всегда включающей пласт эротического фольклора, пушкинское стихотворение трансформировалось иначе. Письменный опрос о бытовании сочинений Пушкина в сельской среде Ярославской губернии в 1898 года выявил наличие трех песен «Вишня» [Мельц, 2000, с. 35]. К сожалению, не представляется возможным проследить этот путь детально по причине отсутствия публикаций народного варианта песни «Вишня». Жесткие запреты, как внешние, так и внутренние (сами собиратели фольклора не фиксировали «похабщину»), на публикацию фольклора obscene (непристойного) содержания налагались цензурой и в XIX, и в XX веке. Однако обнаруженная в фольклорном архиве лаборатории народной культуры Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк) песня показывает один из вариантов трансформации «Вишни» Пушкина. Запись песни «Пастушка» (как назвала ее исполнительница) была сделана студентками Н.А. Косолаповой и А.М. Егошиной в 1986 году в с. Базанча Таштагольского района Кемеровской области от Черданцевой Е.П., 1929 г.р., имеющей образование 5 классов, проживающей в с. Базанча с

1955 года (место рождения информантки, как и источник песни, к сожалению, не известны):

*Бежала пастушка по вешним садам,
За ней пробирался пастух по кустам.
Хотела пастушенька вишенку съесть,
Но надо пастушке на вишню залезть.
Ступила пастушка на первый сучок,
Сучок обломился, скользнул каблучок.
Сучок обломился, за юбку задел,
Пастух в это время все зрелище зрел.
Он нежно и тихо пастушеньку снял,
Сам тихо и нежно к груди прижимал.
Он спелую вишню пастушке дарил,
Кровавую струйку на землю пустил.
Наевшись, пастушка домой поплела,
Пастушек кустами: хи-хи, да ха-ха.*

В народном варианте сохраняется сюжетная основа пушкинского стихотворения и его песенного варианта из «Альбома», но объем песни еще более сокращается за счет выхолащивания поэтических деталей, выпрямления сюжета и опрощения лексики (изменения весьма традиционны и направлены по линии приближения текста к максимальной ясности и простоте в соответствии с законами фольклорной поэтики).

Пастушка «бежит» по «вешним садам». Весна, по указанию В.И. Даля, ограничивается сроком с 8 марта по 9 июня [Даль, 1999, с. 186], когда вишня еще не созревает. Следовательно, определение «вешние» (в значении «весенние») может быть условно. У Даля же встречается слово «вешня» – загородка, выдел в ближних к селению поемных лугах, где не косят, а пасут скот; выгон [Даль, 1999, с. 187]. Дикая вишня, как известно, растет кустами (в которых и прячется пастух). «Сад» же используется в значении «вишневая роща», «вишенник» [Даль, 1999, с. 209]. В таком случае «вешние сады» могут быть расположены рядом с выгоном скота, что делает уместным присутствие в них пастуха и пастушки. Таким образом, пасторальный хронотоп в народной песне максимально конкретизируется до «вешнего сада».

Пастух в песне изначально тайно преследует пастушку, что меняет характер сцены и самих героев: пастушка не «спешит» к пастушку и падает не от того, что засмотрелась на него, а по неосторожности. Поэтому нет необходимости предварительного упоминания ее невинности («робкие глаза», «робко ступает» и т.п.), нет и фривольного портрета героини. «Башмачок» трансформируется в «каблучок», часто

встречающийся в шуточных, плясовых песнях («Подвернулся каблучок, девка – хлоп на бочок. // Не видала, как упала, погляжу, пока лежу»¹). Момент «тихого» и «нежного» прижимания пастушки к груди пастуха, пожалуй, последнее, что сближает народный вариант песни с литературным источником. Новая ситуация – дарение спелой вишни – косвенно развивает мотив искушения. Символическое раздавливание вишни и окропление травы багряным соком в пушкинском тексте подвергается грубой натурализации, устраняющей метафорическую двусмысленность («Кровавую струйку на землю пустил»). В той же беспощадно натуралистической манере изображается и по-новому трактуется концовка стихотворения, выражая народную мораль. Не «утехи» пылкой беспечной молодости, как у Пушкина, не целомудренное «ожидание супружеского венца», как в альбомном песенном варианте, а непростительный грех, позор не устоявшей перед соблазном девицы («наевшись, пастушка домой попела») и столь же непростительное легкомысленное коварство пастуха.

На основании сопоставительного анализа литературного текста и двух его песенных вариантов предположительно сделаем вывод, что народный вариант сформировался вне зависимости от альбомного. В действительности «Альбом золотых мотивов» относится к той серии полупесенников-полуальманахов, которые, по замечанию М.Я. Мельц, были ориентированы главным образом на высшие круги общества – «милых женщин», «прекрасных девиц», «любителниц пения», и «оказывались галантно-сентиментальным подбором песен, в большинстве своем совершенно непонятным простолюдинам» [Мельц, 2000, с. 9]. Очевидно, что и песня «Пастушка» претендовала на изысканность и, по мнению составителей, могла понравиться утонченной публике². Вычищение эротики из пушкинского текста и создание более пристойного песенного варианта объясняется цензурными и этическими соображениями. Однако во втором издании «Альбома» от 1886 года песня «Пастушка» отсутствует, возможно, по мнению составителей, менее востребованная, чем другие, в то время как иной пушкинский текст, а именно «Я помню чудное мгновенье...», сохраняется. Скорее всего, что «Пастушка» (возможно под иным названием) более активно распространялась в демократических рукописных песенниках или лубоч-

¹ Песня «Возле кумыва двора» (или «Крутуха») была записана автором статьи на Сибирском фольклорном фестивале в г. Новосибирске (1992 год) от коллектива из с. Староалейское Третьяковского района Алтайского края.

² Герой Писемского Топорков как раз и демонстрирует Грачихе свой изысканный вкус, воспитанный городом, и предполагает, что песня должна понравиться женщине.

ных картинках (в лубке и устном бытовании ранние сочинение Пушкина пользовались большим успехом, чем его зрелые вещи) [Мельц, 2000, с. 14, 25]; и народный вариант «Вишня» является продуктом этого направления трансформации авторского текста.

Литература

- Альбом золотых мотивов для любителей и любительниц пения. СПб., 1884.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 тт. М., 1999. Т. 1.
Мельц М.Я. Поэзия А.С. Пушкина в песенниках 1825-1917 гг. и русском фольклоре. Библиографический указатель (по материалам Пушкинского Дома). СПб., 2000. Т. 18.
Писемский А.Ф. Собрание сочинений : в 9 тт. М., 1959. Т. 2.
Позднеев А.В. Рукописные песенники XVII–XVIII вв. (Из истории песенной силлабической поэзии). М., 1996.
Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 тт. М. ; Л., 1937–1957. Т. 1.
Сумароков А.П. Избранные произведения. Л., 1957.
Топорков А. Эротика в русском фольклоре // Русский эротический фольклор. М., 1995.
Щеголев П.Е. Первенцы русской свободы [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/shegolew_p_e/text_0290.shtml

БИЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП МИРОВОСПРИЯТИЯ КАК ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОЭТИКИ ТВОРЧЕСТВА ГЕОРГИЯ КОНДАКОВА

И.А. Бедарева

Ключевые слова: Г.В. Кондаков, Горный Алтай, объект художественного познания, билингвизм, диалог культур.

Keywords: G.V. Kondakov, Gorny Altai, object of literary knowledge, bilingualism, dialogue between cultures.

Данная статья посвящена творчеству Георгия Кондакова – поэта, писателя, критика, литературоведа, переводчика и педагога. В ней рассматриваются хронологические и жанровые параметры формирования билингвистического мировосприятия, проявленного в качестве кардинального смысло- и структурообразующего принципа и проследим путь создания и функционирования фольклорно-мифологической системы в его творчестве. Являясь автором девяти поэтических сборников, четырнадцати прозаических произведений, четырех монографий,

более двух десятков литературоведческих статей и прекрасным переводчиком произведений алтайских поэтов, Георгий Кондаков внес самый заметный вклад в развитие русской литературы Горного Алтая шестидесятых-семидесятых годов XX века. Причем все его творчество посвящено взаимосвязи русской и алтайской культур, о чем свидетельствуют его многочисленные произведения и научные работы.

Георгий Васильевич Кондаков родился 6 мая 1930 года в маленьком горноалтайском селении Сайдыс.

Аржан Адаров в статье «Сын земли алтайской» писал о Георгии Кондакове: «Дух Алтая, красота этой земли и любовь родителей одали мальчика высоким интеллектом, ясным умом и большим талантом» [Адаров, 2000, с. 3].

Поэт заявил о себе как о творческой личности сравнительно рано – в 24 года. С 1954 года появляются первые публикации стихов Георгия Кондакова¹, а уже в 1959 году в Горно-Алтайске вышел первый сборник его стихов – «Подлесок» [Кондаков, 1959].

Всего при жизни поэта, как уже упоминалось выше, было издано девять поэтических сборников: «Подлесок» (Горно-Алтайск, 1959), «Песня ветерка» (Горно-Алтайск, 1960), «Высокая земля» (Барнаул, 1962), «Орлиный край» (Горно-Алтайск, 1963), «Эдельвейс» (Барнаул, 1967), «Свет твоих вершин» (М., 1975), «Иней» (Барнаул, 1980), «Олений камень» (М., 1980), «Праздник росы» (Барнаул, 1990), – и все они получили отзывы современников поэта.

Сборник стихов «Подлесок» получил в равной степени и положительные, и отрицательные отзывы критиков. Так, П. Кобраков отмечает, что «Кондаков подчас еще роется в мирке своих переживаний. И там, где он выходит за рамки этого мирка, – получают яркие, запоминающиеся произведения» [Кобраков, 1959, с. 4]. Следует подчеркнуть, что уже с выходом первого сборника современники Кондакова отметили главную тему творчества поэта – Горный Алтай, которая в дальнейшем будет развиваться и углубляться: «В названии верно схвачено главное в содержании сборника: в большинстве стихов поэт обращается к изображению пейзажей Горного Алтая. <...> Его явно увлекает экзотика Горного Алтая» [Ореховский, 1959, с. 3].

Следующий сборник стихов Георгия Кондакова – «Высокая земля» – получил уже более высокую оценку современников, чем предыдущий: «От стихов спокойных и уверенных (речь идет о книге “Подле-

¹ См., например: Г. Кондаков «В выходной день» (Советский спорт. 1954. 7 декабря), «Двухрядка» (Алтай. 1957. № 10), «Зарницы – Я сибиряк» (Сибирские огни. 1957. № 4), «Родился сын» (Молодой колхозник. 1957. № 7).

сок”) веяло свежестью горных вершин, запахом сосновой смолки, слышался шум вековой тайги, серебристый говор таежных речек. Через три года появился новый сборник поэта – “Высокая земля”. Хрупкий подросток заметно вырос и окреп, набрался новых сил» [Козлов, 1965, с. 174].

Рассматривая сборник стихов «Орлиный край», критики – М. Измайлов и В. Явинский – отмечают, что содержание этого сборника также тесно связано с Горным Алтаем. «В каждом стихотворении, – пишет М. Измайлов, – чувствуется чудесная природа края подоблачных гор. Но природа для Кондакова не самоцель. Она служит лишь фоном, на котором с большой теплотой нарисованы образы наших современников» [Измайлов, 1963, с. 4]. В. Явинский замечает, что Георгий Кондаков «тесно связан с родной землей. Она питает его поэзию – и в этом сила поэта и его мудрость» [Явинский, 1963, с. 3].

Характерной чертой стихотворений, вошедших в сборник «Эдельвейс», является, по мнению С. Демидова, «сплетение двух судеб народов: русского и алтайского», и, кроме того, как отмечает критик, в данном сборнике Кондаков в большей степени проявляет себя в качестве любителя и знатока устного народного творчества, и «особенно близки его сердцу алтайские легенды и сказания» [Демидов, 1968, с. 4]. В. Явинский полагает также, что в «Эдельвейсе» «немало стихов, в которых встречаются и мотивы алтайских легенд («Похищение огня», «Сартакпай»), и интонации сегодняшнего дня Горного Алтая («Ярмарка», «Скала», «Артисты»)» [Явинский, 1968, с. 3].

Паролем нового сборника поэта – «Свет твоих вершин» – В. Максимов считает *задушевность* и *открытость*: «Это калейдоскопический разнообразный мир – причастность к заботам и будням общества. Автор поставил на первое место привязанность своего героя к образу отца, не пришедшего с войны. В этой тематической подборке стихов лирика высвечена социальным фоном, бьющимся пламенем высокой нравственности и идейной убежденности» [Максимов, 1976, с. 4]. В. Явинский особенно выделяет в данном сборнике стихи о военных годах и считает их *волнующими* и *профессиональными* [Явинский, 1976, с. 3].

Поэтическую книгу «Иней» многие современники Г. Кондакова считали итоговым сборником поэта и наиболее ярким по сравнению с другими, так как эта книга вобрала в себя все лучшее, что было созда-

но более чем за двадцатилетний творческий путь¹. Так, в письме к автору дирекция Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина выражает благодарность поэту за сборник стихов «Иней» и сообщает о том, что на данную книгу поступили заявки из библиотек Конгресса США и Гарвардского университета США [Каташев, 1990, с. 3].

И. Фатин высоко оценил следующую книгу стихов поэта – «Оленный камень», в которой, по мнению критика, проявлена глубокая связь Кондакова с духовным наследством родного края – местными легендами и сказаниями, строками незабытых старинных песен и частушек, древним и неповторимым алтайским фольклором. «Через всю книгу, – пишет И. Фатин, – проходит мысль о нерасторжимой связи поколений. <...> Не случайно среди героев стихов мы встречаем колоритные фигуры В. Шишкова, М. Волошина, Г. Гуркина, А. Калкина, И. Ерошина, В. Шукшина. Потребность связи с прошлым не дань моде, а часть четкой, вполне определенной художественной концепции поэта» [Фатин, 1981, с. 4].

Кроме того, данный сборник получил высокую оценку многих известных российских литераторов: «Большое спасибо за “Оленный камень”, за теплые слова. Прочел, как всегда, с большим интересом и порадовался Вашей неизменной любви к Горному Алтаю, которую должны бы ценить просвещенные обитатели этих долин, в особенности братья-сочинители...» (Афанасий Коптелов. Новосибирск, 1989 год); «Получил вашу книгу стихов – большое спасибо! И книга, и ее смысл, и стихи для меня были глотком свежего воздуха. Ваш спокойный и убежденный голос, отстаивающий прямо и просто доброе и нужное, не заманивая блестками мишуры и изгибами пластмассы, не провозглашая себя русским, и вместе с тем по-настоящему национальный по духу – все это было радостно и приятно читать. Некоторые строки и стихи хочется выписывать, запоминаются как афоризмы...» (Радий Фиш. Москва, 14 марта, 1981 год).

«Праздник росы» – последняя, подготовленная к печати самим Георгием Кондаковым, книга стихов. Все произведения данного сборника обладают, на наш взгляд, статусом программности: воспринимаются как безусловно значимые и необходимые для понимания художественного мира писателя. Автор с математической точностью выстро-

¹ См., например: Укачин Б. Постоянство : (Творческий портрет поэта Г. Кондакова) // Звезда Алтая. 1979. 7 нояб; Тихов М. Новая книга стихов : о сб. Г. Кондакова «Иней» // Звезда Алтая. 1980. 27 мая; Фатин И. «Я связан с этою землей...»: о сб. Г. Кондакова «Иней» // Звезда Алтая. 1980. 27 нояб.

ил его структуру и композицию, тщательно сформировал состав книги, включив в нее лучшие стихотворения.

Анализ рецензий и отзывов на поэтические книги Георгия Кондакова позволил нам сделать следующие выводы: во-первых, все современники поэта, отмечая плюсы и минусы произведений, сходятся в том, что от сборника к сборнику происходил творческий рост Кондакова как поэта; во-вторых, практически все критики отмечают наличие в поэтическом творчестве Кондакова стремления к слиянию русской и алтайской культур; в-третьих, все без исключения подчеркивают неизменность главной темы главного объекта художественного познания Кондакова – Горного Алтая.

Кроме того, в поэзии Георгия Кондакова центральными в картине мира являются мифологемы *Горы / Алтай* и *Реки / Катунь*. Присутствие в произведениях поэта отдельных мотивов и образов русской и алтайской устной народной поэзии позволяет говорить о билингвистической основе поэтического творчества Георгия Кондакова.

Необходимо отметить, что Георгий Кондаков также проявил себя как талантливый прозаик. Известно четырнадцать прозаических произведений Кондакова, и все они в разное время были опубликованы в областной газете «Звезда Алтая»: легенды «Красная лиственница» (1970) и «Золотое озеро» (1970); новеллы «Паслей» (1971), «Аргамак» (1971); рассказы «Кузя» (1970), «Запах скошенной травы» (1970), «Колдовской цветок» (1973), «Беловодье» (1979), «Джут» (1980); сказки «Койонок» (1978), «Шонкор» (1981); очерки «Кыгинские яблоки» (1978), «Алтай» (1981), «Синь-цветок, сын-сынок» (1989).

Проза не получила такой известности, как поэзия, но, на наш взгляд, прозаические произведения Кондакова являются неотъемлемой составляющей литературной деятельности писателя и играют важную роль в формировании фольклорно-мифологической системы в его творчестве. Следует отметить, что и в прозе Георгия Кондакова доминирующей является тема Горного Алтая.

Сочетание стихов и прозы в творчестве Кондакова стало прямым выражением нового эстетического сознания, порожденного ощущением ситуации культурного перелома. Этот перелом отразился и на формировании фольклорно-мифологической системы, о чем свидетельствует активное употребление поэтом, помимо традиционных для русской литературы Горного Алтая фольклорно-мифологических элементов, образов и мифологем общекультурных. Данная тенденция получи-

ла дальнейшее развитие в современной русской литературе Горного Алтая.

Глубокому погружению Кондакова в алтайскую культуру способствовало прекрасное владение алтайским языком. «Он, – вспоминает ученик и коллега писателя Валерий Чичинов, – переводит не всех, а только близких своему душевному строю поэтов. Это помогает высококачественно воссоздать оригинал» [Чичинов, 1972, с. 3]. Так, например, занимаясь исследованием лирической миниатюры в алтайской поэзии, Кондаков основывается на текстах Бориса Укачина, Бронтоя Бедюрова, Шатры Шатинова, Паслея Самыка, причем практически во всех случаях ссылается на личные переводы [Кондаков, 1995, с. 134–151].

Кроме того, Георгий Кондаков занимался литературной обработкой алтайских фольклорных произведений. Известна книга «Сказки голубого кедра» (Горно-Алтайск, 1975), которую составили сказки: «Боронот», «Сын солнца», «Кичек и мызай», «Богатырское слово», «Ирбизек», – переведенные на русский язык и обработанные Кондаковым. В. Явинский называет эти сказки «сплавом народной мудрости».

Таким образом, занятие переводами также способствовало соединению в художественном мире Георгия Кондакова *русского* и *алтайского*. Сам поэт считал, что «перевод – не только форма взаимодействия русской и алтайской литератур, но и важнейший источник их идейно-эстетического взаимообогащения» [Кондаков, 1983, с. 134].

Георгий Кондаков внес огромный вклад и в развитие русско-алтайских литературных связей. Н. Киндикова дает высокую оценку этому аспекту научно-исследовательской работы Г. Кондакова: «С самого начала своего творческого пути он пытался проследить взаимосвязь алтайского фольклора и литературы, причем на примере иноязычной литературы. Причиной тому явилось хорошее знание алтайского фольклора, с одной стороны, а с другой – этому способствовало его профессиональное мастерство» [Киндикова, 1995, с. 4].

Кондакова также интересовала тема Горного Алтая и алтайского фольклора в творчестве советских писателей и поэтов. Взаимосвязь русского и алтайского стала предметом исследования практически всех литературоведческих работ ученого. Известно более двадцати научно-публицистических статей Кондакова, опубликованных преимущественно в областной газете «Звезда Алтая». Все эти работы по предмету и тематике исследования можно разделить на четыре группы.

Первую группу составляют статьи, предметом изучения которых является исследование творчества советских писателей, воспевających

Алтай в своих произведениях. «В нашей стране, – отмечает Кондаков, – два края, которым особенно посчастливилось, которые нашли достойное отражение в художественной литературе, – это Кавказ и Алтай. <...> Произведения писателей об Алтае имеют не только большое общественное и политическое значение, они обладают высокими художественными качествами, имеют огромное воспитательное значение, воспитывают чувство патриотизма, любви к родной земле» [Кондаков, 1973, с. 3]. Особенно исследователь выделяет творчество Николая Наумова, Леонида Блюммера, Георгия Гребенщикова, Владимира Бахметьева, Георгия Вяткина, Вячеслава Шишкова, Афанасия Коптелова, Анны Караваевой, Всеволода Иванова, Ивана Ерошина, Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Юрия Гордиенко и других авторов, в произведениях которых присутствовала тема Горного Алтая¹.

Вторая группа статей посвящена творчеству алтайских поэтов и писателей: Борису Укачину [Кондаков, Укачин, 2004], Шатре Шатинову [Кондаков, 1989], Павлу Кучияку, Анне Гарф.

Среди них, на наш взгляд, особый интерес для Кондакова представляет творчество П. Кучияка и А. Гарф, которые собрали и обработали алтайские сказки². Анализ этих сказок позволил Кондакову сделать следующие выводы: «Анна Гарф и Павел Кучияк в своих сказках широко использовали красочные специфические алтайские изобразительные средства, придающие этим произведениям ту поэтическую конкретность, без которой не может существовать истинно народное произведение. Кроме того, писатели сохранили многие традиционные сказочные образы (сказочный зачин, образы-числа, портретные характеристики, постоянные эпитеты и сравнения и т.д.). Все эти детали традиционной народной поэтики придают алтайским сказкам ярко выраженный национальный колорит» [Кондаков, 1966].

¹ См., например: Г. Кондаков «Горный Алтай в творчестве В.Я. Шишкова» (Звезда Алтая. 1963. 2 окт.), «Родник народной поэзии: к 70-летию со дня рождения И.Е. Ерошина» (Звезда Алтая. 1964. 22 мая), «Горький и Алтай» (Алтайская правда. 1968. 3 февр.), «Портрет поэта: о поэте И.А. Мухачеве» (Звезда Алтая. 1972. 29 февр.); «Родина – Алтай: заметки о творчестве Р. Рождественского» (Звезда Алтая. 1972. 31 мая), «Страна детства – страна поэзии: к 50-летию Ю. Гордиенко» (Звезда Алтая. 1972. 28 июня), «Человек из времени росы. Из летописи дружбы. О писателе А. Соболеве» (Звезда Алтая. 1988. 5 мая), «Максим Горький и алтайская тема в русской литературе» (История и современность. Горно-Алтайск, 1990), «Русско-алтайские литературные связи» (История алтайской литературы. Кн. 1. Горно-Алтайск, 2004).

² См.: Гарф А.Л., Кучияк П.В. Ак-Чечек – Белый цветок: Алтайские сказки. Новосибирск, 1967; Гарф А.Л., Кучияк П.В. Танзаган – отец алтайцев: Алтайские сказки. М., 1978.

Кроме того, отдельные статьи Кондаков посвящает плодотворной связи алтайских и русских литературных деятелей, в частности, сотрудничеству Павла Кучияка и Афанасия Коптелова, в котором особенно отмечает благоприятное воздействие переписки писателей как формы взаимосвязи [Кондаков, 1967].

Третью группу составляют статьи Георгия Кондакова, посвященные исследованию жанров алтайской литературы. Так, например, рассмотрение лирической миниатюры в современной алтайской поэзии позволило ученому утверждать, что она «своими истоками уходит в народное словотворчество, подключается к традициям русской и мировой литературы, особенно к афористической поэзии Востока» [Кондаков, 1995, с. 135].

Анализ развития алтайской баллады дал возможность исследователю отметить, что «алтайская баллада, проникнутая раздумьями о времени и о себе, получила все права гражданства в поэзии лириков Горного Алтая, открыла им путь к выходу на новые идейно-эстетические рубежи» [Кондаков, 1984].

Глубокий и основательный анализ истории алтайской литературы позволил Кондакову сделать следующие выводы: «Становление и развитие жанров в алтайской литературе 60–80-х годов, идущее интенсивно по горизонтали и вертикали, вширь и вглубь, – это сложный процесс, отражающий движение художественного метода, формирование литературного стиля, взаимодействие нового и старого, новаторского и традиционного, национального и многонационального» [Кондаков, 2004, с. 353].

В *четвертую группу* мы объединяем статьи, посвященные творчеству художника Г.И. Чорос-Гуркина. В них Кондаков проявляет себя как любитель и ценитель пейзажного творчества: «Гуркин – великолепный мастер, умеющий живописать горные озера, улавливающий бесконечные переливы и оттенки красок» [Кондаков, 1993, с. 82], «Один из главных мотивов творчества алтайского художника – утверждение и прославление победы света и тепла над земным и космическим холодом и тьмой» [Кондаков, 1980].

Следует подчеркнуть, что именно Григорию Гуркину Кондаков посвятил поэтический цикл «Чорос», включающий двадцать стихотворений о художнике.

Таким образом, обзор литературоведческих статей Кондакова, позволяет сделать вывод о том, что практически для всех работ характерно глубокое изучение алтайского фольклора в русской и алтайской литературах и выявление русско-алтайских литературных связей.

Именно русско-алтайские литературные связи являются основным предметом исследования в четырех монографиях Георгия Кондакова: «Алтайский фольклор в творчестве В.Я. Шишкова» (Барнаул, 1969), «Магнитное поле поэта» (Барнаул, 1976), «Связь времен: русско-алтайские литературные связи дооктябрьского периода» (Горно-Алтайск, 1979), «Духовное согласие: русско-алтайские литературные связи советского периода (1917–1982)» (Горно-Алтайск, 1983).

Книга «Алтайский фольклор в творчестве В.Я. Шишкова» посвящена выявлению идейно-эстетических функций устной поэзии алтайского народа в творчестве В.Я. Шишкова. Анализ произведений этого писателя – очерков «Любителям красоты и природы», «Чуйские были», повестей «Страшный кам», «Алые сугробы», рассказа «Перед рассветом» – позволил Кондакову выявить в творчестве Шишкова активное использование алтайских сказаний, легенд, сказок, песен, пословиц и поговорок, шаманских мистерий. Приведенные в монографии факты достаточно убедительно характеризуют Шишкова как писателя, «глубоко интересующегося алтайским фольклором, прекрасно понимающего его идейно-эстетическое богатство», так как «он использует произведения алтайского фольклора в своих очерках, рассказах, повестях, как яркое художественное средство, помогающее создавать колоритные картины жизни и быта алтайского народа, живописные и своеобразные пейзажи диких гор» [Кондаков, 1969, с. 82].

Следующая книга Георгия Кондакова – «Магнитное поле поэта» – представляет собой сборник статей, посвященных взаимосвязям русской и алтайской поэзии. В книге исследуются важнейшие формы взаимодействия русской и алтайской поэзии (переводы, личные контакты, переписка, литературная учеба, литературные влияния), анализируются основные этапы русско-алтайских литературных связей, на многочисленных примерах показывается, как складывалась и развивалась алтайская тема в русской поэзии.

Другая монография – «Связь времен» – посвящена русско-алтайским литературным связям дооктябрьского периода. В этот период, пишет Кондаков, русско-алтайские литературные связи «свидетельствуют о гуманности и демократичности устремлений русских художников слова и о признании ими самобытной культуры алтайского народа, элементы которой, в частности, фольклор, вводятся писателями в литературные произведения с разнообразными идейно-художественными целями» [Кондаков, 1979, с. 3].

Особенно интересным, на наш взгляд, является в книге сопоставление художественного мира писателей, использующих в своих произ-

ведениях алтайский фольклор (Николай Ядринцев, Николай Наумов, Владимир Бахметьев, Георгий Гребенщиков, Вячеслав Шишков, Всеволод Иванов, Георгий Вяткин), с А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Л.Н. Толстым, в творчестве которых «определились основные художественные способы, принципы использования инонационального фольклора» [Кондаков, 1979, с. 62].

Целью следующей книги Георгия Кондакова «Духовное согласие» является изучение, анализ и обобщение материалов, относящихся к русско-алтайским литературным связям советского периода. В ней дается подробный анализ теснейшей связи алтайских писателей с русскими, раскрываются источники взаимного обогащения художников слова. «Процесс взаимодействия и идейно-эстетического взаимообогащения литератур нашей страны, в том числе русской и алтайской, – говорит Георгий Кондаков, – есть процесс двусторонний, обогащение взаимное» [Кондаков, 1983, с. 4].

Литературной и научной деятельности Кондакова посвящено большое количество статей, рецензий и отзывов. Кроме вышеупомянутых исследователей, откликнувшихся на поэтические сборники поэта, о творчестве Кондакова писали О. Гракова, Т. Данилова, С. Каташ, С. Катынова, Н. Киндикова, Л. Семенкина, С. Суразаков, В. Хохолков и многие другие, но их работы, в силу своей специфики – это, как правило, газетные публикации, и они, на наш взгляд, грешат поверхностным подходом к творчеству писателя и ученого, так как в большей степени выражают личные впечатления от творчества Кондакова или воспоминания о нем и не содержат глубокого литературоведческого анализа¹.

Мы считаем возможным отметить лишь две работы, в которых, по нашему мнению, содержится глубокий анализ отдельных аспектов творчества Кондакова – это раздел «Творчество Георгия Кондакова» в

¹ См., например: Гракова О. Постоянство // Алтайская правда. 1980. 9 июля; Данилова Т. «Я счастлив был...» // Звезда Алтай. 1995. 28 июня; Катынова С. Сущность любви // Звезда Алтай. 1995. 28 июня; Катынова С. Труд и вдохновенье // Алтайские писатели. Горно-Алтайск, 2001; Киндикова Н. Оставил заметный след // Звезда Алтай. 1995. 28 июня; Крайванова А.Р. Штрихи к портрету Г.В. Кондакова // Кан-Алтай. 1995. № 3; Крайванова А.Р. Он был со временем на Вы // Звезда Алтай. 1995. 28 июня; Семенкина Л. И мастерство, и вдохновенье // Звезда Алтай. 1995. 28 июня; Суразаков С. Архивные разыскания и публикации // Кан-Алтай. 1995. № 317; Фатин И. Живой родник поэзии : Заметки о кн. Г. Кондакова «Иван Ерошин» // Звезда Алтай. 1981. 1 мая; Хохолков В. «Вечная песня моя – Алтай» // Звезда Алтай. 1993. 7 мая; Чичинов В. И опять дорога впереди // В. Чичинов. Адрес поэзии – Горный Алтай. Горно-Алтайск, 1976; Чичинов В. Мера мира : Памяти Г. Кондакова // Звезда Алтай. 1995. 25 авг.; Чичинов В.И. Роман с провинцией : По творчеству Г. Кондакова // Алтайские писатели. Горно-Алтайск, 2001.

монографии Л. Чащиной и статья Н. Гребенниковой – «Образ горы как национальный и транснациональный культурный символ поэзии Г. Кондакова».

Л. Чащина рассматривает творчество Кондакова как неотъемлемый и значимый этап в развитии русской литературы Горного Алтая XX века. Исследовательница заостряет внимание на произведениях Кондакова, посвященных Великой Отечественной войне и его пейзажных стихотворениях и считает, что они в концентрированном виде содержат самые существенные и кардинальные элементы картины мира поэта. Это исследование позволило Л. Чащиной сделать вывод о том, что «Кондаков первым (в русской литературе Горного Алтая) осознанно и последовательно, на протяжении всей своей творческой жизни, утверждал в поэзии *индивидуально-лирическую линию*. Следует добавить, что именно он первым из русскоязычных горноалтайских писателей вышел на “всесоюзную арену”. И именно Георгия Кондакова с полным основанием можно назвать первым – и до настоящего времени едва ли не единственным – профессиональным *литературным критиком*, а также первым в истории русской литературы Горного Алтая *литературоведом*, положившим начало глубокому осмыслению различных аспектов регионального культурологического процесса, и прежде всего – процессу диалогических взаимоотношений алтайской и русской культур» [Чащина, 2003, с. 106–107].

Статья Н. Гребенниковой посвящена исследованию трансформации образной семантики горы в поэтическом космосе Георгия Кондакова. «Мотив горы, – пишет Н. Гребенникова, – будучи изначально мотивом предметным, статичным, – своего рода абстрактный инвариант – преобразуется, оживает в художественном тексте поэта и от простейшего нейтрального, как части пейзажа, до самого сложного философско-символического мотива» [Гребенникова, 2002, с. 67].

Таким образом, через все литературное творчество Кондакова проходит тема Горного Алтая. Интерес Кондакова, как писателя, поэта и литературоведа, к алтайскому фольклору, изучение его преломления в русской литературе обусловили диалогическое соединение в его поэзии и прозе элементов алтайской и русской культур. В связи с этим представляется очевидной необходимость изучения творчества Кондакова с целью исследования основных тенденций в эволюции фольклорно-мифологической системы в русской литературе Горного Алтая 1950–1970-х годов.

Литература

- Адаров А. Сын земли алтайской : К 70-летию Г.В. Кондакова // Звезда Алтай. 2000. 11 мая.
- Гребенникова Н.С. Образ горы как национальный и транснациональный культурный символ поэзии Г.Кондакова // Языки и литературы народов Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2002.
- Демидов С. Посвящается Алтаю : о сб. Г. Кондакова «Эдельвейс» // Звезда Алтай. 1968. 20 янв.
- Измайлов М. Песни об орлином крае : о кн. Г. Кондакова «Орлиный край» // Звезда Алтай. 1963. 1 дек.
- Каташев С. «Алтай – моя песня» // Звезда Алтай. 1990. 5 мая.
- Киндикова Н. Оставил заметный след // Звезда Алтай. 1995. 28 июня.
- Кобраков П. Стихи Георгия Кондакова // Алтайская правда. 1959. 26 сент.
- Козлов К. Песни об орлином крае : о сб. стихов Г. Кондакова «Орлиный край» // Сибирские огни. 1965. № 7.
- Кондаков Г.В. Алтайская баллада // Звезда Алтай. 1984. 17 июля.
- Кондаков Г.В. Алтайский фольклор в творчестве В.Я. Шишкова. Барнаул, 1969.
- Кондаков Г.В. «Горы, шепот вам вечный...» : Штрихи к портрету поэта Ш. Шатинова // Звезда Алтай. 1989. 19 сент.
- Кондаков Г.В. Горький и Алтай // Алтайская правда. 1968. 3 февр.
- Кондаков Г.В. Дружба : О литературно-творческих связях А. Коптелова и П. Кучияка // Звезда Алтай. 1967. 2 дек.
- Кондаков Г.В. Духовное согласие : Русско-алтайские литературные связи советского периода (1917–1982). Горно-Алтайск, 1983.
- Кондаков Г.В. Зеленокося дочь Алтая : Реализм алтайского художника Г.И. Гуркина, о его картинах, посвященных реке Катунь // Звезда Алтай. 1980. 12 июля.
- Кондаков Г.В. Основные тенденции развития алтайской поэзии // История алтайской литературы. Кн. 1. Горно-Алтайск, 2004.
- Кондаков Г.В. Охотники за сказками // Звезда Алтай. 1966. 31 авг.
- Кондаков Г.В. Подлесок. Горно-Алтайск, 1959.
- Кондаков Г.В. Поэтическая Вселенная : Заметки об алтайской лирической миниатюре // Актуальные проблемы современной алтайской литературы. Горно-Алтайск, 1995.
- Кондаков Г.В. Родник народной поэзии. К 70-летию со дня рождения И.Е. Ерошина // Звезда Алтай. 1964. 22 мая.
- Кондаков Г.В. Русско-алтайские литературные связи // История алтайской литературы. Кн. 1. Горно-Алтайск, 2004.
- Кондаков Г.В. Связь времен : Русско-алтайские литературные связи дооктябрьского периода. Горно-Алтайск, 1979.
- Кондаков Г.В. Тайна «Озера горных духов». Легенда, вымысел, реальность // История и современность. Горно-Алтайск, 1993.
- Кондаков Г.В., Укачин Б.У. // История алтайской литературы. Кн. 2. Горно-Алтайск, 2004.
- Кондаков Г.В. Художественная летопись // Звезда Алтай. 1973. 7 сент.
- Максимов В. Слова, выношенные в сердце // Звезда Алтай. 1976. 25 мая.
- Ореховский А. О сборнике «Подлесок» Г. Кондакова // Молодежь Алтай. 1959. 10 июля.
- Суразаков С. Архивные разыскания и публикации // Кан-Алтай. 1995. № 317.
- Тихов М. Новая книга стихов : о сб. Г. Кондакова «Иней» // Звезда Алтай. 1980. 27 мая.

Фатин И. Высший смысл : о кн. стихов Г. Кондакова «Оленный камень» // Звезда Алтая. 1981. 1 июля.

Чашина Л.Г. Творчество Георгия Кондакова // Л.Г. Чашина. Русская литература Горного Алтая. Эволюция. Тенденции. Пути интеграции. Томск, 2003.

Чичинов В. Поэзия возмужания // Звезда Алтая. 1972. 15 янв.

Явинский В. Еще раз про любовь : о сб. Г. Кондакова «Эдельвейс» // Алтайская правда. 1968. 24 янв.

Явинский В. Не экзотика, а будни : о сб. Г. Кондакова «Орлиный край» // Молодежь Алтая. 1963. 26 окт.

ЧЕРТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ПОЭЗИИ АЛЕКСЕЯ ПРАСОЛОВА

П.С. Глушаков

Ключевые слова: художественный мир, теодицея, пространство и время, лирический герой, Прасолов.

Keywords: the art world, theodicea, space and time, the lyrical hero, Prasolov.

Когда-нибудь будет совершенно понятно, что та «плеяда» русских лириков середины XX века, названная в контраст другому течению («эстрадная поэзия») того же времени «тихими лириками», явилась прямой наследницей русской классической поэзии XIX века, а Николай Рубцов, Николай Тряпкин, Владимир Соколов, Юрий Кузнецов были выдающимся и пиковым явлением литературы прошлого века. Имя Алексея Прасолова занимает в этом ряду свое достойное место. Конечно, нельзя сказать, что имя Прасолова неизвестно: неоднократно выходили и продолжают выходить книги его стихов, в любой энциклопедии и биографическом словаре содержится статья о его жизни и творчестве, но все же нужно сказать, что время поэта еще не пришло (слишком «рядом» его эпоха, слишком сильна инерция говорить о классиках только применительно к «давнопрошедшему времени»). А. Прасолов стремился к художественному познанию поэзии живой жизни, которая в своих высших и гармоничных образцах предстает перед читателем в виде завершенном и идеальном, классическом. Однако сам путь к такому познанию не уподобляется простому и прямому

восхождению к истине и эстетическому совершенству. Как известно, «наша жизнь под радость мало оборудована», и поэт все же пребывает в вечной борьбе с «земным притяжением» бед, невзгод, банального бытия... Борьба эта для А. Прасолова и его поэзии наполнилась поистине грандиозным, вселенским смыслом:

Итак, с рождения вошло –
 Мир в ощущении расколот:
 От тела матери – тепло,
 От рук отца – бездомный холод.
 Кричу, не помнящий себя,
 Меж двух начал, сурово слитых.
 Что ж, разворачивай, судьба,
 Новорожденной жизни свиток!
 И прежде всех земных забот
 Ты выставь письма косые
 Своей рукой корявой – год
 И имя родины – Россия.

[Прасолов, 1983, с. 22]

Это не просто иллюстрация биографических реалий поэта (безотцовщина, например), но выраженное в тексте миропонимание и мироположение. Каждый художник не просто отражает, отображает или иллюстрирует действительность, под его пером творится не изобразительная, но сущностная картина: мир познается, объясняется, проговаривается, если так можно сказать «обживается», превращаясь из холодной и чужой «субстанции» в мир человека, его мыслей, мечтаний, борений и – наконец – его творчества.

В стихотворении рождение ребенка соединяется с рождением внутреннего мира человека, его первых ощущений и познаний. Начала тепла и холода нераздельно слиты, этим началам нет никакого дела до «крика» несчастного, пребывающего в неудобном для него мире человека. Это не только «биографические» отец и мать поэта, это вечные стихии бытия: творящая, оплодотворяющая, рождающая и смертная, мертвящая, сковывающая. Лирический герой стихотворения не ропщет на судьбу, подарившую ему счастье обрести родину – Россию, но он явственно понимает, что не для счастья и радости послан он на землю, не спокойную и мирную жизнь рисуют ему эти безразличные к живому корявые руки Судьбы. Теплота, порывистость и максимализм юных лет сталкивается с жестокой реальностью мира, самой природой, самой сущностью бытия не приспособленного, не предназначенного к добру,

счастью. Недостижимость мечты трагична, но жизнь человека, его земной путь только тогда и обретает смысл и оправдание, когда до конца, честно перед самим собой и Богом, исполняет «предназначенное», предначертанное в скрижалях судьбы. Неслучаен здесь образ «свитка»: согласно христианской символике со свитком в руке изображался апостол Иаков Великий (Зеведеев), старший брат Иоанна Богослова. Как известно, братья отличались порывистым характером, их стремлением было преобразить реальность «здесь и сейчас»; многое в их человеческой сущности было юношеского, спонтанного. Именно их Господь сделал свидетелями своего Преображения (тем самым подчеркнув не земной, а божественный характер изменения мира, не трудами рук человеческих (вспомним, что у Прасолова *от рук* идет бездомный холод), но Духа Святого). Кроме того, апостол Иаков является покровителем паломников, странников, всех людей, пребывающих в поиске не «земных забот», но духовных. Образ апостола мог быть воспринят А. Прасоловым из картин Рубенса и гравюр Дюрера, но мы имеем здесь дело, скорее, не с прямым влиянием чужих образов, а с глубинной внутренней укорененностью в традиции мировой художественной культуры, для которой темы духовного пути, поиска счастья, недостижимости и бесконечности такого поиска были и остаются главенствующими.

В богословии существует философская доктрина *теодицеи* (от греч. *theós* – бог и *dike* – справедливость), которая стремится «согласовать» идею «благого» и «разумного» (данного Богом) управления миром и наличия мирового зла, «оправдать» это управление вопреки существованию темных сторон действительности. Внутри этого учения есть различные иногда противоположные концепции; согласно одной из них, мир сотворен премудрым Богом и, таким образом, является «лучшим из возможных миров», а значит все, включая и зло – «к лучшему». Зло – неизбежный спутник и необходимое *условие* добра для блага человека. Думается, именно такой подход близок Прасолову, пусть и «кричащему» от осознания своего бессилия что-либо изменить в этом вселенском законе бытия, но признающего правомерность этих «двух начал», их равноправность и равнозначность.

В раннем стихотворении 1964 года («Река – широкая, как дума...») все эти идеи еще «обнажены», лирический герой испытывает на себе «манящие» и во многом «еретические» воздействия. Первым «актом» поэтического «искушения» становится демонстрация огромности и беспредельности мира, окружающего человека и поражающего своим циклопизмом и мощью:

Пройдут величественно – жутко,
И гром, и взблески впереди –
И все сожмется комом чутким,
Заколотившимся в груди.

[Прасолов, 1983, с. 52]

Вновь Прасолов отобразил грандиозный, но бесстрастный и холодный к человеку, мир стихий. Эпитеты «величественно – жутко» написаны не через дефис, а даны через тире, это два разных слова: величественно с точки зрения холодной природы и жутко с точки зрения наблюдающего эту картину бессильного (на первый взгляд) человека.

Второй «акт» – это сам процесс «искушения»: природа, поразившая (в прямом – как гром и всполохи грозы и молнии, в переносном смысле – удивила, в высшей степени) героя, хочет сподвигнуть его на бунт против самого божественного порядка, против самого Творца. Стихии природы «нашептывают» человеку «слова гордости», «подсказывают» ему возможность «гордого несогласия». Человек искушается естественным стремлением постичь непостижимое и изменить неизменяемое; герой по натуре своей, изначально, «от рождения», как мы помним, раздвоен, его сущность разъята между темными и светлыми началами бытия, но именно в слиянии, соединении, соразмерности этих начал заключена трагичность человеческого существования. Гордый человек хочет «принять» одну из сторон в этом вечном «споре»:

Как будто яростным просмотром,
Всей бездной жизни и смертей
Земля гудит, чтоб счастье с горем
Я рассудить бы смог на ней.

[Прасолов, 1983, с. 56]

«На ней» – то есть на земле, где совмещение это принципиально невозможно. Здесь мы можем «только верить» (по словам Ф.И. Тютчева), отказ от веры дал миру целый сонм «отступников», начиная с Каина...

Поэт выбирает не бунт, но *кротость* – и в этом убедительная *с и л а* Прасолова (противостояние злу кротостью и душевной стойкостью перед лицом земных испытаний).

Понимание неизбежного, то есть естественного для *этого* мира, становится нравственной и эстетической константой стихов Алексея Прасолова (неслучайно здесь в который раз возник образ «клеякого листочка» как стойкого символа-эмблемы жизни):

Листа несорванного дрожь,
И забытье травинок тощих,

И надо всем еще не дождь,
А еле слышный мелкий дождик. <...>
А дождик с четырех сторон
Уже облег и лес, и поле
Так мягко, словно хочет он,
Чтоб неизбежное – без боли.

[Прасолов, 1983, с. 86]

В стихотворении 1966 года рисуется картина еще только лишь *угадывания*, робкой надежды на торжество весны, тепла, жизни, но гордая поступь неотвратимого торжества жизни (вспомним о главном весеннем празднике Пасхи – Воскресения) со спокойным достоинством пробивает себе дорогу сквозь «черную грязь» житейских неурядиц и душевных страданий:

И что-то задумали почки,
Хоть небо – тепла не проси,
И красные вязнут сапожки
В тяжелой и черной грязи.

[Прасолов, 1983, с. 38]

Возможно, покажутся излишне смелыми сравнения философской концепции Прасолова с построениями Фридриха Ницше, но установка на «человеческое, слишком человеческое» кажется в стихах русского поэта весьма значимой. Философия Прасолова – это мужественная, волевая философия преодоления страха, конечности; не «раздвижение» рамок бытия (это не дано смертному человеку), но упрямое претворение бытия из небытия, живого из неживого (или *пока* неживого):

Весна – от колеи шершавой
До льдинки утренней – моя.
Упрямо в мир выходят травы
Из темноты небытия.

[Прасолов, 1983, с. 97]

Для поэта важны тактильные ощущения именно потому, что мир его лирики – это мир первых моментов, *до* акта творения, мир еще не претворенный, а лишь задуманный. Но задуман он не по плану или логической схеме, а подсознательно (или – досознательно) как акт воли человека, ясно осознающего, что жизнь дана ему (человеку) не для наслаждения и грез, а как тяжелая ноша, груз, задача и испытание. Противостоять небытию надо не в героических формах «сражения», а самой живой жизнью, скованной намертво между двух берегов, двух сфер, двух плоскостей (отсюда соответствующая антонимическая об-

разность). Живое еще может не иметь устоявшейся определившейся и застывшей формы (поэтому в лирике Прасолова почти нет прямых названий конкретных вещей, но есть «предметы» и «формы» – это мир математических абстракций, не менее реальных, нежели банальный «чайник» или автомобильная шина, тоже упоминаемая в стихах поэта), она еще только создающееся, потому поэт передает нам не ее очертания, а лишь неопределенные и невнятные запахи и ощущения от первого соприкосновения с нею: «шершавая колея», «колочий песок», «железный дух»... Чувства еще не воплотились, слова еще не сформулировались, потому и дрожит *е щ е* не сорванный лист и плачет *е щ е* не начавшаяся гроза. Когда это случится – будет *у ж е* поздно для мира и человека в нем, свершится то, что не будет зависеть от воли этого самого человека.

Поэт с горечью пишет:

Я никогда не думал и не верил,
 Что даже имя, данное тебе,
 Вдруг отзовется горькою потерей
 В моей судьбе.

[Прасолов, 1983, с. 120]

Называние – это уже конечный, итоговый акт. Из недосказанности, недоовлещенности, мечты, духа неостановимо и внезапно («вдруг» вслед за Ф.М. Достоевским становится частотным словом и Прасолова) является к земной жизни телесность, быт, законченность и окостенелость. Проговоренное становится мертвым, потому что «мысль изреченная есть ложь» – и по-иному в земном существовании быть не может, – вот в чем суть философской *трагедии* лирического мира Алексея Прасолова.

Из бестелесного (дотелесного) мира *единства* человек «вываливается» в мир крошащийся, разъятый на куски, враждебный любой гармонии; окончив земные мучения человек вновь соединяется со своей материнской сущностью: как акт рождения, так и акт смерти сопровождается у Прасолова криком, – криком потревоженного младенца в первом случае и криком обессилевшего человека во втором. Но этот крик в то же время – особый *до*-человеческий и *пост*-человеческий язык, который (в отличие от земных многочисленных языков раскрошившегося мира) одинаково понятен «чуткой листве», «наивно лепетавшей язычками» и грохочущему грому.

Пространство Прасолова антропоцентрично, оно предполагает и *требует* человека, без человека сферы бытия сжимаются, уничтожая

само пространство (в этом отношении мир Прасолова родственен большому материку прозу Андрея Платонова). Лес окружает человека, небо нависает над ним, а земля образует полусферу вокруг, ветер вихрит спиралями воздух, в буквальном смысле заставляя увидеть этот мир, воплотить его из недоволощенных доформовых субстанций в привычные очертания тел:

И ударило ветром, тяжелою массой,
И меня обернуло упрямо за плечи,
Словно хаос небес и земли подымался,
Лишь затем, чтоб увидеть лицо человежье.

[Прасолов, 1983, с. 33]

Мир хочет увидеть лицо человека, но человеческая трагедия в том и заключается, что, увидев, назвав этот мир своим, человек в тот самый миг утратит власть над этим ускользящим в земную объяснимость миром: хаос станет ясным и банальным земным шаром, бьющие неизвестно как и откуда неосязаемые лучи можно будет остановить «с помощью зонта». Самые зримые метаморфозы произойдут с самой «средой» и «почвой» (в пастернаковском значении «и дышат почва и судьба»): недоволощенный мир до акта творения влажен, всклокочен, бесформен, аморфен, он пульсирует и тут же преображается; взор человека способен увидеть лишь банальную весеннюю липкую грязь разбитой грузовиками земли.

И все же человек у Прасолова поистине титаничен: не будь его, не существовало бы и сущего мира, ведь именно маленький человек «достает» из небытия и «материализует» (себе на горе) *пространство*, угрожающее ему грозными стихиями и *время*, с первой же секунды отсчитывающее «последний срок». Человек принимает вызов судьбы; но мир, в который он стоически входит, оказывается пустынен, мы не встретим здесь (за редким исключением) других людей. Лирический герой не просто одинок, он *предельно* одинок, смерть не кажется ему горестью большей, чем сама эта жизнь.

Таковы некоторые общие характеристики художественного мира А.Т. Прасолова.

Литература

Прасолов А. Стихотворения. М., 1983.

МОТИВ ВОЗВРАЩЕНИЯ В АНТИУТОПИИ XX ВЕКА*Ю.И. Королева*

Ключевые слова: футурология, антиутопия, психология, возвращение.

Keywords: futurology, anti-utopia, psychology, return.

Антиутопии XX века вскрыли фундаментальные противоречия классической утопии, с которыми бьется и современная футурология. Во-первых, противоречие между органической природой человека и техническим прогрессом, неизбежно сокращающим и уничтожающим адекватные ей внешнюю естественную среду и внутренний эмоционально-душевный состав личности. Во-вторых, противоречие между вероятно неизбежной индивидуальностью, неповторимостью человеческой особи и коллективистской унификацией личности как условия социальной стабильности. В-третьих, противоречие между неограниченными и непредсказуемыми возможностями человеческого разума и социально-историческими ограничениями.

Главным предметом антиутопической гуманистической критики в решении этих проблем является изменение природы человека, ее искажение, усечение, роботизация, превращение в «машину потребления» и т.д. Причем, в зависимости от доминирующих условий и способов преобразования человека в фантастике XX века сформировалось два типа антиутопии: техногенно-психологическая («Республика Южного Креста» В. Брюсова, «Машина останавливается» Э. Форстера, «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери) и социально-психологическая («Мы» Е. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлла). В произведениях первого типа психология будущего человека изменяется вследствие полного замещения естественной природной среды искусственной технической. В антиутопиях второго типа акцентируется насильственное изменение естественно-природной сущности человека в целях социальной стабильности, а научно-технический прогресс оказывается побочным и инструментальным фактором.

Общность названных проблем в антиутопиях того и другого типа сформировала устойчивый эстетический и мотивный комплекс, репродуцируемый и в современной художественной футурологии.

Независимо от первопричин создания нового идеального мира антиутопии техногенно-психологического типа моделировали его как герметически замкнутую систему. Такие герметические модели, с точ-

ки зрения современной футурологии, достаточно перспективны в качестве спасения «последнего человечества» в условиях глобальных военных, экологических катастроф или межпланетных путешествий. Неизбежны и потому справедливы в таком герметическом обществе ограничения социально-личностной свободы граждан. Антиутопии исключают, во-первых, жизненную необходимость герметичности: на поверхности земли (Форстер) и за Зеленой стеной (Замятин) жизнь возможна. Во-вторых – фактор временности: страна бога Машины или страна Благотетеля изначально устроены как социальный идеал всеобщего счастья на века. Сохранение в неизменности достигнутого совершенства и постоянное возобновление базовых свойств идеального мира осуществляется как силовыми мерами и тотальным надзором, усиливающими внутреннее напряжение сопротивления, так и масштабной пропагандой. В Брюсов в повести «Республика Южного Креста» первым в отечественной фантастике прогнозировал неизбежность массового психоза в искусственном герметическом обществе, не имеющим перспективы возвращения к естественному свободному бытию. Но Брюсов, обозначив моменты создания и самоуничтожения страны, идеально благоустроенной в условиях вечного антарктического холода, но без учета психологического фактора, не раскрывает содержания и механизма последнего. Замятин, развивая и совершенствуя этот утопический проект, подробно исследует энтропийные процессы на почве психологии как движения вспять, инволюции человека и исторического возвращения.

Герой Замятина, обладая всей полнотой культурно-исторической памяти, демонстрирует совершенство нового мира с постоянной оглядкой на прошлое. Адресация его послания не потомкам, а далеким *«предкам или существам, подобным их диким, отдаленным предкам...»* [Замятин, 1989, с. 23] изменяет аксиологический вектор классической утопии, которая подвергала критике прошлое с точки зрения будущего, тогда как Замятин предоставляет будущее суду прошлого, оказывающегося, в конечном счете, миром лучшим, чем утопическое будущее. Способ презентации идеального мира в соответствии с этой логикой формулируется как *«прыжок через века, с + на – <...> ассоциация по контрасту»* [Замятин, 1989, с. 11]. Полярность настоящего-будущего (+) и прошлого (–) обозначена четырьмя фундаментальными оппозициями: порядок / хаос, свобода / контроль, мы / я, счастье / несчастье, – в границах которых оцениваются все элементы природного и социального мира. Причем, новые ценности будущего мало противоречат современным установкам свободных, либеральных об-

ществ на здоровый образ жизни нормального среднестатистического законопослушного гражданина. Д-503 – интеллигентный, творческий человек, довольный своим местом в обществе. Он не только рационально мыслящий, но и здравомыслящий гражданин единого государственного организма. Недостаточность такого человека в антиутопии Замятина начинает раскрываться с того момента, когда культура тысячелетней давности предстает не умозрительно, а в материально-чувственной данности – в Древнем Доме-музее; и еще более отдаленное, доисторическое, прошлое – дикие предки, заросшие шерстью и обитающие в диких лесах, – оживает и просматривается за Зеленой стеной.

Образ Древнего Дома – этот хронотоп-интеграл вертикали и горизонтали обратной перспективы, – кроме того, оказывается контрапунктом точек зрения автора и героя. Антиутопическая позиция автора, до сих пор скрытая в иронии, теперь, в детальном и явно ностальгирующем описании интерьера дома рубежа XIX–XX веков, противопоставляет первоначальному брезгливо-критическому взгляду героя. Постепенно посещение Дома приводит Д-503 к пробуждению подавленных «древних» эмоций.

Ф. Ницше, с философией которого некоторые исследователи (Н.В. Губина, М.Ю. Любимова, А.Л. Семенова, Л.В. Полякова и др.) связывали роман Замятина, развивая идею вечного возвращения, утверждал, что «человек повторяется»: *«Я открыл для себя, что прежний человеческий и животный мир, да и вообще глубочайшая древность и прошлое всего осязаемого бытия продолжает во мне творить, любить, ненавидеть, завершать...»* [Ницше, 1990а, с. 547–548]. При этом, подобно Ницше, Замятин вводит своего героя в лабиринт противоречивых, парадоксальных переживаний, разрушающих математическую логику его мышления. *«Ведь я теперь живу не в нашем разумном мире, а в древнем, бредовом, в мире корней из минус-единицы»* [Замятин, 1989, с. 58], в котором любовь – **сладкая мука**, и **радостно – умереть** от любви: *«Ближе – прислонилась ко мне плечом – и мы одно, из нее переливается в меня – и я знаю, так нужно. Знаю каждым нервом, каждым волосом, каждым до боли сладким ударом сердца. И такая радость покориться этому “нужно”»* [Замятин, 1989, с. 54] (выделено нами – Ю. К.). Ср. у Ницше: *«Утверждали ли вы когда-либо радость? О, друзья мои, тогда утверждали вы также и всякую скорбь. Все сцеплено, все спутано, все влюблено одно в другое»* [Ницше, 1990б, с. 234]. Сладкая мука, скорбь, боль, смерть от любви возводят несчастье в высшую, нежели душевный покой и окружающий комфорт ценность. Но эта парадоксальная «личная необходи-

мость несчастья» как раз и утверждает, по Ницше, принцип индивидуальности. Точно также необъяснимая, «нелепая» тяга к страданиям, лишениям, полуночным бдениям, наконец, к ужасу разрушения Единого Государства пробуждает в сознании «нумера» личность.

Вечным повторением человека обусловлено и вечное повторение способов, которыми человек удовлетворяет свойственную выделившейся из коллективного бессознательного личности «волю к власти» – *«я чувствовал себя над всеми»*. Новые общества устраиваются «старым» человеком, который, будучи верен своей природе, настаивает как на безусловной и окончательной истинности своего творения, так и на безусловной власти над ним, над облагодетельствованным им человечеством. И в утверждении и защите своей истины и власти использует средства, предоставленные тем же старым человеческим опытом: надзор и насилие. Пробудившееся личностное самосознание «нумера» утверждается желанием единоличного обладания предметом своей любви, рождающего агрессию по отношению к соперникам и вместе с тем идею бунта, государственного переворота, захвата власти, которая вынуждена защищать себя еще более радикальными в отношении к человеческой природе средствами.

С момента посещения Древнего Дома в записках Д-503 принцип контраста в отношении к прошлому последовательно замещается принципом тождества. Парадоксальность аксиологической перекодировки усиливает антиутопический иронический пафос повествования: *«Есть запах ландыша – и есть мерзкий запах белены: и то и другое запах. Были шпионы в древнем государстве – и есть шпионы у нас... да, шпионы. Я не боюсь слов. Но ведь ясно же: там шпион – это белена, тут шпион – ландыш»* [Замятин, 1989, с. 32]. Подобным же образом оправдывается очевидное сходство Операционного с древними инквизициями, перлюстрация частной переписки оценивается героем как «естественный порядок», предательство, доносы преподносятся как религиозное священодейство. Чем далее, тем ближе смыкается будущее с прошлым, все более и более отдаленным: *«...новый Иегова на аэро – такой же мудрый и любяще-жестокый, как Иегова древних»* [Замятин, 1989, с. 100], День Единогласия – *«это нечто вроде того, что для древних была их «Пасха»*. Мысль, о том, что *«в каждом из нас – та смиренная радость, какую, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты»* [Замятин, 1989, с. 92], завершает инволюцию человека, отождествляя психо-физическую природу человека с первоначалами органической жизни. Такой логический ход повествования вновь отсылает к ницшеанской идее «вечного возвращения», возникшей на основе

предположения Е. Дюринга (немецкого философа-экономиста), что вся Вселенная в принципе, может иметь вид комбинации всего нескольких элементарных частиц и, следовательно, мировой процесс в данном случае был бы калейдоскопом их разумных комбинаций, число которых имеет предел. Подобным образом рассуждает персонаж романа Замятина: *«Если мир бесконечен – то средняя плотность материи в нем должна быть равна нулю. А так как она не нуль – это мы знаем – то, следовательно, вселенная – конечна, она сферической формы...»* [Замятин, 1989, с. 160]. По Ницше, все становление имеет место только в рамках вечного круговращения и постоянного количества силы. Таким образом, бытие в том виде, в котором оно существует, не имеет цели и смысла, оно неумолимо вновь и вновь повторяется. Ницшеанская идея позволяет Замятину развить до кульминации антиутопический скепсис в отношении к возможности и стабильности искусственно сотворенного человеком мира. *«Неужели обвалились спасительные вековые стены Единого Государства? Неужели мы опять без крова, в диком состоянии свободы – как наши далекие предки?»* [Замятин, 1989, с. 104].

В финале романа Замятина разворачиваются две альтернативы утопическим моделям искусственных герметических цивилизаций. Первая – насильственное преобразование природы человека на уровне его «атомарного» состава, – получившая вариативное развитие в антиутопиях XX века: удаление центра фантазии мозга (Замятин), искусственное выращивание человеческого эмбриона (Хаксли), травматическое психо-физическое разрушение личностных установок человека (Оруэлл), бетризация – операционное удаление центра агрессии в мозге человека (Лем), – направленных, главным образом, на сохранение сложившейся социальной структуры и власти и не нуждающейся в жесткой герметизации общества (социально-психологические антиутопии). Вторая, питающая в целом антиутопический пафос, – отпустить человека на свободу естественного природного и исторического развития, обусловленного фундаментальными законами материальной вселенной. *«А вдруг он, желтоглазый, – в своей нелепой, грязной куче листьев, в своей невычисленной жизни – счастливее нас?»* [Замятин, 1989, с. 69] – вопрос, к которому приходит герой Замятина в момент выбора между бегством за Зеленую стену и операцией по удалению фантазии. Так в чем его счастье, в чем психологический изъян новых технических и социальных утопий? В причастности к естественной материи природы, породившей человечество, в возможности переживания «сладкого ужаса» перед бесконечностью пространства и време-

ни, в страданиях и лишениях борьбы с окружающим враждебным миром, формирующих и утверждающих индивидуальную личность, в разгуле безумных страстей, в свободе жизнотворческих и миростроительных фантазий, в свободе воли. Это, по сути, сентиментально-романтическая концепция человека, которая в пределе своей логики возвращения к природе обозначает образы «дикаря» и «хаоса», что, в свою очередь, утверждает принципиальность ситуации выбора в финале. Именно эта ситуация становится не смыслоразрешающей, а смыслообразующей, заключающей идею союза новой технической цивилизации и старого романтического человека как базовой ценности утопии. С перспективой такой утопии в финале строятся современные антиутопии, следуя логике возвращения в развитии сюжета.

В романе С. Лема «Возвращение со звезд» человечество достигает абсолютного материального благоденствия, социальной гармонии, высокой культуры, благодаря чудесам научно-технического прогресса, позволившего, кроме того, усовершенствовать природу человеку операцией бетризации, лишаящей человека способности к агрессии и естественному деторождению, не ущемляя при этом никаких других личностных проявлений. Адреналиновая подпитка естественной природы человека также учтена и осуществляется посредством виртуальных ужасов техники иллюзионов. Тотальный надзор в целях социальной стабильности и безопасности осуществляется, но, благодаря все тому же техническому прогрессу, совершенно неощутим для любого человека. В этот счастливый, беспечный, сытый мир возвращаются астронавты, покинувшие землю 125 лет назад, в течение которых продолжалось их межпланетное путешествие в поисках новой обетованной земли, и, вернувшись, они находят ее на родной планете. Но при этом обнаруживают, что это не только другая земля, но и другое человечество, в природе, в жизни, в культуре которого не осталось ничего естественного, натурального, духовно глубокого и значительного, что человеческое существование в своем самодовольном благоденствии утрачивает смысл и ценность жизни. Но для бывшего астронавта именно жизнь в ощущении постоянной опасности была наполнена смыслом, и обретала высочайшую ценность: *«Каждый из нас был чем-то бесценным, человеческая жизнь приобретала величайшую ценность там, где не могла уже иметь никакой ценности, там, где тончайшая, почти не существующая оболочка отделяла жизнь от смерти»* [Лем, 1991, с. 186]. В финале автор ставит главного героя перед уже знакомым выбором: отказаться от изначальной полноты естественной человеческой природы, согласившись на бетризацию, или ос-

таться верным ей, возвращаясь вслед за сделавшими свой выбор товарищами-астронавтами в межпланетный корабль, то есть в мир хаоса, опасностей, лишений, который и есть «подлинная жизнь». Брегг выбирает третий путь – возможность компромисса между естеством и прогрессом. Он остается на земле с женщиной, которую успел полюбить, с чудесами науки и техники, которые покорили его, но готов бороться против бетризации, надеясь восстановить полноту естественной природы людей нового общества на разумных основаниях, не нарушая социальной гармонии.

Литература

- Брюсов В.Я. Республика Южного Креста // Брюсов В.Я. Повести и рассказы. М., 1983.
- Замятин Е.И. Мы : Роман ; Хаксли О. О дивный новый мир : Роман. М., 1989.
- Курчаткин А.Н. Записки экстремиста : Книга ирреальной прозы. М., 1990.
- Ланин Б.А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки. М., 1993. № 5.
- Лем С. Возвращение со звезд. М., 1991.
- Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Собрание сочинений : в 2 тт. М., 1990а. Т. 1.
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Собрание сочинений : в 2 тт. М., 1990б. Т. 2.
- Оруэлл Дж. 1984 // Дж. Оруэлл. «1984» и эссе разных лет. М., 1989.
- Тимофеева А.В. Антиутопия : об истоках и возникновении жанра // Вопросы современной лингвистики и литературоведения. М., 1993. Вып. 2.
- Форстер Э.М. Машина останавливается // О дивный новый мир : Английская антиутопия. Романы. М., 1990.
- Чаликова В.А. Крик еретика. (Антиутопия Е. Замятина) // Вопросы философии. 1991. № 1.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ОСНОВЫ ФИЛОЛОГИИ

Примерная программа учебной дисциплины (Для всех профилей подготовки)¹

• Цели освоения дисциплины

Целью освоения учебной дисциплины «Основы филологии» является получение целостного представления о филологии как отрасли гуманитарных наук; выработка основ филологического мировоззрения; получение общих сведений о современной филологии – ее особенностях, истории, объектах, методологии; овладение базовыми принципами, логикой и методами научного исследования по филологии; применение полученных знаний и умений в процессе теоретической и практической деятельности в области филологии.

2. Место дисциплины в структуре примерной основной образовательной программы

Данная учебная дисциплина входит в раздел «Б.2. Общепрофессиональный цикл. Базовая часть».

Для изучения дисциплины необходимы знания, умения и компетенции, полученные обучающимися в средней общеобразовательной школе и получаемые в процессе изучения введения в языкознание и введения в литературоведение.

Место учебной дисциплины – в системе пропедевтических курсов-«введений»: в языкознание, литературоведение, теорию коммуникации, профильную филологию; в совокупности гуманитарных дисциплин, изучающих человека в разных гранях.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

а) общекультурных (ОК):

¹ Автор-составитель А.А. Чувакин, доктор филологических наук, профессор (Алтайский государственный университет, Барнаул).

– владение культурой мышления; способность к восприятию, анализу, обобщению информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК–1);

– осознание социальной значимости своей профессии, высокая мотивация к профессиональной деятельности (ОК–8);

– умение использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук в профессиональной деятельности; способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы (ОК–9);

б) профессиональных (ПК):

– способность демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста, представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии (ПК–1);

– владение базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов с использованием традиционных методов и современных информационных технологий (ПК–2);

– способность применять полученные знания в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста в собственной научно-исследовательской деятельности (ПК–5).

В результате освоения дисциплины студент должен:

Знать: основные понятия, составляющие базу современной филологической науки, и ее термины.

Уметь: применять на практике базовые навыки сбора и анализа языковых и литературных фактов.

Владеть: основными методами и приемами исследовательской и практической работы в области филологии.

4. Структура и содержание учебной дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа), в том числе 36 аудиторных часов. Ее изучение завершается зачетом.

Введение (лекции – 2 часа; практические занятия – 2 часа; самостоятельная работа – 6 часов). Возникновение филологии. Современная филология, ее объекты и материал изучения, методы исследования. Статус филологии в гуманитарном секторе науки. Филологические науки и дисциплины. Филология как направление высшего профессионального образования. Цели и задачи курса «Основы филологии».

История филологии: от филологии как комплексного знания к филологии как комплексу наук (лекции – 2 часа; практические занятия – 0 часов; самостоятельная работа – 10 часов). Складывание филологической традиции. Возникновение «научной» филологии. Ф.-А. Вольф. Специализация филологического знания и дифференциация филологических наук (середина XIX – середина XX веков). 1960–1970-ые годы как начало этапа «новейшей», или современной, филологии. Человек как центр филологического знания и смысл существования современной филологии. С.С. Аверинцев о значимости для филологии проблемы понимания.

Объекты современной филологии: естественный язык, текст, homo loquens (лекции – 6 часов; практические занятия – 6 часов; самостоятельная работа – 6 часов). Филологическое понимание языка. От языка к тексту: текст как объект современной филологии. От языка и текста к человеку: homo loquens как объект современной филологии. Аспекты изучения языка, текста и homo loquens в филологии как целом и филологических науках и дисциплинах. Основные понятия и термины, описывающие объекты филологии. Фундаментальные открытия в филологии; выдающиеся филологи.

Методология филологии (лекции – 6 часов; практические занятия – 6 часов; самостоятельная работа – 6 часов). Филологический подход к исследованию. Научное исследование в филологии, его особенности. Важнейшие понятия и логика научного исследования в филологии. Его методы исследования. Организация научного исследования. Филологическое научное сочинение. Учебное научное сочинение по филологии.

Филология в современном мире (лекции – 0 часов; практические занятия – 6 часов; самостоятельная работа – 8 часов). Филология «как служба понимания». «Филологическое искусство» чтения. Филология как совокупность гуманитарных наук, междисциплинарное (= общефилологическое) ядро знания, научный принцип.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Лекции, практические занятия, самостоятельная работа студентов; может быть предусмотрена курсовая работа (дисциплина определяется по выбору обучающегося из перечня дисциплин базовой части общепрофессионального цикла: основы филологии, введение в языкознание, введение в литературоведение, введение в теорию коммуникации).

При проведении занятий рекомендуется использование активных и интерактивных форм занятий (компьютерных симуляций, деловых и

ролевых игр, проектных методик, мозгового штурма, разбора конкретных ситуаций, коммуникативного эксперимента, тренинга, иных форм) в сочетании с внеаудиторной работой. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, должен составлять не менее 20% аудиторных занятий.

В рамках учебного курса предусматриваются встречи с представителями российских и / или зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов в области коммуникативистики (одна – две встречи: на 10-ой и 17-ой неделях).

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

При изучении учебной дисциплины рекомендуются следующие виды самостоятельной работы студентов: подготовка к аудиторным занятиям (в соответствии с планами занятий); выполнение отдельных видов самостоятельной работы, предусмотренных рабочей программой учебной дисциплины, в том числе: написание эссе и иных письменных работ, выполнение практических заданий, связанных со сбором и анализом фактического и теоретического материала, поиском материалов в Сети, решение задач, разбор конкретных ситуаций (метод кейса), подготовка к выполнению тестовых и творческих заданий и др. Выполнение самостоятельной работы студентами контролируется в ходе практических занятий, на консультациях, при проверке выполненных заданий, в процессе самоконтроля.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

а) основная литература:

Чувакин А.А. Основы филологии. М., 2011.

б) дополнительная литература:

Аверинцев С.С. Филология // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. (Аверинцев С.С. Филология // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987).

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.

Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. М., 2000.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Лихачев Д.С. О филологии. М., 1989.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история. М., 1996.

Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979. (Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996).

Степанов Ю.С. Филология // Русский язык : Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

Русская словесность : От теории словесности к структуре текста. М., 1997.

Чувакин А.А. О сущности филологического подхода к изучению творчества писателя // А.А. Чувакин. Творчество В.М. Шукшина в исследованиях филологов Алтайского государственного университета (1989–1999) // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1.

Чувакин А.А., Кошей Л.А., Морозов В.Д. Основы научного исследования по филологии. Барнаул, 1990.

Эко У. Как написать дипломную работу. М., 2001.

в) программное и коммуникационное обеспечение:

Учебная дисциплина должна быть обеспечена учебно-методической документацией и материалами. Ее содержание должно быть представлено в сети Интернет или локальной сети вуза (факультета). Для обучающихся должна быть обеспечена возможность оперативного обмена информацией с отечественными и зарубежными вузами, предприятиями, организациями и научными учреждениями, обеспечен доступ к современным профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам.

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Компьютерный класс, оргтехника, теле- и аудиоаппаратура, учебно-методический кабинет с книжным фондом и фондом произведений периодической печати (все – в стандартной комплектации для лекций, практических занятий и самостоятельной работы); доступ к сети Интернет (во время самостоятельной подготовки)¹.

А.А. Чувакин

¹ Первые, развернутые, варианты программы опубликованы в: Основы филологии : Программа учебной дисциплины (составитель – проф. А.А. Чувакин) // Информационный бюллетень Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию. Пермь, 2004. № 7; Чувакин А.А. Курс основ филологии : к проблеме модернизации высшего филологического образования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2006. № 2; Чувакин А.А. Основы филологии. М., 2011.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**Язык–текст–литература : коммуникативная парадигма:
сб. статей к 70-летию А.А. Чувакина / под ред. И.Ю. Качесовой и
Н.В. Панченко. Барнаул : Изд-во Алт. Ун-та, 2011. 496 с.**

В юбилейный сборник вошло около шестидесяти статей, авторы которых – единомышленники, коллеги, ученики известного российского лингвиста Алексея Андреевича Чувакина. Композиция книги и названия разделов отражают разработанную А.А. Чувакиным концепцию современной филологии, которая трактуется ученым как совокупность наук с общим объектом *Homo Loquens*, язык, текст и которая в этом её качестве способна стать (и реально становится) теоретической основой ряда традиционных и новых научных дисциплин. В книге зафиксирован и тот известный факт, что во многом благодаря профессору А.А. Чувакину, члену Совета по филологии УМО, в «коммуникативную парадигму» сегодня включено вузовское филологическое образование. Весьма показательно, что сборник открывается статьей Л.С. Борисовой, Е.Г. Елиной и В.В. Прозорова, посвященной одной из реализованных моделей обучения студентов-филологов.

В первом разделе «Коммуникационная парадигма филологии» убедительно раскрывается преемственность идей и концепций лингвистики, соотношение её «старых и новых» задач, методов, результатов (О.Б. Сиротина, Е.Ю. Иванова, М.Ю. Сидорова); обосновывается целесообразность обсуждения в коммуникативной парадигме широкого спектра речевых объектов – от дискурсивных образований (Е.В. Лукашевич и В.Е. Елыманова, Э.А. Лазарева, Т.С. Магера) до предложения (М.Г. Шкуропацкая, Е.В. Иванова, И.А. Широких) и единиц номинации (Т.И. Зеленина и Н.В. Буторина). Интерес к этому разделу книги повышает обращение ряда авторов к зарубежным исследованиям, неизвестным российским специалистам (Э.В. Хилханова, Э.В. Будаев и А.П. Чудинов).

В следующих разделах книги в научном диалоге с юбиляром, наряду с лингвистами, участвуют литературоведы. В полном соответствии с концепцией филологического исследования коммуникации (и в соответствии с удавшимся замыслом редакторов сборника), каждый из разделов высвечивает одну из трех главных «мизансцен» этого подхода. Раздел «Человек в коммуникации» в совокупности строит многокомпонентную структуру *Homo communicans*. Последний предстает в статьях как реальный и «модельный» человек, охарактере-

ризованный по социальным, национальным, региональным, возрастным признакам (Л.О. Бутакова, Л.М. Дмитриева, А.И. Куляпин, Н.В. Орлова, Т.Н. Никонова и др.), а также как литературный персонаж (О.А. Ковалев, Е.В. Демидова).

Раздел «Текст в коммуникации» посвящен наиболее актуальным проблемам в исследовании текста: уточнению оснований его типологических описаний и осмыслению жанра как фактора его структуры (Р.С. Аликаев, Н.В. Панченко, Г.В. Кукуева); описанию деривационных и иных межтекстовых отношений (Т.Н. Василенко, К.Е. Гайер, Ю.В. Трубникова); рассмотрению текста в «среде» и выявлению значимых компонентов этой среды (Н.А. Волкова, Н.Ю. Чернышева, Т.В. Чернышова, Е.А. Яковлева и др. авторы). Симптоматично усиление внимания к культурологическим аспектам разговорных текстов (Л.А. Козлова, О.Г. Левашова, О.В. Марьяна).

Наконец, в разделе «Коммуникация в тексте» на передний план выходят коммуникативные сюжеты, разворачивающиеся «внутри» текста. С литературоведческих позиций они содержательно интерпретируются в статьях С.М. Козловой, И.В. Силантьева, О.С. Саланиной и др. Лингвисты обращаются к текстам, функционирующим в режиме реального диалога в новых сферах коммуникации, и к когнитивным аспектам этой коммуникации (И.В. Рогозина и Е.А. Михеева, Е.Г. Проскурин).

Отраженное в рецензии «линейное развертывание» юбилейной книги нельзя не дополнить соображениями о её «сквозных темах». Эти темы отражают основные направления научной деятельности А.А. Чувакина, поднимаются в статьях его учеников и последователей, проходят через все разделы сборника и вносят заметный вклад в разработку соответствующих проблемных областей. К «сквозным» относятся, во-первых, вопросы семантического и коммуникативного синтаксиса (Ю.Н. Варфоломеева, Н.П. Перфильева и др.); во-вторых, проблематика эвокационного потенциала художественного текста и других типов текстов (Е.А. Савочкина, Н.А. Куликова, И.Ю. Качесова и др.); в-третьих, коммуникативные аспекты риторики как прикладной дисциплины и риторических жанров (Ю.Ю. Бровкина, Е.А. Кузнецова, С.В. Доронина, О.А. Сим и др.); в-четвертых, проблемы текстодеватологии (см. выше); в-пятых, аспекты исследования творчества В.М. Шукшина (Е.В. Демидова, Г.Г. Хисамова).

Научная значимость сборника состоит в апробации методик, интегрирующих подходы разных филологических дисциплин, в фиксации и описании новейших форм коммуникации, во внимании к прикладным, в том числе образовательным, аспектам деятельности лингвиста и литературоведа. Вследствие многочисленных и разнонаправленных идейных переключек текст книги к концу её чтения (кстати, весьма увлекательного и порой захватывающего!) воспринимается как коллективная монография по филологическому исследованию речевой коммуникации.

Н.В. Орлова

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

А.Д. Васильев. Языковое законодательство как реализация идеологических парадигм. Статья посвящена воплощению современной идеологической парадигмы в российской языковой политике.

A.D. Vasiliev. Language Legislation as Ideological Paradigms Realization. The paper is devoted to the realization of modern ideological paradigm in the language policy of Russia.

Л.О. Бутакова. Лингвистическое моделирование этнических фрагментов регионального языкового сознания. Статья посвящена проблеме лингвистического моделирования смысловых областей, связанных с концептуализацией представителями одного этноса ряда других этносов. Специфика этноса связывается с особенностями национального типа смыслообразования, которая выявляется по результатам ассоциативных и семантических экспериментов.

L.O. Butakova. Linguistic Modelling of Ethnic Fragments of Regional Language Consciousness. The article is devoted to the problem of linguistic modelling of the semantic fragments connected with the perception by representatives of one ethnos of some other ethnoses. Specificity of ethnos contacts features of a national way of sense formation. It comes to light by results of associative and semantic experiments.

Т.А. Ивушкина. Светский код общения в американской культуре. Светский код общения в американской культуре построен на Европейском искусстве общения, изысканных манерах и представлении о галантной беседе, получившем свое начало и развитие во Французских салонах XVII века и ставшем образцом для социальной и интеллектуальной жизни аристократического общества. Светский код общения в современной Америке преломляется через «шифр» эпохи и служит целям достижения успеха в социальной и материальной сфере.

T.A. Ivushkina. Society Code in American Culture. Society code in American culture is based on the European art of sociability, a refined code of manners and an ideal of gallant conversation that was elaborated in France in the XYII c. and turned into a model for social and intellectual life. A modern American idea of success and prosperity is an adaptation of society code to a new era of technological and communicational progress, which brings about a more democratic air and loses its aristocratic exclusiveness.

Л.С. Ефимова. Алгысы в системе культово-обрядовой поэзии саха (якутов) : общие черты эпитетации. В статье рассмотрены и выявлены общие черты поэтики алгысов, входящих в систему культово-обрядовой поэзии

сах (якутов) на примере анализа эпитетации одного из самых почтенных духов – Духа огня.

L.S. Efimova. *Algys in Traditional Yakut (Sakha) Poetry : General Features of Epithetization.* This article discusses the general features of *algys* poems in traditional Yakut poetry on the basis of analysis of epithetization of the sacred spirit – the Spirit of Fire.

Г.В. Кукуева, И.А. Вагнер. Подчинение как тип отношений между первичным и вторичным текстом на материале современных рассказов-анекдотов. В статье рассматриваются подчинительные отношения между первичным и вторичным текстом на материале современных рассказов-анекдотов. С помощью описания отношений «подчиняющий / подчиненный» раскрывается механизм межтекстовой деривации, выявляются два варианта организации рассказа-анекдота, демонстрирующие разный набор ядерных и нейтрализующихся признаков анекдота в структуре рассказа.

G.V. Kukueva, I.A. Vagner. Subordination as a Type of the Relations Between Primary and Secondary Text on the Material of Modern Joke Stories. The article deals with the subordinate relations between primary and secondary texts on the material of modern joke stories. The description of the relations «subordinating / subordinated» reveals the mechanism of the intertextual derivation. Two ways of joke stories' organization which show different sets of nuclear and neutralizing features of a joke in the structure of the story are presented in this article.

Б.В. Орехов, М.С. Рыбина. Филипп Супо о «Слове о полку Игореве» : комментированный перевод. В статье представлен комментированный перевод малодоступного фрагмента «Эссе о поэзии» французского сюрреалиста Ф. Супо, посвященного «Слову о полку Игореве». В комментарии рассматриваются такие вопросы, как варианты перевода заглавия и отношение Супо к проблеме подлинности «Слова о полку Игореве».

B.V. Orekhov, M.S. Rybina. Philippe Soupault about «The Tale of Igor's Campaign» : the Commented Translation. The article represents the commented Russian translation of a rare fragment of an «Essai sur la poésie» by French surrealist Ph. Soupault which is dedicated to «The Tale of Igor's Campaign». Such cases as the variants of a title translation and Soupault's relation to a problem of a tale's authenticity in the commentary discussed.

Е.А. Худенко. Жизнетворчество О.Э. Мандельштама 30-х годов : лестницы и кристаллы. В статье исследуются особенности житетворческих поисков «зрелого» Мандельштама, соединяющие его увлечения биологией, Средневековьем и интуитивной философией в единое целое. Изучение поэтических и прозаических текстов тридцатых годов позволяет говорить о выстраивании поэтом органической иерархии и придании ценностного статуса биологическому «низу» – беспозвоночным. Современность осмысливается Мандельштамом не как история, но как провал, разлом. Вопреки настоящему поэт актуализирует принцип органической иерархии Средневековья и философский иерархический персонализм Н.О. Лосского. Образующаяся житетворческая

стратегия становится стратегией противостояния хаосу эпохи и скачкообразному развитию мира.

E.A. Khudenko. Life Creativity of O. Mandelshtam of 30th: Stairs and Crystals. The peculiarities of life creating searches of Mandelshtam connecting his interests in biology, Middle Ages and intuitive philosophy in one whole are investigated in the article. Studying of poetic and prosaic texts of the thirties allows to speak about forming by the poet of organic hierarchy in which there is a poeticizing of biological «bottom» (invertebrates). The present is comprehended by Mandelshtam not as history, but as a failure, a break. Opposite to the present the poet actualizes the principle of organic hierarchy of the Middle Ages and philosophical hierarchical personalization of N.O. Losskoy. Forming life creating strategy becomes the strategy of opposition to chaos of an epoch and spasmodic development of the world.

Г.В. Куличкина. Коммуникативное напряжение текста в повестях для театра В.М. Шукшина. Данная статья анализирует процесс коммуникативной напряженности текста в повестях для театра В.М. Шукшина как результат жанрового тяготения повестей к эпосу и драме одновременно. Рассматриваются понятия «межтекст», «интертекст», специфика драмы как рода литературы, что помогает углубить представления о закономерностях коммуникации между автором и читателем в творчестве В.М. Шукшина 1970-х годов.

G.V. Kulichkina. Communicative Strained Text in Stories for Theatre by V.M. Shuksin. The article researches communicative strained text process in stories for theatre by Vasily Shukshin. Genre of such works is considered as synthesis of epos and drama. Concepts «between text», «intertext», «drama specific in literature» are studied. They make possible to understand some communicative conformities between author and reader in works created by Vasily Shukshin in 1974.

О.В. Мирошникова. Стихотворение и цикл в архитектонике лирической книги. В статье рассматривается функционирование цикла и стихотворения в контексте авторской лирической книги.

O.V. Miroshnikova. Poems and Entire Cycles in Compositional Design of the Concluding Book. In this article architectonic functions of some separate poems and the entire cycles in the compositional design of the concluding book of lyric poetry are determined.

С.Б. Черемисина. Специальность учебно-научного текста : к постановке проблемы. Учебно-научный текст рассматривается как часть физического пространства, состоящая из гетерогенных компонентов, которые обладают пространственными характеристиками. Эти характеристики способствуют формированию смыслового пространства учебно-научного текста.

S.B. Cheremisina. Spaciousness of Scientific-educational Text : Facing the Problem. Scientific-educational text is considered as a part of physical space, consisting of heterogeneous components, which possess spatial characteristics. These characteristics seem conducive to forming semantic space of the scientific-educational text.

Н.А. Грищенко. Учебные пособия по русскому языку на рубеже веков как отклик на запросы времени. В данной статье рассматриваются вопросы изучения русского языка в Англии на рубеже XIX–XX вв. Проблема исследуется на анализе учебных пособий по русскому языку. Достаточно подробно рассматриваются учебные пособия, в которых изложены причины изучения русского языка в Англии; приведены суждения известных в сфере филологии и образования представителей Англии.

N.A. Grishchenko. Russian Language Manuals on the Boundary of Centuries as Response to Inquiries of Time. The article examines the questions of the Russian language learning on the boundary of the XIXth–XXth centuries in England. The problem is researched on the analysis of the Russian language manuals. The manuals which reveal the reasons of the Russian language learning in England are surveyed in details; the statements of well-known English scholars in sphere of philology and education are presented in the article.

О.Л. Арискина. Вклад В.П. Светова в развитие русской дериватологии. В статье говорится о белых пятнах в истории русской языковедческой науки. Рассматриваются лингвистические работы В.П. Светова, выдающегося ученого XVIII века. Показан вклад данного автора в развитие русской дериватологии.

O.L. Ariskina. V.P. Svetov's Contribution to the Development of Russian Derivatology. The article tells about blank problems in the history of the Russian linguistics. It considers linguistic papers by V.P. Svetov who was a remarkable scientist of the XVIIIth century. The article shows the author's contribution to the development of the Derivatology.

И.Н. Гридина. Пути формирования гипо-гиперонимических отношений на ранних этапах речевого онтогенеза (по материалам эксперимента). Целью данного исследования является выявление путей формирования гипо-гиперонимических отношений на ранних этапах речевого онтогенеза. Материалом послужили данные экспериментального исследования с детьми дошкольного возраста (от 2,5 до 6,5 лет) и взрослыми носителями языка (от 21 до 65 лет), производится сопоставление временной детской языковой системы со сложившейся системой, существующей в сознании взрослого человека.

I.N. Gridina. Different Strategies of Children's Acquisition of Hyponym-hypernym Relations (based on the Experiment). This research studies the peculiarities of how hyponym-hypernym relations are acquired by children and these relations operate in mental lexicon of children and adults. Different strategies of children's acquisition of hyponym-hypernym relations are examined according to experimental study of 80 children (from 2,5 to 6,5) and 20 adults (from 21 to 65).

Е.В. Саунина. Вопросительные предложения и их функции в речи Д.А. Медведева и В.В. Путиной. В статье рассмотрены типы и функции вопросительных предложений в речи Д.А. Медведева и В.В. Путиной в качестве способа речевого воздействия на аудиторию. Выявляются как общие черты, так и

характерные особенности употребления вопросительных предложений в зависимости от формы речи, должности и личности государственного деятеля.

E.V. Saunina. Interrogative Sentences and their Functions in D.A. Medvedev's and V.V. Putin's Speech. The article deals with types and functions of interrogative sentences in D.A. Medvedev's and V.V. Putin's speech as means of speech impact. Depending on the form of the text, the position and the speaker similarities and specific characteristics are revealed.

Т.Ю. Храмова. Обоснование возможности альтернативных вариантов согласования в рамках одной структуры. В статье систематизируются структуры, допускающие вариативную сочетаемость коррелирующих компонентов предложения по альтернативному типу формального / семантического согласования, выявляются особенности лексической наполняемости выделенных моделей. Особое внимание уделяется определению когнитивных основ семантического согласования.

T.Y. Khramova. Grounds of Alternative Agreement in the Same Structure. The structures where alternative (formal / semantic) agreement between the correlated segments is possible are systematized in this article. The research also focuses on the peculiarities of lexical contents of these models. Much prominence is given to the determination of cognitive bases of semantic agreement.

Ю.В. Седойкина. Семантика диалектных фразеологизмов в брянских говорах (на материале наименований людей). В статье анализируется семантика фразеологизмов брянских говоров на материале наименований лиц. Привлекаются в сравнительно-сопоставительном плане факты других русских говоров, а также близкородственных восточнославянских языков. Делаются выводы об активных контактах брянских говоров с белорусским и украинским языками, что обусловлено историей Брянского края, о преобладании в данной тематической группе именовании с отрицательной коннотацией.

Yu.V. Sedoykina. Semantics of Dialectal Phraseological Units in Bryansk Dialects (on the Basis of People's Names). The author of the article analyzes semantics of phraseological units in Bryansk dialects on the basis of people's names. Other Russian dialects and closely related east-slavonic languages are also used in the process of comparison. The author makes a conclusion about an active contact of Bryansk dialects with the Belorussian and Ukrainian languages and about the predominance of names with negative connotation in this thematic group.

Ду Хунцзюнь. Очерк о китайских глаголах направления движения *lai* и *qu*. Данная статья посвящена особой группе глаголов в китайском языке, обозначающих направленность движения в пространстве. Дается семантическая и грамматическая характеристика глаголов *lai* и *qu*, а также показана их роль в образовании сложных глаголов направления движения.

Du Hutzun. Essay about Chinese Verbs of Movement *lai* and *qu*. The article is devoted to the group of verbs of movement in space. Semantic and grammatical characteristics of the verbs «*lai*» and «*qu*» are given. Their role in formation of complex verbs of movement is given.

Н.Ю. Полуничева. Адъективация действительных причастий настоящего времени. Статья посвящена выявлению и систематизации факторов, способствующих и препятствующих процессу адъективации действительных причастий настоящего времени, а также описанию особенностей этого процесса и его результатов.

N.Y. Polunicheva. Adjectivisation of Active Participles of the Present. The article is devoted to revealing and ordering of the factors promoting and interfering process of adjectivisation of active participles of the present, and also to the description of features of this process and its results.

А.О. Топова. Ассоциативное поле прилагательных *weak – слабый*. Статья посвящена изучению особенностей психолингвистической и языковой репрезентации качественных прилагательных *weak – слабый*. Исследование базируется на результатах ассоциативного эксперимента с участием русскоязычных и англоязычных респондентов и анализа лексикографических источников.

A.O. Topoeva. Associative Field of the Adjectives *Weak – слабый*. The article presents the study of psycholinguistic and linguistic representation of the adjectives «weak» – «слабый». The analysis is based on the results of the associative experiment with Russian and English speaking respondents and on lexicographic materials.

В.В. Трубицына. Рецептивные трансформации стихотворения А.С. Пушкина «Вишня» в русской культуре XIX века. В статье систематизированы материалы, раскрывающие источники и историю бытования стихотворения А.С. Пушкина «Вишня» в светской и народной культуре XIX века, рассмотрена динамика рецепции и интерпретации его эротического содержания в песенных вариантах.

V.V. Trubitsyna. Receptive Transformations of «Cherry» (Russian «Vishnya») Poem by Alexander Pushkin in the Light of the 19th Century Russian Culture. The article systematizes aspects of existence history of the «Cherry» poem by Alexander Pushkin in the 19th Century Russian high-society as well as the Russian national culture. In addition, the receptive and interpretative dynamics of its song variations' erotic content is observed.

И.А. Бедарева. Билингвистический принцип мировосприятия как философско-эстетическая основа поэтики творчества Георгия Кондакова. Статья посвящена творчеству Георгия Кондакова – горно-алтайского поэта, писателя, критика, литературоведа, переводчика и педагога. В ней рассматриваются хронологические и жанровые параметры формирования билингвистического мировосприятия, проявленного в качестве кардинального смысло- и структурообразующего принципа и прослеживается эволюцию создания и функционирования фольклорно-мифологической системы в творчестве писателя. Являясь автором девяти поэтических сборников, четырнадцати прозаических произведений, четырех монографий, более двух десятков литературоведческих статей и прекрасным переводчиком произведений алтайских поэтов,

Георгий Кондаков внес самый заметный вклад в развитие русской литературы Горного Алтая шестидесятых-семидесятых годов XX века. Причем все его творчество посвящено взаимосвязи русской и алтайской культуры, о чем свидетельствуют его многочисленные произведения и научные работы.

I.A. Bedareva. Bilingualistic Principle of Worldview as a Philosophical and Esthetical Basis of Poetics in Georgy Kondakov's Works. The article is dedicated to the creative work of Georgy Kondakov, a Gorno-Altai poet, writer, critic, theorist of literature, translator and a teacher. The chronological and genre characteristics of formation of the bilingualistic world perception are studied. The view of the world is reflected in a fundamental principle of sense and structure formation. The evolution of creation and functioning of folklore and mythological system in the creative work of the writer have been traced. Georgy Kondakov is the author of nine books of poetry, fourteen prosaic works, four monographs, more than twenty articles on literature and excellent translations of the Altai poets into Russian. Consequently, all his work greatly contributed to the development of the Russian literature of Gorny Altai in 60s and 70s of the 20th century. Kondakov's creative work expresses interrelation between the Russian and Altai cultures, that is proved by numerous literary pieces of work and academic papers.

П.С. Глушаков. Черты художественного мира поэзии Алексея Прасолова. Поэзия Алексея Прасолова относится к традиционной русской лирике, опирающейся на классические традиции. Это принципиальная установка в построении художественного мира поэта. В статье описываются основные характеристики этого художественного мира.

P. Glushakov. Lines of Art World of Poetry by A. Prasolov. Alexey Prasolov's poetry concerns the traditional Russian lyrics leaning against classical traditions. It is basic installation in construction of the art world of the poet. In article the basic characteristics of this art world are described.

Ю.И. Королева. Мотив возвращения в антиутопии XX века. В работе исследуется художественная логика обратной перспективы в антиутопии XX века. В центре внимания – роман Е. Замятина «Мы», сформировавший устойчивый эстетический и мотивный комплекс так называемой «органической» антиутопии, защищающей естественную природу человека.

Yu.I. Koroleva. Motive of Return in Anti-utopia of XXth Century. The article investigates the art logic of return prospect in anti-utopia of XXth century. The novel «We» by E. Zamyatin is in the center of attention, it generated steady aesthetic and motivational complex of the so-called «organic» anti-utopia which protects natural human nature.

НАШИ АВТОРЫ

- АРИСКИНА,**
Ольга Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск).
E-mail: ariskina@list.ru
- БЕДАРЕВА,**
Ирина
Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: bediral@mail.ru
- БУТАКОВА,**
Лариса Олеговна – доктор филологических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: larisabut@rambler.ru
- ВАГНЕР,**
Инна Андреевна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: vagner.inna@mail.ru
- ВАСИЛЬЕВ,**
Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор Сибирского юридического института МВД России (Красноярск).
E-mail: vasileva@kspu.ru
- ГЛУШАКОВ,**
Павел Сергеевич – доктор Латвийского университета (Рига, Латвия).
E-mail: glushakovp@mail.ru
- ГРИДИНА,**
Инна Николаевна – аспирант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
E-mail: ineska_gridina@mail.ru

- ГРИЩЕНКО,
Наталья Анатольевна** – старший преподаватель Сибирского федерального университета (Красноярск).
E-mail: ashatanata@mail.ru
- ДУ ХУНЦЗЮНЬ** – аспирант Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).
E-mail: hongjun411@gmail.com
- ЕФИМОВА,
Людмила Степановна** – кандидат филологических наук, доцент Якутского государственного университета.
E-mail: molmilahoco@maol.ru
- ИВУШКИНА,
Татьяна Александровна** – доктор филологических наук, профессор Московского государственного института международных отношений МИД России.
E-mail: tivushka@yahoo.com
- КОРОЛЕВА,
Юлия Игоревна** – аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: kyulias@yandex.ru
- КУКУЕВА,
Галина Васильевна** – доктор филологических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: kupala@inbox.ru
- КУЛИЧКИНА,
Галина Васильевна** – кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного института искусства и культуры.
E-mail: kulgv@list.ru
- МИРОШНИКОВА,
Ольга Васильевна** – доктор филологических наук, профессор Омского государственного педагогического университета.
E-mail: mirolga44@mail.ru

- ПОЛУНИЧЕВА,
Наталья Юрьевна** – кандидат философских наук, доцент Рубцовского филиала НОУ ВПО «Университет Российской академии образования».
E-mail: ninel_biruni@mail.ru
- ОРЕХОВ,
Борис Валерьевич** – кандидат филологических наук, старший преподаватель Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа).
E-mail: nevmenandr@gmail.com
- ОРЛОВА,
Наталья Васильевна** – доктор филологических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: nvorl@rambler.ru
- РЫБИНА,
Мария Сергеевна** – кандидат филологических наук, ассистент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа).
E-mail: maria.rybina@gmail.com
- САУНИНА,
Екатерина Валерьевна** – аспирант Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: sauninaev@mail.ru
- СЕДОЙКИНА,
Юлия Васильевна** – аспирант Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского.
E-mail: julchik-sed@bk.ru
- ТОПОЕВА,
Айго Олеговна** – аспирант Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан).
E-mail: aigo2006@rambler.ru
- ТРУБИЦЫНА,
Виктория Викторовна** – кандидат филологических наук, докторант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: vik-tru@yandex.ru

**ХРАМОВА,
Татьяна Юрьевна**

– кандидат филологических наук, докторант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: tatyana261@rambler.ru

**ХУДЕНКО,
Елена Анатольевна**

– кандидат филологических наук, докторант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: helenahudenko@mail.ru

**ЧЕРЕМИСИНА,
Светлана Борисовна**

– кандидат филологических наук, старший преподаватель Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: s.cheremisina@mail.ru

**ЧУВАКИН,
Алексей Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор . Подписано в печать 30.09.2011. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета.
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 0,75 авторского листа (30 тыс. знаков с пробелами), научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами).
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Интервал точно 12 пт (полуторный); шрифт – Times New Roman, кегль 12. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode, SILDoulosIPA, SILDoulos IPA93). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с действующим ГОСТом Р 7.0.5–2008 и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Неосновной текст, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: код по УДК и код по ББК; название (на русском и английском языках), и.о. фамилия автора (на русском и английском языках), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке).
8. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Панченко Наталье Владимировне. Почтовые отправления в обязательном порядке дублируются по электронной почте. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
9. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

Примечания: 1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384.

2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**

3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.